

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

ПОГОНЯ ЗА ОРУЖИЕМ

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Annotation

Полиция, как правило, недолюбливает частных детективов. Но подчас сотрудникам правопорядка нужно именно их помощь: пропало служебное оружие и найти его может только Яна Милославская, сыщик с экстрасенсорными способностями. И это лишь начало запутанного и головокружительного расследования.

- [Анастасия Валеева](#)

-

Анастасия Валеева

ПОГОНЯ ЗА ОРУЖИЕМ

Утро стояло необыкновенно солнечное и тихое. Изредка лишь несмелый ветерок зыбко трогал сочную листву. Неугомонные стрижи весело щебетали в воздухе, как бы стараясь переспорить друг друга. Порой они взмывали так высоко, что казалось вот-вот кто-то из них пронзит своим маленьким тельцем подушки облаков.

Вера уже давно проснулась. Она нежилась в кровати, безотрывно глядя сквозь окно на небесную лазурь. Вдруг как-то несмело и осторожно скрипнула дверь, и вслед за этим послышалось знакомое, мягкое шарканье тапочек. Шаги прекратились где-то в метре от кровати. Вера запрокинула голову и увидела сына, Кирюху, который, теребя рукав пижамы, не решался подойти к матери ближе, а только издали пытался увидеть, не проснулась ли она.

Поняв, что поток упреков со стороны разбуженных родителей в этот раз на него не обрушится, Кирюха, расплывшись в широкой улыбке, юркнул под одеяло Веры.

Она молча прижала его к себе, в тысячный раз подумав о том, что самое большое счастье на земле — быть матерью.

— Мама, кушать скоро? — перейдя с шепота на разговор в полный голос пролепетал Кирюха.

— Скоро, — глубоко и безысходно вздохнув, произнесла Вера, вставая с постели.

Пошатываясь от легкого головокружения, она неторопливо зашагала на кухню и через двадцать минут на столе уже дымились стопка румяных, смазанных свежим липовым медом, блинчиков.

Кирюха давно сменил пижаму на традиционные шорты с футболкой и тоскливо поглядывал на янтарные капли меда, периодически прыгающие с верхнего блина на край блюда. Они медленно расплывались, превращаясь в малюсенькие липкие желтые озера, и мальчишку так и подмывало или слизнуть их, или, по меньшей мере, шустро поддеть пальцем. Однако он отлично знал, что за этим последует, поэтому терпеливо выжидал приглашения к завтраку.

— Чем это у вас так...? — на веранде послышались сначала слова, а потом глубокие принимающие вдохи. — Печете что ли?

— Ты как всегда вовремя! — крикнула Вера, по голосу узнав, что к ней пожаловала подруга, Ольга Яковлева.

Ольга была знакома с Верой с самого детства. Они ходили в один детский сад, затем учились в одном классе, поступили в один ВУЗ и, благополучно его закончив, пошли работать в ту же школу, в какой учились сами. Были между подругами, конечно, и ссоры, но их период никогда надолго не затягивался.

— А где же Щербаков? — весело и задорно спросила Ольга, переступая порог кухни.

Она имела в виду главу семьи, мужа Веры. Он работал в милиции, участковым инспектором, был, безусловно, человеком занятым, но в это время суток обычно еще находился дома.

Вера брезгливо поморщилась и, обстукивая половник о края кастрюли, протянула:

— А Щербаков у нас в своем репертуаре!

— Что, опять в загуле что ли? — сразу посерьезнела Ольга.

— Угу, — буркнула ей подруга и жестом пригласила к столу.

Вера видела, что Яковлевой не терпится о чем-то ей рассказать. Она понимала также, что Ольга просто не решается это сделать, боясь в сложившейся ситуации показаться кощунственной эгоисткой. Щербакова решила сделать первый шаг.

— Как отпуск-то проводишь? — спросила она, прихлебнув из блюда горячий чай.

Тут Ольгу как прорвало.

— Ой, мне столько надо тебе рассказать! — воскликнула она.

— Произошло что-то из ряда вон выходящее? — предположила Вера.

— Угадала. Помнишь серьги, в которых я была на Новый год?

— Еще бы!

— Представляешь, я их на даче у Мишиных друзей потеряла!

— А-а-а... — Вера приложила ладони к лицу.

— Подожди ахать! Еще ахнешь, когда узнаешь, как они отыскались.

Серьги, о которых вела речь Яковлева, действительно, один раз увидев, забыть уже было невозможно. Крупные, редкого, пронзительно-синего цвета сапфиры, окруженные золотым кружевом, просто завораживали, особенно когда на них падали солнечные лучи. Многие, позавидовав такому редкому украшению, пускались прочесывать магазины, но все усилия даже самых настойчивых в этом деле оставались тщетными.

Ольга получила серьги в подарок от бабушки, на собственную свадьбу. Она давно мечтала о них, и с нескрываемым восторгом любовалась их

магическими переливами, когда бабушка в редкие праздничные дни доставала заветное украшение из шкатулки, и, только вступив в законный брак, стала хозяйкой драгоценности.

От взглядов свидетелей приподнесения дара не ускользнуло горькое сожаление в глазах бабушки. Очевидно, старушке было нелегко расставаться с серьгами. Это и понятно. Украшение было памятью о первой любви, самой чистой и самой сильной, о первом муже Татьяны Александровны Яковлевой. Она вышла за него совсем еще девочкой, семнадцати лет. Николай в то время был уже офицером, офицером Белой Армии, и в качестве свадебного подарка приподнес, тогда еще Танюше, именно эти вещицы.

Николай погиб во время гражданской войны. Татьяна Александровна тяжело переживала эту потерю, но потом как-то все забылось, правду, видно, говорят, что время лечит. Через пять лет бабушка Ольги вновь вышла замуж, однако любовь к Николаю, по-видимому, осталась самым светлым событием в ее жизни, потому что она могла часами рассказывать внукам о том, как первый муж за ней ухаживал, какие он дарил цветы, какие слова говорил и прочее. Закончив рассказ, Татьяна Александровна обычно вынимала из комода заветную шкатулку и, смахнув со щеки бегущую слезу, любовалась серьгами.

Трепетное отношение к украшению передалось от пожилой женщины не только детям, но и внукам, поэтому после смерти самой Татьяны Александровны драгоценность продолжала оставаться самым заветным предметом в семье Яковлевых. Понятно, почему потеря бабушкиного подарка, а затем его находка стали для Ольги настоящей сенсацией.

— Так как же вы их нашли? — спросила подругу Вера.

— Во-первых, мы долго думали, оттуда начинать поиски. Дача огромная, кругом зелень всякая. Я как вечером принарядилась, так до утра в этом виде и оставалась. Гулянка получилась жаркой. Компания веселая была, большая, ну ты можешь себе представить ход событий. Утром просыпаюсь — серег нет, главное — обеих! Стала припоминать — вроде снимала и положила в карман. А куда они делись из кармана, не понимала. Скорее всего, выпали. Все на меня накнулись: почему так халатно относишься и прочее. А я что? Праздник, весело, в такой ситуации не до здравого ума, сама знаешь.

— Ну ты к главному переходи! — нетерпеливо перебила Ольгу Вера. — Заинтриговала, а сама про ерунду всякую говорит!

— В общем, все мы перерыли, но безрезультатно. Я в слезы. А женщина одна давай меня успокаивать. Не отчаивайся, мол, я знаю, кто

тебе поможет, — Ольга встала и налила себе воды.

— И что? — торопила Вера.

— Поехали сразу в Агафоновку.

— Вот это вас занесло-о! — присвистнула Щербакова.

— Цель оправдывает средства. Там экстрасенс одна живет.

— Что это она так далеко забралась? — в голосе Веры чувствовалась нотка пренебрежения. — Они ж какие все? Шарлатанством у народа деньги выманят, а потом квартиры элитные в центре приобретают!

— Так то шарлатаны, а это самая настоящая незаурядная личность, дар у нее особый!

— Правда?

— Угу. Она сначала братья за дело не хотела. Говорит, не занимаюсь, мол такой ерундой. А как выслушала историю этой потери, сразу согласилась. Не бесплатно, конечно, но это того стоило.

— На кофе гадают?

— На картах!

— У-у-у-у... — разочарованно протянула Щербакова.

— Подожди ты укать. Она ж не по-цыгански гадают, а по-своему. И карты у нее не такие, в которые твой Андрей на работе режется, а особые.

— Какие еще особые?

— Ну нет на них королей, дам и всякой этой ерунды. Только символы какие-то нарисованы. Яна сама изготовила эти карты.

— Яна?

— Да, ее так зовут — Яна Милославская.

— Слушай, ерунда прямо какая-то, лохотрон! — не верила Вера.

— Это ты зря. Я тоже сначала отнеслась настороженно, но выхода-то другого все равно не было, поэтому и согласилась на общение с экстрасенсом. Яна руку на одну из карт положила, замерла как-то, а потом спросила, есть ли на даче маки. Мы думали-думали, а потом вспомнили, что вплотную к забору сам собой вырос такой цветок. После этого Милославская сказала, что серьги лежат в метре от него, в высокой траве. Мы все туда. И точно там, где указала экстрасенс, нашли то, что искали. Хочешь верь, хочешь — нет, но так оно и было.

— Ничего себе!

Подруги еще долго обсуждали все подробности случившегося, да и торопиться им, собственно говоря, было некуда: лето — пора учительских отпусков.

Вера прилегла отдохнуть. Кирюха, насытившись, побежал играть ко двору. Щербаковы жили в стареньком частном доме, стоящем на одной из самых тихих улочек этого района, поэтому детей можно было отпускать на прогулку безбоязненно. Тем более, все соседи друг друга хорошо знали, старушки почти круглосуточно куковали на трухлявом бревнышке под раскидистым кленом, а заодно и присматривали за веселящейся ребетней.

Вера перемыла посуду, притерла полы и почувствовала сильную усталость. Вообще, она была необыкновенно энергичной, все постоянно удивлялись, откуда она черпает силы. Но с недавних пор у нее появилась существенная причина для изменения «поведения» организма: Щербакова забеременела.

Кирюхе шел шестой год. Вроде и пора было подарить ему братика или сестренку, но условия для появления в доме малыша оставляли желать лучшего.

Семья уже несколько лет занималась строительством дома. Дело это, конечно, непростое. Щербаковы — люди небогатые: жена — учитель, муж — участковый милиционер, — поэтому новостройка являлась поистине тяжелой обузой для семьи. Нужно было не только покупать стройматериалы, но и где-то подешевле нанимать рабочих, желательно настоящих профессионалов, а затем умело контролировать их работу: где-то похвалить, а в иной ситуации и неласковое слово сказать.

Все это лежало на плечах Веры. И не только потому, что Андрей уходил в недельные запои. Он вообще был человеком апатичным, без каких-то устремлений, страстных желаний, ярко выраженных жизненных целей. Старенький домишко, в котором обитали Щербаковы, рассыпался на глазах, а Андрея это нисколько не беспокоило. Он с удовольствием продолжал бы в нем оставаться до конца своих дней, глядя, как потолок обещает придавить его к полу.

К счастью, жена его имела иной склад характера: бойкая, вечно неугомонная, работающая. Она была ядром семьи не только как мать, но и как основной добытчик денег.

Школьного учителя, конечно, добытчиком трудно назвать. Но Вера, помимо своих восемнадцати часов в неделю, умудрялась еще и частным предпринимательством заниматься. В ночь под выходные она ездила в Москву за товаром и возвращалась в воскресенье, волоча на себе необъятные сумки с барахлом. Ощутимой прибылью это занятие не

приносило: денег в обороте было не больше трех тысяч, товар дешевый, ширпотребовский, тем более средства не позволяли расширить ассортимент. Приходилось также оплачивать работу продавца. Даже если ничего не продано, тридцатку все равно надо было отдавать. Сама Вера за прилавком стоять не могла, поскольку основную работу бросать не хотела. Но и расставание с «базарным» ремеслом являлось бессмысленным, потому что сколько-нисколько, а в кошельке все-таки прибавлялось.

Но и на этом женщина не успокаивалась. С февраля месяца она начинала кропотливо трудиться в теплице, выращивая рассаду помидор, баклажан, перцев, капусты. Все это тоже требовало невероятных усилий, потому что, кроме традиционного полива и прочего, всю эту уйму саженцев нужно было в определенное время распикировать. В период пикировки Щербакова торчала в теплице до полуночи, с трудом заставляя себя утром подниматься с постели и идти на работу. Зато, начав торговлю рассадой в мае-апреле, Вера возвращалась с рынка с хорошей выручкой, и в итоге могла позволить себе приобрести какую-нибудь крупную вещь.

Что и говорить — крутилась женщина, как белка в колесе. Без поддержки, без взаимопонимания. На мужа махнула рукой. Пыталась как-то перевоспитывать, но вскоре поняла, что бесполезно, и все взяла на себя. А он пользовался этим и, продержавшись месяц, от силы — два, загуливал на неделю, поэтому второму ребенку было не время появляться на свет. Но, как говорится, так получилось. Теперь кормильцем семьи стал только Андрей. Вера, оставшись наедине с мужем, умоляла: «Андрюша, не пей! Не надо. Подумай о нас.» Он кивал головой, но все оставалось, как прежде.

Соседи судачили: «Дура! Бросила бы его, развелась, зачем он ей такой!». Но они-то не понимали, как хорошо было им вдвоем, когда Андрей не пил. По дому помогал: стирал, гладил, ужин мог приготовить. Главное — говорил, что любит. А женщине просто необходимо хоть когда-нибудь, хотя бы изредка это слышать. Да и вообще, сыну нужен отец, каким бы он не был. И женщине одной поднять ребенка чрезвычайно трудно, тем более на такую мизерную зарплату, которую получала Щербакова.

Вера не зря сегодня сказала Ольге, что Щербаков опять в своем репертуаре. Он уже несколько дней не появлялся дома. От коллег Андрея Вера узнала, что ее муж днем работает, а вечером в пикете же расслабляется. Щербакова не бегала, не звала супруга домой, потому что это был уже пройденный этап. Минули те времена, когда загулы Андрея только начинались. Тогда, если он задерживался, Вера шла его разыскивать, пьяного волочила домой, всю ночь плакала. А потом как-то привыкла, успокоилась, потому что поняла, что все пойдет по заранее известному ей

кругу. Многие удивлялись, как же он свои затяжные пиршества совмещает с работой, к тому же считается неплохим сотрудником. Веру же по просшествии стольких лет семейной жизни уже ничего не удивляло, хотя поначалу она и была в шоке.

Вот и теперь ей ничего не оставалось, кроме как ждать, когда благоверный придет в норму и явится, наконец, домой.

* * *

— Господа, не слишком ли затянулся ваш перекур? — кричала Вера рабочим, стоя на пороге дома.

Новое жилище Щербаковы возводили там же, где и жили. Двор вокруг их домишки был очень большим, поэтому места для новостройки хватало. Такой вариант строительства таил в себе некоторые неудобства, но все же и плюсы имел тоже: не приходилось никуда ездить да и переселяться к родителям даже на время не хотелось. К тому же, несмотря на бурно идущее строительство, женщине удавалось содержать двор в идеальной чистоте, и он не терял своего прежнего обаяния.

— Все, хозяйка, заканчиваем, — ответил Вере самый здоровый, загоревший до черноты, мужчина.

Щербакова строго следила за тем, как относятся к своей работе нанятые ею люди. И если им приходило в голову побездельничать, она ловко пресекала это.

Мужчины притихли. В этот момент скрипнула калитка, и послышалось шуршание травы, которая мешала ходьбе по узкой тропинке.

— Хозяин пожаловал! — крикнули Вере работники, которым свысока было все видно.

Она встрепенулась. Волна гнева, негодования, ненависти нахлынула на нее. Однако, Вера не имела привычки начинать скандал в присутствии посторонних, поэтому, хлопнув дверью, вошла в дом и стала ждать, когда же, наконец, сможет выплеснуть накопившиеся эмоции.

Андрей вошел, виновато склонив голову. Но что-то еще было во всем его облике, кроме чувства вины, и это насторожило Веру. Она продолжала молчать, хотя обычно в такой ситуации действовала иначе. Молчал и ее муж. Он разулся и прошел в зал. Затем, не снимая одежды, лег на диван и, скрестив ноги, стал смотреть в потолок.

— Ты бы хоть разделся! — едва сдерживая себя от крика, произнесла Вера.

Она презрительно осмотрела засаленную одежду Андрея, всю в пятнах, измятую и дурно пахнущую смесью табака с перегаром.

— Щас, — зло ответил Щербаков.

— Конеееечно! — Вера постепенно переходила на крик. — Жена постирает, ей делать нечего! Мало того, что вот это дерьмо три дня замачивать надо, — ЩеОрбакова дернула штанину грязных Андреевых брюк, — так я еще и покрывало должна буду в хлорке держать?! Неизвестно же, где ты валялся и с кем!

Щербаков вскочил, быстро, по-солдатски, избавился от одежды и лег на диван носом к стенке. Это Веру насторожило еще больше. Обычно муж отвечал криком на крик и после долгих препирательств, в конце концов, просил извинения. Сегодня он, по всей видимости, делать этого не собирался.

— Вот дрянь! — взорвалась Вера. — Ты что, объясняться не собираешься? — она потянула конец одеяла, которым прикрылся Андрей.

— Оставь меня в покое! — бешено заорал Щербаков.

В его лице и голосе было столько агрессии, что женщина решила отступить. Она молча удалилась в спальню и, уткнувшись в подушку, зашлась рыданиями. Вся жизнь в этот момент казалась ей прожитой напрасно, неудавшейся, никчемной и несчастной. Она проклинала тот день, когда познакомилась с Андреем, и саму себя за то, что не сумела ему отказать, согласилась выйти замуж.

— Заткни-и-ись! — послышалось из зала.

Вера сразу вскочила, притянула к себе одеяло и притихла. Она была в шоковом состоянии, потому что так Андрей с ней еще никогда не разговаривал. Наоборот, слезы Веры были самым сильным оружием. Андрей не мог видеть, когда жена плакала, готов был ползать на коленях, лишь бы она успокоилась. А здесь такое!

«Что-то случилось!» — мелькнуло в сознании Веры, и она решила вопреки всему прояснить ситуацию. Однако, будучи женщиной мудрой, Щербакова понимала — сейчас лучше этого не делать. Надо, стиснув зубы, немного подождать, а потом уже действовать.

До позднего вечера женщина проходила в состоянии беспомощного неведения и с трудом подавляемого гнева. Вера кричала на Кириуху, как только он пытался что-то спросить, и даже один раз вlepила ему незаслуженную оплеуху. Мальчишка лег спать со слезами, и Вере даже не хотелось просить у него прощения за обиду, хотя она обычно в таких случаях это делала.

Уже стемнело, а Щербакова все еще не ложилась. Она знала то, что и

Андрей не спит. Было слышно, как он вертится с боку на бок, глубоко и тяжело вздыхает. Однако Вера понимала, что бессонница мужа вызвана отнюдь не муками совести.

Желтым конусом падал на стол свет из-под старенького маленького плафона бра. Вера сидела одна на кухне и невольно прислушивалась к незатейливой трели сверчков, каждое лето поселяющихся в лебеде под окном.

Скрипнула дверца холодильника. Вера повернула голову и увидела Андрея, склонившегося над кастрюлями и раздумывающего, что бы перекусить.

Взяв два яйца и пачку маргарина, он направился к плите, чтобы приготовить себе мини-ужин.

— Ешь щи! — остановила его Вера.

— Мне не до этого! — буркнул Щербаков.

— Что случилось?

— Ничего.

— Не ври. Я тебя вижу насквозь, и, если не заметил, научилась это делать довольно давно.

Андрей молчал, и это можно было расценивать, как знак согласия.

— Так что произошло? — настойчиво повторила свой вопрос Вера.

Она предполагала, что настроение мужа как-то связано с неприятностями на работе, но то, о чем он ей поведал, превзошло все ожидания.

— Потерял пистолет, — Щербаков поджал губы и выжидающе посмотрел на жену.

Вера сначала не находила в себе сил сказать что-то, потому что мысли с молниеносной скоростью проносились в ее сознании.

— К-как? — прошептала она.

— Не знаю, — сухо ответил Андрей.

— Дрянь! Ты хоть понимаешь, что это для нас значит? — уронив голову на стол завопила Вера.

— Лучше, чем ты думаешь, — как-то язвительно ответил Щербаков.

— Это все ты! Ты во всем виноват! Сколько раз я тебе говорила, что пьянка до добра не доведет! Ты о детях подумал? Что они жрать-то будут, когда папа останется без работы или — того хуже — в места не столь отдаленные отправится?!

— Ну убей меня, убей! — Андрей ударил себя кулаком в грудь. — Ты хоть понимаешь, что я сам себя сейчас ненавижу?! И что из этого? Удаться? Тебе легче станет? Не думаю! Не выть надо, а действовать!

Щербаков, быть может, впервые в жизни выказывал потребность в активной деятельности. Вера поняла, что он прав. Ей действительно хотелось сейчас его прибить, причем собственноручно, но от этого, на самом деле, вряд ли кому-то полегчало бы.

— Харитонов знает? — Вера имела в виду начальника мужа.

— Пока нет.

— Вы хоть искали?

— Нет, сложа руки сидели! — с саркастической интонацией ответил Андрей. — Перерыли все вдоль и поперек — ничего! Макаров — не иглолка, но найти все равно не удалось!

— Где потерял?

— На даче у Ильича.

Вере захотелось в этот момент запустить в мужа чем-нибудь тяжелым, так как она, беременная, надрывается одна, руководя стройкой дома, а он по дачам разъезжает. Однако в ее сознании всплыла мысль о том, что и Ольга Яковлева потеряла свои серьги тоже на даче. И эта мысль постепенно привела Щербакову к идее посетить пресловутого экстрасенса.

— Что делать будем? — спросил Андрей.

— Кажется, я знаю что.

* * *

— Кто-о? — послышался за окном боязливый и одновременно раздраженный голос Ольги Яковлевой.

— Оль, я это, Вера.

Занавеска задергалась и вслед за рукой, ее открывающей, показалось испуганное Ольгино лицо.

— Верка? Ты? С ума сошла что ли? Двенадцать часов ночи! — Яковлева недоуменно хлопала глазами, глядя на чету Щербаковых сквозь стекло.

Увидев рядом с подругой ее мужа, Ольга, хотя и была сонная, все же сообразила, что гости пришли явно не чай гонять.

— Что случилось? — тревожно спросила она.

— Да ты в дом-то наспустишь, наконец?! — рявкнул Щербаков.

Яковлева скрылась за занавеской, и вслед за этим послышалось звонкое шлепанье босых ног о пол.

— Заходите, я Ральфа держу, — скомандовала Ольга после того, как скрипнул засов калитки.

Ральф был чистопородным «боксером» с отличной родословной. Яковлевы воспитывали его исключительно как охранника дома, потому что в последнее время количество искателей цветных металлов по чужим сараям и баням резко возросло. Воровали все: трубы, тазы, баки, посуду и прочее, — и просто угрозами вызова милиции застуканных воров порой трудно было выгнать со двора.

Но отец Ольги, видимо, переусердствовал, занимаясь воспитанием собаки, поскольку Ральф бешено кидался на всех, кроме членов семьи Яковлевых. Именно поэтому сейчас подруге Веры пришлось придерживать собаку, чтобы пропустить ночных гостей.

— Ну выкладывайте, зачем пожаловали, — позевывая, обратилась подруга к Щербаковым.

— Адрес этой Яны Милославской дашь?

— Зачем?

После этих слов Ольга, казалось, окончательно отошла ото сна.

— Всем уже разрезвонила! — послышался из коридора голос разбуженного мужа Яковлевой, Дмитрия.

Выходя замуж, Ольга отказалась брать фамилию супруга, очень гордясь своей, и после этого близкие почему-то стали называть Дмитрия исключительно по фамилии.

— Грызлов проснулся! Сейчас вам достанется! — с шутливой угрозой в голосе протянула Яковлева.

— Вам-то зачем понадобилось общение с темными силами? — спросил Дмитрий, войдя на кухню.

— Хочу в «Дурака» на ее картах поиграть, — ухмыльнулся Андрей, — а если серьезно — нам сейчас не до шуток, у меня большие проблемы на работе. Адрес нужен прямо сейчас. Мы завтра с утра пораньше к ней. Пока доберемся...

До Агафоновки на самом деле было далеко, а экономить время Щербаковым было очень даже нужно.

Ольга посмотрела на Веру и, поняв, что та сейчас не расположена объясняться, все же принесла блокнот и выписала для друзей из него адрес Милославской. Попрощавшись, Щербаковы удалились. Они всю дорогу до дома молчали, но между ними чувствовалось если не взаимопонимание, то какое-то единение.

Андрей лег спать в зале, чтобы не мешать жене своей возней. Но и она в эту ночь не сомкнула глаз, думая о предстоящих трудностях. Только Кирюха мирно посапывал и за всю ночь, наверное, ни разу не перевернулся на другой бок.

Старенький «Москвиченок» Щербаковых уже долго не заводился, заставляя и без того взбудораженных хозяев еще больше нервничать. Андрей безбожно матерился, но Вера не останавливала его, хотя рядом и стоял Кирюха. Она сама была непротив как следует выругаться.

Наконец, после короткого урчания, послышавшегося вслед за поворотом ключа, раздалось знакомое тарахтение. Щербаковы вздохнули облегченно и стали усаживаться в машину. Больше всех подобные вылазки любил, наверное, Кирюха, потому что Андрей не так уж и часто выгонял машину из гаража. «Москвич» был старым, года семидесятого, поэтому частая эксплуатация приводила к затяжному дорогостоящему ремонту, да и средства не позволяли тратиться на бензин, тем более последнее время он дорожал с каждым днем.

Андрей гнал в этот раз необыкновенно быстро, местами превышая допустимую скорость. Вера попыталась этому воспрепятствовать, но посмотрев на мужа, поняла, что внутри у него настоящий пожар, страстное желание избавиться от тяжелого груза, лежащего на душе. В Агафоновке, правда, Щербакову волей-неволей пришлось это сделать, поскольку состояние дорог там оставляло желать лучшего.

«Москвичу» пришлось попетлять по пыльным, разбитым улицам этой городской окраины, прежде чем удалось отыскать нужную улицу, а потом и номер дома. Жилищем Милославской оказался частный дом, по всей видимости, старый, но довольно добротный и крепкий, выстроенный на совесть. Щербаковы невольно окинули его хозяйским, оценивающим взглядом, поскольку все, что касалось частного жилья, было сейчас для них особенно актуально.

Андрей поставил машину в тени огромного раскидистого дуба, который посадили, наверное раньше, чем возник сам дом. Вера несмело подошла калитке и попыталась ее открыть. Старая ржавая пружина скрипнула, но дверь не поддавалась. Скорее всего, изнутри она была закрыта на засов. Щербакова стала стучать щекоткой. Реакция на раздающиеся громкие звуки последовала незамедлительно — воздух прорезал хриплый, возмущенный собачий лай.

— Джемма, кто там? — спросил женский голос, после того, как открылась дверь из дома.

Джемма продолжала лаять, давая понять своей хозяйке, что пожаловали чужие. Собака была полуторогодовалой среднеазиатской

овчаркой, привезенной из Туркмении. Ее размеры внушали страх даже самым смелым. На самом деле, Джемма могла справиться со взрослым человеком и в трудных ситуациях всегда выручала Яну, порой спасая от неминуемой гибели. Вот и в этот раз собака была готова защищать хозяйку.

Милославская подошла к калитке и, отодвинув засов, приоткрыла ее.

— Нам нужна ваша помощь, — объяснилась Вера.

Яна поджала губы, о чем-то раздумывая.

— Очень! — настойчиво добавила Щербакова.

Экстрасенс немного отступила от калитки, пропуская гостей вперед. Ее действия повторила и Джемма, которая все это время зорко следила за происходящим.

* * *

Необыкновенный дар, ниспосланный свыше, Яна обнаружила у себя после того, как побыла в состоянии клинической смерти. Несколько лет назад семья Милославских попала в серьезную автомобильную катастрофу, после которой в живых осталась только сама Яна. Ее муж, Саша, и единственный сын, Андрей, погибли. Милославская глубоко переживала случившееся, она пролила много слез, но изменить ничего уже было нельзя. Жизнь продолжалась, и возникла необходимость как-то по-новому приспособливаться к ней. В этом и помог ей необыкновенный, необъяснимый дар. Теперь она должна была заботиться не о своих близких, а о людях, которые обращались к ней за помощью.

Яна редко проводила бесплатные сеансы, хотя в некоторых случаях происходило именно так. Гадание на картах отнимало у Милославской слишком много сил. Столько, что больше двух карт из колоды экстрасенс использовать не могла, а потом и вовсе чувствовала себя, как выжатый лимон. Поэтому совмещение какой-то работы с гаданием оказалось невозможным. А, как говорится, хочешь жить — плати деньги. Чтобы их платить, надо как-то зарабатывать. Вот и приходилось Яне брать за свои услуги определенную плату.

Размер ее зависел от конкретной ситуации. В каких-то случаях она была чисто символической, а где-то и довольно внушительной. В общем, стоимость гадания обычно возрастала прямопропорционально сложности дела и тому подобному. Порой, правда, получить упаковочку зеленых сам бог велел: клиентами Яны часто оказывались пресловутые новые русские.

Милославская провела гостей в свой кабинет. Сама она расположилась в старинном кресле со спинкой из темной бронзы, а гостям указала на диван, обитый дорогим зеленым бархатом. Щербаковы почувствовали себя как-то неуютно, не в своей тарелке, потому что им не так-то часто приходилось находиться в подобной обстановке. Зато Кирюха, по причине своей детской непосредственности, освоился практически сразу. Правда, увидев на стене изумрудный ковер с вышитыми катренами Нострадамуса, он глупо открыл рот и смотрел на него, не отрывая глаз. Отец одернул Кирюху, и тот переключил внимание на другие предметы.

— Можно? — обратился он к Яне, взяв в руки статуетку египетской кошки.

— Если осторожно! — пошутила Милославская, потрепав мальчишку по голове. — Бери, бери.

Вещица эта была дорогой и очень ценной, но отказать Кирюхе Яна просто не сумела, вспоминая, как когда-то этой кошкой тайком от родителей забавлялся ее сын.

После этого в комнате установилось молчание. Щербаков кашлянул и посмотрел на жену, давая понять, что ведущая роль в разговоре остается за ней. Милославская закурила.

— Я вас слушаю, — процедила она, выпуская струйку дыма.

Вера принялась рассказывать, в чем состоит суть их проблемы. Поначалу она чувствовала неловкость, потому что приходилось говорить и о психологическом климате в семье, и о главном недостатке ее мужа — пристрастии к спиртному. Но потом, видя, как реагирует на рассказ Яна, Щербакова осмелилась и начала вести себя более свободно. Она понимала, что важно ничего не упустить, важно суметь доказать, какое горе ожидает семью, если пистолет не найдется.

— На что же вы станете существовать? — произнесла Милославская, проникшись сочувствием к семье. — Разве это возможно — в форме сотрудника органов, при оружии, пьянствовать на какой-то даче? — недоумевала она.

— По закону — нет, а на деле бывает всякое, — процедил Щербаков, — особенно, когда выпьешь лишнего.

Живот Веры был уже довольно заметным, особенно когда малыш начинал двигаться. Яна невольно задержала на нем взгляд. Возможно, именно это обстоятельство подталкивало ее к положительному ответу. В

отношении Веры ей было все ясно еще до того, как она рассказала о себе. Милославская чисто интуитивно чувствовала, что перед ней человек честный, волевой, сильный, цельный, настоящая личность. Но она также отчетливо ощущала — эта женщина глубоко несчастна.

Судя по рассказу Щербаковой, было понятно, что основная причина ее несчастья — загулы мужа. Милославская внимательно посмотрела на него: полная противоположность жены. Андрей еще не успел отойти от долгих дней и ночей кутежа и выглядел не лучшим образом: опухший, с огромными мешками под глазами. Но что-то в этих глазах было такого, что заставляло думать о Щербакове, как о неплохом человеке. От него исходили какие-то флюиды доброты, беспомощности, желания укрыться под чужим крылом и в то же время неумения отказать другим.

Но предчувствия бывают обманчивыми, поэтому Яна решила прибегнуть к помощи карт, предсказания которых никогда еще ее не подводили. Слушая Веру, Милославская взяла с тумбочки заветную колоду и вытащила из нее карту «Чтение». Эта карта помогала экстрасенсу проникать в глубины сознания людей и даже в их подсознание, угадывать тайные помыслы, настроение, ход мыслей.

Рисунок на карте вполне соответствовал ее функциональным возможностям: в самом центре был изображен человеческий глаз, внутри зрачка которого — голова человека, «содержание» которой гадающий мог легко «раскусить» посредством данной карты. Ну а окружало зрачок символическое изображение расходящихся в разные стороны волн, позади которых сияли широкие лучи, символизирующие мощную энергию.

Яна положила ладонь на «Чтение» и попыталась сосредоточиться. В этот раз она почувствовала тепло, идущее от карты, необыкновенно быстро. Только вначале оно было слегка ощутимым, и Милославская с трудом его улавливала, как бы пытаясь удержать. Затем легкое покалывание начало усиливаться, пока, наконец, экстрасенс не почувствовала, что вся кисть руки окутывается приятным, пронизывающим теплом.

Теперь Яна могла сделать для себя соответствующие выводы, вернее она убедилась в том, что интуиция ее не подвела. Она не сомневалась: Щербаков — человек, действительно неплохой, страдающий от власти над ним зеленого змия и чрезмерно подвластный чужому влиянию, особенно плохому. Милославская улавливала в его сознании слова глубокого раскаяния в содеянном, слова утешения, приготовленные для Веры и тому подобное.

— Я помогу вам, — произнесла она, когда Щербакова закончила свой рассказ и выжидающе посмотрела на экстрасенса.

Вера как-то замялась, а потом нерешительно произнесла:

— Сколько? Сколько нам это будет стоить?

— Не беспокойтесь, больше, чем вы можете заплатить, я не потребую, — Яна потянулась за сигаретой.

Во время самих сеансов она обычно не курила, и сейчас ей нужно было как следует расслабиться, потому что карта отняла у нее уйму сил и энергии. Вместе с тем Милославская чувствовала непонятное напряжение во всем теле. Она назвала Щербаковым чисто символическую сумму, которую они должны были отдать за ее услуги и даже позволила выплачивать ее частями, по мере продвижения дела.

По всей видимости, Андрей был доволен этими условиями: на его лице появилось что-то вроде улыбки. Он с облегчением вздохнул и стал смотреть на Яну с большим доверием. До этого момента Щербаков не особенно желал общаться с гадалкой, воспринимая это только как единственно возможный пока выход из положения, как какой-то шаг вперед. Но его точил червь сомнения: не обман ли все это, не пустая ли трата времени. Теперь же, поняв, что он, во всяком случае, ничего не потеряет, Щербаков был полностью готов к сотрудничеству.

Милославская молчала, ее гости тоже.

— Может быть, кофе? — спросила Яна.

Андрей с Верой переглянулись, но Кирюха, который, проверив все и вся, уже начинал скучать, опередил их.

— Да. Мы хотим кофе!

— Кирилл! — строго одернул его отец, но Милославская уже поднялась с кресла и направилась на кухню.

Яна взяла в руки серебряную джезvu и принялась за приготовление кофе. Она чувствовала особое расположение к этим людям и искреннее желание помочь, которое породило страстное желание вновь взяться за колоду прямо сейчас. Но Милославская отлично понимала, что ее необъяснимые силы исчерпаны картой «Чтение», и для их восстановления понадобится по меньшей мере пара часов.

Войдя в кабинет с подносом, на котором дымились четыре миниатюрные чашечки, Яна заметила выражение нетерпения на лицах Щербаковых. Она догадывалась, чего от нее хотят.

— Вы ждете, когда же я начну гадать? — улыбаясь, спросила она.

Андрей ошарашенно посмотрел на жену. В его глазах отлично читался вопрос: «Она что, и мысли читать умеет?» Однако в действиях Яны не было ничего сверхъестественного. Просто тревожные чувства переполняли Щербаковых, а скрыть это им не удавалось.

— В общем-то, да, — придя в себя, ответил Андрей.

— Вынуждена вас разочаровать, — Милославская поставила поднос на стол.

— К-как? — вырвалось у Веры.

— Сейчас я вряд ли чем-то смогу вам помочь.

— Но почему?! — негодовал Щербаков.

— Потому что, — Яна прихлебнула из чашечки кофе, — гадание предполагает восстановление растроченных сил.

— И как скоро, как скоро это произойдет? — продолжал Андрей.

— Я и сама не знаю. Буду пытаться. Как получится. Это не зависит от моего желания. Порой мне нужно воспользоваться картами, а они молчат. Это тоже может стать причиной временного бездействия. Но — могу вас успокоить — в конце концов мои помощники сдаются.

— Долго приходится ждать этого конца концов? — Андрей злился и поэтому начинал иронизировать.

— Я думаю, сегодня что-нибудь должно получиться, — поразмышляв ответила Яна, — дело в том, что в день редко удается использовать больше двух карт. Правда, «Джокер» отнимает меньше сил, возможно, им я и воспользуюсь, но не сейчас.

Вера понимала — это тонкий намек на то, что пока в разговоре поставлена точка, и им бы неплохо покинуть дом Милославской, поскольку ей требуется отдых.

— Когда нам прийти? — спросила Щербакова.

— Я сама вас разыщу, когда это понадобится. Оставьте адрес и телефон, если есть, — Яна вынула из пачки бумаг для записей листок и протянула Вере.

* * *

Милославской снилось, будто она лежит в прекрасном тропическом лесу под тенью мангового дерева и любуется висящими на нем тяжелыми, глянцевыми, сочными плодами. Манго похожи на елочные игрушки. Они висят на своих длинных стебельках-нитях и покачиваются, маня к себе Яну. Милославская приподнимается с земли и пытается дотянуться до одного из фруктов. Но ветки манго находятся высоко, и от взгляда в высь у нее начинает сильно кружиться голова. Яна падает, но как-то медленно, плавно. Ее рука, как бумажный кораблик, опускается на воду бегущего рядом ручья. Ручей ласкает руку, но он какой-то теплый и шершавый.

Яна открыла глаза. Рядом стояла Джемма и усердно лизала ей руку, пытаясь напомнить хозяйке, что пора бы уже наложить в собачью миску очередную порцию «Чаппи».

— Дже-е-мма! — разочарованно протянула Милославская. — Такой сон!

Джемма тихо заскулила, как бы оправдываясь перед Яной за свои действия. Волей-неволей Яне пришлось встать с дивана. Поднявшись, она ощутила, что полна сил и энергии, как никогда. Это была даже не бодрость, а какой-то переполняющий тело оптимизм. С каждым шагом все больше хотелось жить, а главное — действовать.

— У-а-а-а... — Яна потянулась и стала смотреть, как ловко выбирает Джемма своим длинным языком из миски хрустящие шарики.

— Работать будем? — весело произнесла Милославская.

— Ав! — хрипло отозвалась собака.

Она всегда так отвечала, когда Яна о чем-нибудь с ней заговаривала. Джемма, безусловно, не понимала смысла вопроса, но то, что с ней советовались, определенно собаке льстило.

Вообще, конечно, Джемма была необыкновенной. И главная заслуга в этом принадлежала Яне. Она прочитала множество книг по парапсихологии и натренировала Джемму выполнять ее телепатические приказы. Порой собаке удавалось следовать им даже на расстоянии.

Милославская прошла в кабинет, села на диван и откинулась на его мягкую удобную спинку. Она попыталась в деталях вспомнить то, о чем рассказывала ей Вера. Какое-то внутреннее предчувствие говорило Яне, что оружие не потеряно. Но где оно — экстрасенс не могла сказать. Андрей был честен, это не вызывало сомнений, но все-таки что-то темное, скрытое, непонятное таилось во всей этой истории.

— Джемма, дай карты, — обратилась Милославская к собаке.

Та послушно засемила к тумбочке, на которой находилась колода, и подцепила стопку зубами. Однако собачьей ловкости для совершения этого незамысловатого действия не хватило, и некоторые карты шурша посыпались на пол. Джемма посмотрела на них, но все же понесла хозяйке те, которые удалось ухватить.

— У-у-мницца! — погладила Яна собаку.

Она посмотрела на карты. Это были «Да/Нет» и «Царство живых». Последней Милославская пользовалась в том случае, если нужно было узнать, жив человек или он покойник. К счастью, в данном случае этого выяснять не требовалось, поэтому Яна решила поработать с «Да/Нет». К тому же эта карта была сейчас весьма кстати. Больше всего гадалку мучал

вопрос: потерян пистолет или нет.

Джемма занималась перетаскиванием упавших карт. Она собрала уже почти все и в ряд выложила их перед Яной, предполагая, что они тоже могут понадобиться.

Милославская благодарно погладила собаку и стала сосредотачиваться. Она посмотрела на символ, изображенный на этом кусочке картона. Все знаки по магическому зову сердца были нарисованы самой Яной черной тушью. Здесь в середине высокой стены из крупных камней распахивались мощные деревянные ворота, открывающие дорогу в неизвестное.

Подобную стену-завесу предстояло сейчас преодолеть и Милославской. Она, как обычно, положила ладонь на карту и стала концентрировать внимание на интересующем вопросе. Джемма, поняв, что сейчас ни одно постороннее движение не должно беспокоить ее хозяйку, послушно улеглась на пол и закрыла глаза.

То же самое сделала и Яна. Так ей всегда было проще настраиваться. Она мысленно многократно повторяла вопрос, мучивший сознание, пока, наконец, не стала улавливать тепло — предвестник долгожданного ответа. Это означало, что карта согласилась на сотрудничество. В глазах стояла темнота, и мириады сверкающих мушек кружились с молниеносной скоростью в одном только им подвластном танце.

Яна еще раз задала вопрос. Она сформулировала его с предельной четкостью и ясностью, отогнав все посторонние мысли, с поразительной настойчивостью и наглостью вторгающиеся в сознание. В этот момент исчезли все звуки: сопенье Джеммы, тиканье часов, шелест клена, росшего прямо под окном. Через минуту Милославской стало ясно: пистолет не потерян, с ним случилось что-то другое. Поскольку в искренности Андрея Яна была стопроцентно уверена, она позволила себе предположить, что оружие у него просто выкрали, когда он спал, будучи пьяным.

Немного поразмышляв над пришедшей в голову идеей, Яна подумала, что, скорее всего, так и произошло. Тем более ощущение чего-то темного, страшного, недоброго преследовало ее, и оно определенно было связано с щербаковской историей.

Несмотря на то, что обеденный сон восстановил силы Милославской, после этого сеанса она опять почувствовала невероятную усталость. Сердце билось сильнее обычного, но вместе с тем какая-то слабость растекалась по жилам. Подходило время ужина, и пустой желудок давал о себе знать громким непрерывным урчанием.

— Хорошо тебе, — протянула Яна, глядя на дремлющую Джемму, —

наелась, а меня вот и покормить некому.

Собака приоткрыла один глаз и непонятливо посмотрела на хозяйку. Минутой позже, уловив краем уха какой-то неслышимый пока человеку звук, Джемма поднялась на лапы и гавкнула на дверь.

— Ну что ты? — успокаивающе произнесла Милославская.

— Гав! — настаивала собака.

Через некоторое время на самом деле с улицы послышалось гуденье мотора какой-то легковушки. Судя по звукам, она сначала снизила скорость, а потом и вовсе остановилась, прямо возле дома Яны.

С трудом преодолевая бессилие, Милославская медленно зашагала к окну, из которого хорошо было видно площадку, простирившуюся перед воротами. Слегка отодвинув рукой практически непрозрачный тюль, Яна наклонилась к стеклу и увидела у ворот знакомые «Жигули».

— Спокойно, Джемма, Три Семерки пожаловал, — гадалка направилась к двери.

Три Семерки — прозвище одного из старинных Яниных приятелей, Семена Семеновича Руденко. Кличка досталась ему в качестве вознаграждения за пристрастие к одноименному портвейну. Между Милославской и Руденко царили теплые дружеские отношения, хотя встречались они нечасто и в основном по работе. Яна, расследуя то или иное дело, порой была вынуждена обращаться за помощью к представителям органов милиции, каковым и являлся Семен Семеныч. В силу своего характера он до сих пор не мог подняться по служебной лестнице выше старшего лейтенанта, хотя и работал добросовестно.

Руденко, конечно, не всегда горел желанием сотрудничать с Яной, иронически относясь к ее гаданию. Она могла предсказать, что там-то и там находится труп, а он не верил до тех пор, пока лично не убеждался в этом. Однако и после обнаружения покойника искал «земные» причины для объяснения случившегося. Тем не менее, по какой-то ему самому неизвестной причине или просто из чувства признательности по отношению к Милославской, Семен Семеныч довольно часто рисковал лишиться работы, следуя указаниям подруги.

— Заходи, там открыто, — крикнула Яна, после того как Руденко постучал железной щеколдой калитки.

— Кто в гости ходит по утрам, тот поступает мудро, а кто по вечерам, тот ваще крутой! — начал, как всегда, с шуток Три Семерки.

— Ваще-то, — передразнила его Милославская, — ты не совсем вовремя.

— Что, опять находишься в своем магическом обалдении? —

иронизировал Руденко. — Ничего, сейчас мы тебя подпитаем! — он затряс в воздухе пакетом, полным каких-то продуктов.

— И чем же ты собираешься угощать бедную и несчастную даму? — Яна любопытно заглянула в сумку.

— Н-ну... — притворился смущенным Три Семерки, — икры черной и красной нет, зато икра заморская к вашим услугам!

— Как всегда: набор жратвы для голодного мента... — разочарованно протянула Милославская.

— Да ладно тебе, это я так. Самому знаешь ли захотелось, давно не пробовал. А вообще, имеется кое-что и посолиднее!

Друзья уже зашли на кухню, и Руденко выложил на стол на удивление крупную и сочную курицу гриль.

— Это другое дело! — Яна с наслаждением потирала руки.

Несмотря на то, что появление приятеля несколько приободрило Яну, духовное и физическое опустошение, возникшее после гадания, давало о себе знать.

— Сегодня я предоставляю тебе почетную роль кухарки, вернее кухаря, или как там лучше сказать... — превратив все в шутку, Милославская ловко переложила на своего гостя обязанности по приготовлению ужина.

— Мы так не договаривались! Думаешь, я просто так пришел? — шутил Семен Семеныч. — У меня жена с сыном на дачу махнули, а я к женской заботе привыкший, несамостоятельный, решил под твоё теплое крылышко на вечерок спрятаться!

— Что я тебе могу сказать? — Яна развела руками. — Мечтать не вредно. Вперед! Овощи, фрукты, майонез и прочее в холодильнике. Действуй.

Пока Руденко колдовал над незатейливыми яствами, Милославская решила принять ванну, чтобы снять напряжение. Она сделала чуть теплую, почти комнатную воду, которая имела свойство бодрить, плеснула в нее пару колпачков любимой розовой пены и погрузила в это чудодейственное озеро ноющее тело.

Яна чувствовала, как силы постепенно начинают восстанавливаться. Иногда она прибегала к помощи аутотренинговых упражнений, самых обыкновенных, известных практически каждому, но сейчас необходимости в этом не ощущалось.

Почувствовав туманящий сознание аромат гриля, разогреваемого в микроволновке, Милославская решила выбраться из ванны, чтобы чего доброго не опоздать к началу скромного пиршества. Она наскоро

промокнула тело плотным махровым полотенцем, облачилась в легкий шелковый халат и стала приводить себя в порядок.

— Ваше Величество! Кушать подано, — Руденко настукивал в дверь ванной.

Яна уже была готова предстать перед гостем в надлежащем виде, поэтому сразу после приглашения последовала за стол.

— Как всегда неотразима... — прокомментировал Руденко, оглядев подругу с ног до головы.

Когда приятели принялись за ужин, Семен Семеныч перешел на более серьезный тон.

— Вообще, я хотел тебя поругать.

— За что? — нарочито испуганно спросила Милославская.

— Как за что? Не звонишь, не появляешься... А я должен думать: жива ли? здорова ли?

— Зачем думать, когда можно было давно вот так зайти или позвонить в крайнем случае, — запротестовала Яна.

— У-у-у-у... — Руденко махнул рукой, как будто говорили о чем-то из области фантастики. — Это ты загнула. У меня сейчас на работе такое! Дерут три шкуры. Если не дежурство, так усиление, не усиление, так дежурство. Пашем практически без выходных! Сегодня вот только дали вздохнуть.

— А в чем дело? — Яна заметно посерьезнела.

— Незаконная продажа оружия и ее последствия. Киллер один, например, при устранении известного криминального авторитета, не зная того в лицо, просто покрошил всех посетителей маленького загородного кафе. Не слышала?

— У-у, — отрицательно покачала головой Яна, жуя кусок курицы.

— Еще: двое придурков расстреляли двух милиционеров, несших службу и попытавшихся остановить бандитов для проверки документов. У обоих семьи остались...

— М-м-м... — сочувственно протянула Милославская.

— И это еще не все! — продолжал Три Семерки. — Угрожая оружием, некая группа бандитов выколачивала деньги у теневых дельцов: спекулянтов, скупщиков антиквариата, торговцев наркотиками. В общем, говоря на их жаргоне, делала «разгон». Причем действовали вымогатели нагло и открыто, понимая, что жертва сама грешна перед законом и заявлять не будет.

Милославская перестала жевать и затаив дыхание, слушала Руденко.

— Если все перечислять, ты слушать устанешь. Столько всего за

последние пару месяцев! И нам за каждое достается от начальства... Прохлопали, мол, лоботрясы, дармоеды! А эти, последние, еще и форму милицейскую одевали, — Семен Семеныч не на шутку разнервничался, на его лбу выступили крупные градины пота.

Смахнув их, Три Семерки смягчился, но все же не без сарказма сказал Милославской:

— Такая вот работа, это тебе не фокусами карточными заниматься!

Руденко всегда иронизировал по поводу гаданий Яны, она к шуткам такого рода давно привыкла, поэтому отреагировала спокойно. Рассказ о бандитах в милицейской форме привел Милославскую к мыслям об истории исчезновения пистолета Щербакова.

— Слушай, Сема, а чем чревата для мента потеря пистолета? — обратилась она к приятелю.

Руденко поперхнулся и, прокашлявшись, ответил:

— Ты на что намекаешь? На то, что мой рассказ — так, ерунда, бывает и пострашнее?

— Это действительно серьезно?

— Так ты не шутишь? — Три Семерки хотел убедиться в полной серьезности собеседницы.

— Какие шутки, Сема. У меня дело новое. Мент, неплохой человек, пистолет потерял. Вернее, не потерял, его украли.

— Кто-о? — заинтересовался Руденко.

— Не знаю.

— А откуда же знаешь, что украли?

— Гадала.

— А-а-а... — Три Семерки расплылся в улыбке и похлопал Яну по плечу. — Если только так...

— Ну так что ему грозит? — недовольно повторила вопрос Милославская.

— В связи с тем, о чем я тебе рассказал, дело может принять более серьезный оборот, чем это бывает обычно.

— А как это бывает обычно? — не унималась Яна.

— В лучшем случае сотрудник получает строгача, — Руденко провел указательным пальцем по усам.

— Что это такое?

— Строгий выговор. Но, повторяю, в лучшем случае, на который лучше и не надеяться. Если лояльное начальство, если человек считается отличным работником и так далее. Хотя.... — Три Семерки задумался. — Такой исход обычно редок. Чаще всего потеря оружия оборачивается

увольнением и соответствующей статьей УК, в которой подробно разъясняется, какое наказание несет сотрудник органов за халатное отношение....

— Понятно, короче посадить могут, — Яна не дала Руденко договорить, потому что он любил распространяться на подобные темы, даже слишком, а Милославской и без того все стало ясно.

— Кофе на этот раз угощать будешь? — Семен Семеныч очень любил, как Милославская готовит этот напиток.

— Разве я могу отказать такому человеку? Только давай договоримся: услуга за услугу.

— Хитрая ты баба! — Руденко засмеялся в усы. — Ну выкладывай, какая тебе услуга требуется.

— Ты говоришь, что торговля оружием на черном рынке процветает. Так?

— Угу.

— Не мог бы ты лично контролировать подозрительных «Макаровых», попавших в поле зрения органов?

— Ты мне, конечно, льстишь, но я занимаю не такое уж важное положение, чтобы быть допущенным ко всему этому.

— Ой, да ладно, у вас есть какие-то свои каналы!

— В общем-то, да. Кстати, разве в этом есть необходимость? Начальство твоего клиента в любом случае будет так поступать.

— Если б оно об этом знало!

— Удалось скрыть? — удивился Руденко.

— Пока скрывает. В течение этого периода ты и мог бы осуществлять необходимый контроль. Ну так как?

— Если честно, у меня и так работы завались. От осведомителей узнали о разгорающемся конфликте между «ореховской» группировкой и «одинцовской». Они свои проблемы часто решают взаимоотношениями, а нам за это — по шапке!

— Ну Се-е-е-ма! — протянула экстрасенс.

— Как расплачиваться будешь? — шутил Три Семерки.

— Кофе, естественно.

— Холя-я-я-вщица! — расхохотался Семен Семеныч. — Ну нападу я на след его «Макарова», дальше что прикажешь делать?

— Передать оружие мне, минуя нежелательные инстанции, — Яна закусил губу, боясь отказа.

— Ишь чего захотела! Планы у тебя наполеоновские прямо! — Три Семерки улыбнулся как-то по-доброму.

Милославской стало ясно, что на Руденко можно в этом вопросе надеяться, и она перевела разговор на другую тему. Стала спрашивать о семейных делах, общих знакомых и прочем. Три Семерки, бурно рассказывая о том или другом, громко хохотал, раскраснелся, видимо, гриль пошел ему на пользу.

— Может по сто грамм? — предложил он, раззадорившись.

— Чего? Твоего любимого портвейна что ли? — иронично произнесла Милославская.

— Хотя бы и его, — парировал Руденко.

Яна прикинула, как долго продлится визит Семена Семеныча, если она сейчас даст свое согласие. Эта идея казалась ей малопривлекательной, тем более после бутылки портвейна Три Семерки трудно было вообще выпроводить, учитывая то, что его семейство возделывает дачу.

— Давай как-нибудь в другой раз, — страясь быть как можно более мягкой, произнесла Милославская, — мне работать нужно.

— Работать? — с издевкой спросил Руденко, зная, что Яна имеет в виду гадание.

— Общаться с картами, если тебе так больше нравится.

— Как хочешь... — разочаровано протянул Семен Семеныч.

В более спокойной обстановке приятели допили кофе, выкурили по сигарете и распрощались, обещая созвониться, как появится что-то новое.

* * *

Утро встретило Яну игривыми, всюду проникающими солнечными лучами. Окна ее спальни выходили на восток, поэтому солнце первым делом заглядывало именно туда. Яркий свет даже во сне заставлял Милославскую жмуриться, пока, наконец, окончательно не разбудил.

Яна лениво приоткрыла глаза. Лучи, запутавшись в паутинном лабиринте тюля, все же выбирались на свободу и начинали шнырять по комнате. Они заставляли врасплох многочисленные пылинки, танцующие в воздухе, и те в испуге начинали разбегаться кто куда.

Вставать не хотелось, и Яна решила просто полежать, поразмышлять о прошлом, настоящем и будущем. Больше всего, конечно, в настоящем ее занимала история, рассказанная Верой Щербаковой. Гадание на карте «Да/Нет» определенно не говорило, что же именно произошло с пистолетом Щербакова. Единственное, что было известно — он не потерян. Версия о краже оружия назойливо втиралась в сознание Милославской, требуя по

меньшей мере уважительного к себе отношения. Собственно говоря, Яна не имела ничего против нее, просто пока не была полностью уверенной.

Убедиться или разочароваться в данном случае могло помочь только гадание, и Милославская решила покинуть постель, чтобы поскорее приступить к работе.

Перед тем, как взять в руки колоду, Яна вышла во двор, чтобы полюбоваться своими гладиолусами. В этом году они были необыкновенно крупными и яркими, и не радоваться, глядя на них, было просто невозможно. Тем более, что Милославская вообще была равнодушна к цветам, особенно к этим.

Яна подошла поближе к клумбе и стала внимательно приглядываться к каждому цветку и бутону. Она получала от этого огромное эстетическое наслаждение и потом, гадая, чувствовала себя гораздо более сильной и способной проникнуть в тайны бытия.

Милославская заботливо обобрала завядшие цветочки, полила грядку из огромной пластмассовой лейки и, довольная, отправилась в дом.

Полная сил, энергии и желания жить гадалка взяла в руки колоду и задумалась, с какой картой лучше на этот раз поработать. Она всматривалась подолгу в каждую из них, пока по велению души не остановила выбор на «Взгляде в прошлое».

— Да, неплохо бы узнать, как все обстояло на самом деле, как все проходило, эта их дачная вечеринка, — бубнила себе под нос Милославская.

Она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и попыталась сконцентрировать всю энергию, находящуюся в данный момент в теле, в кисти правой руки. Через три минуты Яна уже не чувствовала своего тела. Только ладонь, горячая, как пламя костра, и карта, излучающая этот жар. Сначала перед Яной стало кружиться мутное белое облако, полное людских голосов: смеха, криков, песен. Только звуки, и ничего: ни лиц, ни очертаний фигур. Да и произносимые слова разобрать было невозможно, потому что облако крутилось так быстро, как будто кто-то перематывал аудиопленку в ускоренном режиме.

Еще более сосредоточившись, Милославская стала улавливать запахи. Она брезгливо поморщилась, потому что несло отвратительно: перегаром, табаком и духами. Последнее заставило ее максимально сконцентрировать внимание. Духи! Женские духи! Это несомненно! Запах дорогой, но какой-то вульгарный, резкий, отталкивающий.

Вдруг послышалось громкое щелканье. Облако стало укрупняться, расплываться. Видение приобретало отчетливость. Но изображение

увеличивалось с молниеносной скоростью, поэтому рассмотреть людей казалось невозможным.

— Пистолет. Пистолет, — мысленно твердила Яна.

Предметы, кружащиеся в облаке, продолжали увеличиваться, пока взору Милославской не предстал пистолет. Она видела его ясно, во всех деталях. Вернее, это была кобура, внутри которой угадывалось наличие оружия. Вдруг чьи-то ловкие пальцы принялись расстегивать кобуру, осторожно, боязливо. Вор очень нервничал, его руки дрожали. Затем они взяли пистолет и быстро извлекли его из кобуры.

Облако вновь закружилось, изображение стало уменьшаться, вновь с молниеносной скоростью. Но Милославская продолжала оставаться в том же состоянии. Это означало, что карта «покажет» еще что-то. На самом деле, в следующее же мгновение облако раздвоилось и во втором, более маленьком, Яна увидела ту местность, которую ей описала Щербакова. Причем Милославская могла свободно приглядеться к каждой травинке, каждому кусту и листочку. Неведомая сила, казалось, вела ее за собой, показывая, что того, что она хочет отыскать, на этой даче нет.

Совершенно неожиданно все прекратилось. Экстрасенс не могла открыть глаза, потому что чувствовала себя абсолютно обессиленной. Еще бы, карта поработала с полной отдачей, максимально приоткрыв перед Яной таинственную завесу.

Милославская продолжала полулежать, совмещая отдых с размышлениями. Теперь она не сомневалась, что пистолет у Щербакова украден, а не потерян, и его поиски на даче — пустая трата времени. Оставалось выяснить, кого может подозревать сам Андрей, ведь, по его словам, он веселился в кругу людей, достаточно хорошо ему знакомых. Яна запланировала после отдыха обязательно связаться с Щербаковым и постараться прояснить ситуацию.

Сейчас же пределом ее мечтаний был спокойный, глубокий безмятежный сон, поэтому Яна, с трудом поднявшись с кресла, побрела в спальню. Изможденная, она ширкала тапочками так невыносимо противно, что даже Джемма жалостно поскуливала, глядя на хозяйку. Милославская села за туалетный столик и принялась удалять с уставшего лица косметику. Это было для Яны обязательным условием отхода ко сну. Поскольку ее деятельность предполагала довольно частое пребывание в разбитом состоянии, она строго следовала правилу обязательного, независящего от внешних условий, ухода за внешностью, так как в противном случае кожа Милославской очень скоро стала бы напоминать сушеное яблоко.

Вообще Яна была женщиной очень красивой. Причем красота ее

являлась какой-то особенной, таинственной и неповторимой. Особая роль в этом принадлежала, конечно, волосам. Черные, густые, блестящие, они просто завораживали взгляд.

Завершив несложную процедуру использованием антистрессового крема для лица, гадалка включила вентилятор и поставила его так, чтобы прохладный воздух мог равномерно распространяться вдоль всего тела. Яна опустилась на кровать и, слегка укрывшись легкой шелковой простыней, закрыла глаза.

* * *

Зная, что утром Щербаков должен был уйти на работу, Милославская запланировала застать его где-нибудь по дороге, чтобы побеседовать один на один. Она не стала звонить, договариваться о встрече, так как предполагала в этом случае невозможность избавления от участия в разговоре Веры. Яна понимала: рядом с ней муж может и не быть полностью откровенным.

Экстрасенс встала пораньше, приняла душ, позавтракала свежесваренным кофе и отправилась в дорогу. Милославская жила в частном секторе, поэтому ей пришлось минут пятнадцать пройти пешком, прежде чем вблизи показалась трасса, где можно было поймать такси. Впрочем, это только так называлось — «такси». На самом деле, здесь во всю орудовали частные «извозчики». Людей, имеющих возможность позволить себе что-то, кроме общественного транспорта, в Агафоновке проживало отнюдь немного, поэтому желтенькие традиционные «Волги» здесь появлялись исключительно редко. Зато проезжающие мимо автолюбители порой имели возможность подзаработать.

Когда Милославская вышла на обочину и сделала рукой голосующий жест, водитель спешащей куда-то «шестерки» сразу сбавил скорость и, приблизившись к потенциальному пассажиру, нажал на тормоза. Яна не стала торговаться и сразу согласилась на ту цену за проезд, которую назначил частник.

Хозяин машины, окинув Милославскую оценивающим взглядом, включил погромче довольно популярную мелодию, которая Яну бодрила и поднимала настроение. Несмотря на хороший сон, гадалка все же ощущала в своем организме следы вчерашнего переутомления.

Щербаковы жили на окраине города, причем абсолютно

противоположной той, где обитала Милославская, поэтому путь предстояло преодолеть неблизкий. Яна решила заранее расположить к себе водителя «шестерки», чтобы после минуты езды по предполагаемым кочкам окраины он не вышел из себя. Она завела беседу о погоде, затем о ценах на бензин, на запчасти, о дотошных ГИБДДшниках, и через двадцать минут стала для таксиста практически своим человеком.

— Куда теперь? — спросил он в один прекрасный момент.

Яна и сама не знала — куда. Она указывала дорогу до тех пор, пока ориентировалась в местности. На данный момент Милославская не имела представления, где же начинается указанная в адресе улица Маркина.

— Сейчас попробуем это установить, — гадалка выглянула из машины и подозвала поближе идущего мимо прохожего.

— Да вы почти у цели! — добродушно ответил он на Янин вопрос и указал путь.

Милославская предпочла двигаться дальше пешком, потому что судя по словам прохожего, до дома Щербаковых оставалось совсем немного. Она расплатилась с водителем и, пожелав ему всего наилучшего, пошла в направлении нужной улицы. Навстречу ей спешили люди, нервно поглядывающие на часы. Очевидно, они торопились на работу. Яна предположила, что Андрея ей придется ждать недолго, и оказалась права.

Ориентируясь на номера домов, указанные на каждом из них, она легко отыскала жилище Щербаковых. Калитка была заперта изнутри, из чего можно было сделать вывод, что Щербаков еще не вышел. Яна присела на бревно в тени раскидистого дерева, того самого, на котором днем проводили время старушки, и стала дожидаться Андрея. Проходящие мимо жильцы соседних домов откровенно любопытно разглядывали неизвестную им женщину, но по крайней мере ничего не спрашивали.

Минут через десять калитка Щербаковых скрипнула и показался Андрей. Он был серьезен, можно даже сказать озадачен. Кашлянув и надвинув фуражку на глаза, Щербаков торопливой походкой стал удаляться от дома.

— Андрей! — крикнула Яна.

Тот оглянулся и, посмотрев по сторонам, никого не заметил.

— Андрей! — повторила Милославская и поднялась с бревнышка.

— Вы??? — более, чем удивлено, произнес Щербаков.

— Я. Нам надо поговорить.

— Да-да. Но я спешу на работу.

— Кажется, вы можете ее лишиться? — Яна намекала на то, что разговор с ней единственный выход из положения.

— Конечно-конечно. Простите, что я так. Нервы, знаете ли. Но все-таки опоздание для меня сейчас нежелательно более, чем когда-либо. Может, поговорим по дороге?

Милославская одобрительно кивнула головой.

— Кстати, почему вы не зашли к нам в дом? — спросил Андрей.

— Я думаю, Вера сейчас не в том положении, когда ей можно расстраиваться.

Щербаков виновато понурил голову и, помолчав, спросил:

— Ну так о чем вы хотели поговорить? Что-то прояснилось?

В голосе Андрея не было даже и тени надежды, и Милославская поспешила сообщить ему новость.

— Ваш пистолет украли.

— Что??? — вскрикнул Щербаков.

— Украли, — подтвердила Яна, — я в этом на сто процентов уверена.

— Не может быть! — яростно запротестовал Андрей.

— Я вам еще раз говорю — уверена на сто процентов.

Щербаков продолжал все отрицать, и Яне пришлось прибегнуть к старому проверенному методу, который обычно помогал нейтрализовать все сомнения ее клиентов. Она начала в мельчайших деталях перечислять все то, что удалось ей рассмотреть в видении: дачный домик, его окрестности и прочее.

По мере рассказа глаза Щербакова все более и более округлялись. Теперь ему сказать было нечего, поскольку наличие у Милославской сверхестественных способностей было неоспоримым.

— Но кто? — прошептал Андрей.

— Это мы с вами и должны попытаться выяснить в процессе беседы. Расскажите поподробнее, в какой компании вы проводили время.

— Господи, да на них и подумать-то грешно! — возмутился Щербаков.

— Стара, как мир, поговорка «Доверяй, но проверяй!», — вздохнула Яна.

— Да они уж все по сорок раз перепроверены! Уж — Славка Ужев — еще в трезвяке со мной начал работать. Сейчас, если вы не знаете, все вытрезвители позакрывали, поэтому его в ППС перевели. Так вот, он отличный парень, всегда выручал, когда было нужно, и отдежурит, когда попросишь, безвозмездно, и все такое прочее. Шеф — Сергей Шефко — тоже человек проверенный. Был у нас такой случай, когда каждый показал, что он из себя в действительности представляет, и Серега оправдал сложившееся мнение о себе. Тайсон тоже не вызывает сомнений.

— Тайсон? — ухмыльнулась Милославская.

— Угу, — подтвердил Щербаков, — он в юности в секции бокса занимался, за это и получил такое прозвище.

Андрей замолчал.

— А кто же четвертый? — спросила Яна.

— Насчет него и речи быть не может. Это мой друг детства. Вместе в школе учились, на одной улице жили, вместе и дальше пошли, правда сейчас они из нашего района переехали. В общем, часто приходилось друг друга поддерживать.

На самом деле, среди описанных Андреем людей не было ни одного, кто бы мог вызывать серьезные подозрения. Это осложняло ситуацию.

— Может, кто-то посторонний заглядывал к вам на дачу на некоторое время. Спички, например, спросить, соль или еще что-то в этом роде? — предположила гадалка.

— Нет, — однозначно ответил Щербаков, — точно помню: никто не приходил, да и соседние дачи тогда пустовали.

— Ну, может быть, когда вы уснули, кто-то проник в дом? — Яна усердно пыталась добраться до истины.

— Дачу охраняет злая собака внушительных размеров, поэтому тайное проникновение незваных гостей исключено.

Верить в это гадалке не хотелось, потому что раз друзья Андрея не могли быть замешанными в краже, то это сделал кто-то, не участвовавший в попойке.

У Милославской из головы не выходил тот запах дорогих духов, который явился ей в видении. По этому поводу возникли, конечно, некоторые предположения, но никаких выводов гадалка делать пока не стала. Не стала она и спрашивать об этом у Андрея. Просто-напросто Яна надеялась, что во время следующего сеанса этот непонятный момент может проясниться. А в случае чего — придется поговорить с клиентом начистоту. Пока же главное, что Милославская хотела узнать, было выявлено. Среди участников той вечеринки не было тех, кого можно было бы подозревать.

— Скажите Вере, — произнесла Яна на прощание, — что дело продвигается. Ей нельзя нервничать.

Щербаков с Милославской распрощались. Он поспешил на работу, а ей пришлось испробовать все способы «ловли» такси, которые только могут быть, поскольку здесь с этим дело обстояло еще хуже, чем в Агафоновке.

— Кирюш, как тебе вот это? — Вера развернула перед сыном край рулона симпатичных желтеньких, с маленькими многочисленными грибочками, обоев.

— Класс! — мальчишка заворуженно смотрел на пестрый клочок бумаги.

Щербакова затеяла небольшой ремонт в детской. До рождения ребенка новый дом не обещал быть полностью обустроенным, а она считала, что малыш должен видеть вокруг себя только прекрасное.

— Мам, помогать можно? — завыл Кирюха.

— Даже нужно, — улыбаясь ответила Вера, маме же тяжело сейчас одной, а ты на данный момент единственный мужчина в доме.

Женщина дала сыну кое-какие указания по выполнению несложных дел, вполне посильных для мальчугана этого возраста, а сама взялась отмерять необходимые куски от рулона. Кирюха, довольный признанием его великой роли в семье, помчался в другую комнату. Тут же зазвонил телефон.

— Мам, трубку взять? — послышался крик Кирюхи.

— Да, — ответила Вера.

Обычно Щербаковы не позволяли сыну этого делать, поскольку он мог серьезному человеку наговорить лишнего. Сегодняшний случай явился исключением из правил.

— Мам, тебя. Папка! — отрапортовал после минуты молчания мальчишка.

Вера поднялась с пола и зашагала к телефону. Беременность с каждым днем ощущалась ей все более тяжелой обузой: энергичной проворной женщине невыносимо было осознавать, что многие посильные дела в этом положении она делать просто не может.

— Да. Я слушаю. Что? Как не придешь? Какая работа?

Звонил Андрей. Он говорил, что непредвиденные обстоятельства не позволяют ему вовремя вернуться с работы, а, возможно, и вообще задержат до утра. Беря во внимание сформировавшуюся в последнее время линию поведения мужа, Щербакова сразу предположила в качестве причины неявки Андрея домой какой-нибудь пикник или очередной день рождения одного из сотрудников. Даже подтверждения его слов присутствующими рядом с Щербаковым в этот момент не могли ее убедить.

— Как я устала от этого! — твердила Вера.

Андрей не хотел об этом говорить, но ему пришлось признаться.

— Вера, я не могу об этом говорить по телефону. Моя задержка связана с исчезновением пистолета, пойми!

Сказанное в такой мере повлияло на реакцию женщины, что она не могла произнести ни слова. В голове возникали всякие предположения, вопросы, утверждения и прочее.

— Я сегодня встречался с Милославской, — поспешил успокоить жену Андрей.

— Как? Что? — посыпались вопросы.

— Говорю же: это не телефонный разговор. Все идет к лучшему, — Щербаков положил трубку.

На самом деле он лгал. С Яной Андрей, конечно, встречался, но самое главное от жены утаил. Как и следовало ожидать, об исчезновении оружия узнало начальство. По существующим, вполне нормальным, логичным правилам его исчезновение утаить практически невозможно. Щербакову еще повезло, что все обнаружилось не сразу.

Андрею пришлось выслушать тираду далеко не лестных высказываний о себе, произнесенных не то что на повышенных тонах — босс Щербакова орал так, как никогда. Все, находящиеся поблизости, замерли, боясь, что и им достанется, попадись они под горячую руку. Щербаков стоял, склонив голову. Ему ничего не оставалось, как рассказать все так, как оно было. После этого начальник, Харитонов семен Данилович, стал кричать еще громче и еще более нелюбезные слова. Он припомнил Щербакову все прошлые недоработки и даже приписал то, чего и в помине не было. Больше всего Харитонов боялся за свои погоны, поэтому, наверное, ходя из стороны в сторону, периодически их поглаживал.

— Почему сразу не сказал? Я тебя спрашиваю! Почему протянул время?

— Думал найдется, — буркнул себе под нос Щербаков.

— У таких придурков ничего не находится, мать твою! — Харитонов окончательно вышел из себя и ударил кулаком по столу.

После этого воцарилось молчание. Андрей даже не пытался оправдываться, зная, что это повлечет за собой еще более сильный взрыв гнева. Он сидел и смотрел на одну точку в полу. Харитонов, перебирая пальцами, громко и отрывисто стучал ими по столу. Наконец, стук прекратился, и Щербаков всячески настраивал себя вытерпеть то, что за этим последует.

— Значит, так... — многозначительно произнес Семен Данилович и замолчал еще минут на десять.

Молчание было настолько тягостным, что Андрей, сам того не замечая, до боли сжимал кулаки. Он боялся даже взглянуть на шефа и не

потому, что трусил, а так как понимал: виноват, причем очень глубоко. Харитонов хрипло кашлянул и, сверлящим взглядом посмотрев на Щербакова, произнес:

— На свой страх и риск я решил пойти на некоторые уступки в отношении тебя. Все мы помним, что в твоей характеристике есть много положительных моментов. На главное, что повлияло на мое решение — Вера и ее сегодняшнее положение. Значит так... Даю тебе два дня на поиски, плюс два выходных: суббота и воскресенье. Итого: четыре дня. В понедельник — пеняй на себя — делу будет дан дальнейший ход. Конечно, одного мы тебя в этой беде не бросим: подключим к поискам лучших ребят. Все-таки связи имеем, осведомителей и так далее. Придется потрясти черный рынок... А ты молись, чтоб из твоего «Макарова» кого-нибудь не забабахали! — последнюю фразу Семен Данилович произнес с особенным пафосом.

Щербаков невольно расплылся в широкой улыбке. Надо сказать, выглядел он довольно глупо.

— Семен Данилыч, да я... да вы же знаете... — Андрей от волнения не мог закончить ни одну из начатых фраз.

Сейчас он возлагал надежды именно на помощь коллег, напрочь забыв о Милославской. Собственно говоря, его доверие к Яне как-то уменьшилось, после того как она с подозрением стала говорить о его самых, можно сказать, закадычных друзьях.

— Но предупреждаю, — неожиданно продолжил свою речь Харитонов, — в случае безрезультатности поисков наказание в отношении тебя будет суровым. Моя поддержка здесь помочь не сможет. Как это так: на работе, в полном обмундировании офицера милиции нажраться и не почувствовать даже, как теряется самое святое! — Семена Даниловича понесло в область патриотических высказываний.

Он был человеком старой закалки и с неподдельной искренностью любил внушать своим подчиненным любовь к Отечеству, гордость за него, счастье самопожертвования во имя Родины и тому подобное.

Щербаков не слушал своего начальника, потому что все, что он скажет, было ему наперед известно. Кроме того, в голове Андрея вихрем кружились сотни разных мыслей, идей, предположений, но они никак не желали выстраиваться в логическую цепочку.

— Что сидишь? Действуй! — раздался раздраженный голос Харитонova, который, по-видимому, уже давно говорил Андрею, что он сейчас должен делать.

— Слушаюсь, — Щербаков отдал честь и вышел из кабинета.

Семен Данилович понял трубку телефона и стал обзванивать подчиненных, давая каждому свое задание.

* * *

Милославская вздрогнула от испуга, услышав неожиданно раздавшийся позади сигнал автомобиля. Она гуляла с Джеммой по Набережной, любуясь на Волгу, и никак не ожидала, что может помешать своим пребыванием здесь какой-то машине. Яна отошла в сторону, но сигнал раздался еще раз. Тогда она обернулась и увидела расплывшееся в улыбке лицо Руденко.

— Семен Семеныч! Не стыдно тебе женщин пугать! — с шутливой строгостью обрушилась на Три Семерки Милославская.

— Таких хорошеньких — не грех! — посмеиваясь, ответил Руденко. — Садись, покатаемся.

Семен Семеныч открыл дверь машины, и Джемма, опережая хозяйку, юркнула в автомобиль.

— Мадам, последуйте же примеру своей любимицы, — настаивал Руденко, глядя на все еще стоявшую в нерешительности Яну.

Милославская села в машину и потрепав Джемму по шерсти, произнесла:

— Наше телепатическое общение прямо выдает все мои мысли! Я только еще раздумываю, как поступить, а она уже чувствует, что хозяйка расположена благожелательно.

— Вот бы мне жену такую понимающую, — тоскливо произнес Три Семерки, — чтоб молчала и всегда угадывала, чего мне хочется. Угадывала и выполняла... — мечтательно добавил Руденко.

— Тебе грех жаловаться, бессовестный, — пристыдила Милославская друга.

— Да, — согласился Семен Семеныч, — сколько волка не корми, а он все равно в лес смотрит!

— Посидим где-нибудь? — предложила Яна.

— Вообще-то, я на работе...

— Знаю я вашу работу, — усмехнулась Милославская, — уж на это всегда часок урвете. Работа — не волк, а произведение силы на расстоянии.

— А я вообще считаю, что работа не хрен, извиняюсь за выражение, сто лет простоит.

— Сема! Ты же знаешь, что я не терплю подобных выражений! —

возмутилась Яна.

— Пардон, пардон! Может в «Рандеву» обоснуемся? — Руденко кивнул на кафе, мимо которого приятели в этот момент проезжали.

Джемма облизнулась, будто понимала, о чем идет речь.

— А может поищем что-нибудь более подходящее? — предложила Милославская.

В «Рандеву» собирался определенный круг людей, в который приятели явно не вписывались.

— Брось ты! Надо жить так, как это тебе удобно! — возразил Три Семерки. — Знаешь поговорку: любишь кататься — имей сто рублей? Так вот, мы лучше эти сто рублей здесь прокушаем, чем бензин катать!

— Ты становишься практичным.

Руденко свернул к «Рандеву» и припарковал машину неподалеку от входа.

Официант в кипельно-белой рубашке сразу же памятником встал у столика.

— Мне судака под маринадом и белого вина, — заключила Милославская, передавая меню Руденко.

— Да... Хочешь пить — пей! А я вот и спел бы, да пить на работе не полагается, — завистливо протянул Три Семерки.

Молодой человек, ожидая решения клиентов, продолжал стоять, вытянувшись по струнке.

— Придется выбрать блюдо для трезвенников, — Руденко провел указательным пальцем по усам и посмотрел на официанта, — мне яйца в мундирах и картошку во смятку. А-а-а-а! — он зашелся смехом, но увидев еще более окаменевшее лицо работника ресторана, оправился: — Порцию щей и чаю горячего, с лимоном! Во как мы, — он подмигнул официанту, — чисто по-русски!

Пока работники кафе суетились по поводу осуществления этого заказа, Милославская решила начать разговор на главную, интересующую ее сейчас тему.

— Сем, насчет пистолета нет продвижений никаких? Что, вообще, новенького?

— Ха! Ищи негра ночью!

— Что? Все так безнадежно?

— Нигде ничего! Никто ничего не слышал, никто ничего не видел. В наличии не имеется!

Руденко говорил обрывками фраз, видимо, потому, что эмоции его переполняли. Впрочем, Яна привыкла к тому, что он иногда так

высказывался, поэтому прекрасно все понимала без перевода на русский язык.

— Ты хоть знаешь, что по этому поводу не один я беспокоюсь? — с ухмылкой спросил Семен Семеныч. — Начальник твоего Щербакова, Харитонов Семен Данилович, озадачил своих подчиненных, и не своих тоже, до самых костей мозга. «Макарова» уже почти вся местная ментура и ищет.

— Да ты что? — ужаснулась Яна. — Значит, тайное успело стать явным.

— Угу. Так что, если не твоя черно-белая магия, пропал паренек и его ментовская карьера тоже. За это, моя дорогая, каждой твари дают очень ощутимо по харе!

Перед собеседниками появились долгожданные блюда, над которыми змеем клубился ароматный дымок. Руденко без стеснения облизнулся, глядя на чудесный небольшой глиняный горшочек, покрытый сверху подрумяненной лепешкой теста. Он осторожно снял тесто вилкой и втянул ноздрями неповторимый аромат грибного бульона.

— Щи с грибами! Люблю с детства, — прокомментировал Семен Семеныч.

В небольшой, тоже глиняной, мисочке легким перламутром поблескивали свежие холодные сливки. Три Семерки зачерпнул пару ложек и с удовлетворением на лице стал размешивать их в своей посудине. В этот момент Яна пожалела, что не предпочла своей рыбе столь неприхотливое, но в то же время всеми обожаемое блюдо.

— Ты что задумалась? — спросил Руденко, прихлебывая щи. — Переживаешь за судьбу клиента? Подожди, не отчаивайся, может все и образуется.

— Может быть, может быть... — меланхолично протянула Милославская.

Она понимала, что, действительно, вряд ли кто-то, кроме нее, сейчас в состоянии помочь Щербакову, и достала из сумочки карты.

— Ты сюда есть пришла или картами жонглировать? — нарочито возмутился Семен Семеныч.

— Знаешь ли, — вздохнула гадалка, — я предпочитаю рыбу под маринадом в холодном виде, а это, — она кивнула на свою тарелку, — что-то особенное.

— Не буду мешать, у меня ведь есть занятие более увлекательное.

Руденко принялся за страстное уничтожение блюда, а Яна вытащила из колоды карту «Взгляд в прошлое» и вновь решила прибегнуть к ее помощи.

На этой карте изображалась устремленная в центр человеческого зрачка многоступенчатая лестница.

Яну не оставляли в покое сомнения относительно того запаха духов, который явился ей в прошлом видении. Именно о них она и собиралась «поговорить» с картами. Сосредоточившись, Милославская положила ладонь на картонку с изображением лестницы, извивающейся серпантинном. Лестница устремлялась высоко-высоко и уходила в глубь огромного черного зрачка.

Яна замерла. Она находилась в таком состоянии уже несколько минут, но никакого тепла не ощущала. Руденко смачно прихлебывал щи, и, наверное, это и отвлекало Милославскую.

— Сема! — практически зарычала она. — Имей совесть! Ты не дома!

— А че? Я ниче! — шутя, придурковатым тоном ответил Три Семерки.

— Вспомни о правилах приличия и ешь, не издавая лишних звуков, — Милославская погрозила другу пальцем.

Несмотря на шутливость, Семен Семеныч все же стал уплетать более сдержанно. Яна вновь положила руку на карту и стала концентрировать свое внимание. «Духи. Духи,» — твердила экстрасенс. Видение пришло к ней внезапно, неожиданно, не пришлось даже «прислушиваться» к мерцающему где-то вдалеке теплу. Вдруг как-то сразу все стало простым и доступным. Она определенно видела лица людей. На черты были расплывчатыми, неуловимыми. Однако не возникало сомнений, что явившиеся образы — женские.

Значит, Щербаков давал ложные сведения: он пиршествовал в компании не только четверых друзей. Без сомнений, друзья-товарищи ублажали себя весельем в женском обществе. Через несколько секунд картина, представшая перед Милославской стала проясняться. Теперь она с непогрешимой точностью могла описать лица присутствующих на даче дам.

Как ни странно, их тоже было четверо. О семейном положении друзей Андрея Яне ничего не было известно, а вот он сам в этот вечер явно отдыхал от Веры. Судя по внешнему виду девиц, можно было сказать, что они, как говорится, особы легкого поведения. Броская косметика, прически, маникюр, одежда — все говорило о справедливости этого предположения.

Однако, на одних только предположениях нельзя основывать окончательные выводы, поэтому Милославская не стала заикливаться на них внимание. Она зафиксировала в памяти все детали внешнего вида женщин и попыталась «рассмотреть» остальных членов компании. Однако, карта не слушалась, вновь и вновь возвращала Яну к тем фрагментам,

которые она уже видела. Гадалка попыталась задавать недвусмысленные вопросы, но дело все равно дальше не шло. Тогда Яна вернулась в нормальное состояние.

Казалось, глаза окутала какая-то пелена, заволокла мутная оболочка. Лицо улыбающегося Руденко расплывалось во что-то необъятное, голос доносился откуда-то издалека. Яна понимала, что виной этому сильное головокружение и упадок сил, но она также знала — все придет в норму.

— Со-о-о-у-о-к! — заурчало рядом с гадалкой.

Она открыла глаза, которые сомкнула, чтобы быстрее восстановить силы. Непонятный предмет предстал пред Милославской в виде расплывчатого красного пятна. Три Семерки, перепуганный до смерти, стал трясти Яну за плечи.

— Выпей сок! Выпей сок! — слышала она уже довольно отчетливо.

В то же время рядом раздавалось:

— Мадам-то с двух бокалов вина наклюкалась! Ха-ха-ха-ха!

По-видимому, все официанты собрались посмотреть на это невиданное зрелище. В принципе, если бы не излишне взбудораженный Руденко, никто бы и обратил на происходящее внимания. Ведь не первый раз такое с Яной было.

Собравшись с силами, Милославская протянула руку к бокалу и, с трудом его удерживая, поднесла к губам. Содержимое бокала было прохладным гранатовым соком. С жадностью обессиленная женщина опустошила сосуд и сразу почувствовала прилив сил.

— Сема, все в порядке, — протянула она, — выйдем отсюда.

— Тебе плохо? — Семен Семеныч, склонившись над Яной, глупо хлопал глазами.

— Мне нормально! Выйдем отсюда! — процедила Милославская, уловив на себе ядовитые взгляды работников кафе.

Руденко взял приятельницу под руку и помог ей подняться с места.

— Ну ты даешь, елки-палки! — воскликнул он, вытирая пот со лба, когда они сели в машину.

Тут на бедного старлея обрушился бурный поток гневных слов.

— Ну знаешь, Сема, ты выставил меня настоящей идиоткой!

— Да я испугался, е мое! Ты же мне не чужая, в конце концов! Глаза закрыла, не шевелишься.

— А кричать-то зачем? Ты когда устаешь, глаза закрываешь?

— Причем здесь это? Я же в ресторане не откидываюсь!

Руденко покраснелся, стал размахивать руками. Яна поняла, что он совершил глупость, на самом деле, из добрых побуждений, из искренней

дружеской любви к ней, влекомый благородными намерениями.

— Ну ладно, не будем больше об этом, — остановила Яна поток оправданий, — только не пугайся так в следующий раз, хорошо?

— Надеюсь, при жизни мне не придется еще раз выступить в роли свидетеля подобных фокусов. Ограждай, пожалуйста, мое ранимое сердце от подобных душещипательных сцен.

Милославская засмеялась, видя, что и Три Семерки уже находится в более или менее нормальном расположении духа. Джемма, все это время послушно дожидавшаяся хозяйку в машине, непонятливо поглядывала то на нее, то на ее друга.

— Нам пора, — Яна приоткрыла дверцу машины.

— Да я подвезу, — остановил ее Руденко.

— Нет-нет. Нам как следует погулять надо! — Милославская ласково погладила свою собаку. — Сем, ты не забывай о моей просьбе насчет пистолета, хорошо?

— Хорошо, но я не очень-то надеюсь, что будут какие-то положительные результаты.

— Но ты постарайся? — Милославская хитро улыбнулась.

— Куда ж я денусь! — в тон ей произнес Семен Семеныч.

Прятели распрощались, договорившись объединить усилия в отношении этого дела. Руденко поехал по своим делам, а Милославская направилась прогуливаться по Набережной. Ей на самом деле хотелось сделать такой подарок Джемме. Да и прогулка по берегу реки положительно влияла на ее общее состояние, тем более после сеанса гадания, прошедшего так тяжело.

Естественно, гулять просто так, отдыхая мыслями, Милославской удавалось в исключительно редких случаях. Так получилось и в этот раз. Видение заставляло думать о себе и тщательно анализировать все фрагменты. Главный вопрос, который сейчас мучил гадалку — что это за женщины, и имеют ли они какое-то отношение к исчезновению оружия. Факт невинности приятелей Андрея заставлял подозревать таинственных особ женского пола. Самым простым и верным способом выяснения этого обстоятельства была беседа с Щербаковым. К тому же не мешало бы расспросить у него поподробнее, как прошло объяснение с начальством.

Яна решила нагрянуть к Щербаковым в гости. Конечно, она не собиралась сообщать Вере все убийственные для нее подробности видения. Однако, в свете последних событий Андрей вряд ли мог вернуться с работы в обычное время, поэтому дожидаться его лучше всего было именно таким образом.

Милославская еще с полчаса погуляла по Набережной, потом поймала такси и отправилась домой. Она с особым наслаждением приняла душ, и, растянувшись в кресле, выкурила пару сигарет. Чашка горячего кофе еще более взбудрила Яну и подтолкнула к активным действиям.

* * *

— Можно? — Милославская слегка отодвинула марлевую занавеску на двери веранды Щербаковых и пыталась дозваться хозяев.

Звонок почему-то не сработал, поэтому иного способа сообщить о своем приходе просто не было.

Послышалось частое шлепанье, очевидно, детских ног. Кирюха, как всегда, улыбаясь до ушей, молча смотрел на Милославскую.

— Здравствуй! — первой начала гадалка.

— Здра-а-сьте, — протянул он и опять замолчал, продолжая улыбаться.

Позже Вера объяснила, что ее сын был на редкость жизнерадостным ребенком, и счастливое выражение редко покидало его лицо.

— Мама-то дома? — продолжала Яна.

— Мамка? До-о-ма.

— Ну так позови.

— Она спи-и-и-т.

— Разбуди.

— А-а-а... Сейчас.

По причине своих возрастных особенностей, Кирюха еще не умел как следует принимать гостей, поэтому кому-то мог показаться просто невоспитанным ребенком. Кому-то, но не Яне. Ей почти всегда удавалось чисто интуитивно различать положительное и отрицательное в людях, и в этом мальчугане ничего отталкивающего она не видела.

Кирилл побежал в дом и через минуту послышалось многократное «ма-а-а-м».

— Я тебе говорила меня не беспокоить! — закричала Вера.

— К тебе пришли, — оправдывался Щербаков-младший.

— Кто?

— Тетенька какая-то. Помнишь, у которой кошка?

— Какая еще кошка?

Вера тяжело поднялась с постели и направилась к выходу.

— Вы что же спите и дверей не запираете? — издали крикнула Милославская.

— Вы? — обрадованно воскликнула Щербакова, часто хлопая заспанными глазами. — Да заснула неожиданно. И не время для сна, скоро уж ночь, но, сами понимаете, в моем положении, возникают весьма причудливые желания. А, вообще-то, у нас здесь все свои... Проходите, что же вы стоите.

Яна разулась и прошла в дом.

— Сейчас я чайник поставлю, — засуетилась Щербакова.

— Да нет, не надо, — отказалась Милославская.

— Я сегодня пирог пекла, яблочный, очень вкусный.

— Ну тогда давайте, — гадалка махнула рукой.

— Кирилл, проводи Яну Борисовну в зал, — скомандовала Вера сыну.

Кирюха вприпрыжку побежал в другую комнату, Яна последовала за ним. Зал у Щербаковых был довольно просторный и светлый. Вдоль одной стены, как это обычно бывает, располагалась длинная полированная стенка, вдоль другой — два кресла и журнальный столик. Мебель была довольно старой, но в комнате царил идеальный порядок, и это не бросалось в глаза.

Кирилл исчез также быстро, как и появился, и Яне пришлось самой устраиваться. Она села в кресло и стала смотреть по сторонам.

— Телевизор включите, — донеслось с кухни.

Милославская подошла к старенькому ламповому «Сапфиру» и нажала на красную кнопку. Вспыхнул кадр какой-то мыльной оперы. Яна их никогда не смотрела, поэтому стала думать о своем.

— Скучаете? — в дверях показалась Щербакова.

— Да нет, размышляю просто. А Андрей скоро придет?

— Звонил, сказал, что задержится. У вас появилось что-то новое? — взволнованно спросила хозяйка дома.

— В общем-то, да... Пистолет не потерян, его украли.

— Как? — Вера всплеснула руками.

— Не знаю как, но попытаюсь выяснить.

— Есть надежда? — несмело спросила Щербакова.

— Успокойтесь, все будет хорошо, — Милославская сочувствовала Вере и поэтому поспешила успокоить ее.

Она не собиралась говорить ни о каких женщинах и запахах дорогих духов, поэтому перевела разговор на другую тему.

— Пойдемте на кухню, — пригласила Вера, — у меня там все готово, чай, наверное, уже остыл.

В середине стола находился большой поднос, расписанный под гжель, на котором красовался бисквитный пирог с золотистой румяной корочкой, украшенной ягодками малины.

— Заливные яблоки? — спросила Милославская.

— Угу.

— Очень люблю, моя мама прекрасно его готовила, — Яна села за стол.

— Вера, а как вы относитесь к друзьям Андрея: Тайсону, Шефко, Ужу и прочим? — как бы невзначай спросила гадалка, кладя в свою тарелку кусок бисквита.

— Ох.... — вздохнула Щербакова. — Как я могу к ним относиться? Люди это, конечно, неплохие, но если бы не они, в нашей семье все было бы совершенно иначе.

— Вы считаете?

— Неужели! Разве Андрюша им откажет в своей компании? Да ни за что! По-ихнему это ж запахло — за здоровье друга не выпить!

— Как вы думаете, они бы могли предать вашего мужа?

— В смысле? — не поняла Щербакова.

— Например, пистолет украсть.

— Да вы что! Нет, конечно, это исключено. Я же говорю, люди это неплохие, только вот дружба их идет во вред семейным отношениям. Хорошо еще, что Листопадов в другой район переехал, а то прямо покоя не давал!

— Сергей? — гадалка вспомнила рассказ Андрея.

— Да, Сергей Листопадов. Друг детства, отрочества, юности и зрелости, к сожалению, тоже. Сам без семьи остался, довел жену до того, что она на развод подала, и от моего, наверное, того же ожидал. Чуть свет — идет, уговаривать начинает: «Давай сообразим что-нибудь!» — и так далее. А мой под чужое влияние легко попадает, никогда не мог отказать другу, даже если я дорогу преграждала.

В коридоре послышалось хриплое покашливание, и женщины притихли.

— Это Андрей, — шепнула Вера и заговорщически подмигнула, — не будем больше сплетничать.

Вошел Щербаков, еще более осунувшийся, усталый, изможденный. От него пахло смесью табака и горького мужского пота. Андрей зло посмотрел на Милославскую и вышел из кухни.

— Андрей, ты не забыл поздороваться? — ядовито процедила Вера.

— Мы виделись! — буркнул Щербаков.

Вера удивленно посмотрела на Яну.

— Он шутит, — шепнула та.

— Идем ужинать, — Щербакова не хотела оставлять мужа в покое.

— Сейчас! — так же грубо ответил Андрей.

Через пару минут он вошел переодетый и молча уселся за стол. Весь его внешний вид говорил о необыкновенном нервном напряжении: брови нахмурены, губы плотно сжаты, глаза — темнее обычного. Милославская знала, в чем кроется причина такого поведения, но виду не подавала. Скорее всего, поиски оружия в течение дня не принесли никаких результатов, и это еще более озадачило Щербакова, тем более, разговор с начальством тоже приятным назвать было нельзя.

Кирюха подошел к отцу и попытался залезть к нему на колени, но тот, взорвавшись, накричал на ребенка и выгнал его из кухни. Естественно, не изумить Веру это не могло, потому что, по ее словам, такое отношение к сыну было не характерно для Андрея. Напротив, он всегда с необыкновенной нежностью заботился о Кирюхе, и мальчик отвечал ему взаимностью.

— Что-то случилось? — спросила Вера.

— А то ты не знаешь! — Щербаков повысил голос и на жену.

Она замялась и посмотрела на Милославскую, почувствовав себя довольно неловко. Яна положила ладонь на руку Веры, как бы успокаивая ту.

— Извинись! — Щербакова встала.

Андрей молчал и тщательно пережевывал пищу, смотря в одну точку. Когда Вера повторила свою реплику, он процедил:

— Харитонов обо всем узнал, а скоро узнают и те, кто отнесется к случившемуся менее благожелательно.

Вера отреагировала молчанием, только уголки губ опустились и пальцы рук стали подрагивать.

— Что теперь будет? Яна, вы нам поможете? — она с надеждой посмотрела на Милославскую.

— Если я взялась за это дело, значит, заранее решила, что согласна помочь. Только для этого мне надо поговорить с вашим мужем один на один. Прошу вас не вмешиваться, это нужно для дела, у меня свои методы.

На самом деле, Яна просто не могла беседовать по этому вопросу в присутствии Веры. Щербаков подозрительно посмотрел на гадалку, пытаясь понять, что она имеет в виду.

— Да-да, — подтвердила Милославская, тема для разговора есть на самом деле. — Андрей, вы меня не проводите? Уже поздно, мне пора. А поговорить можно и по дороге.

По лицу Щербакова было видно, что он не в восторге от такого предложения, но Яне и не требовалось его присутствие в течение всей

дороги до дома. Главное — выйти из дома и побеседовать наедине.

— Проводит, проводит, — ответила Вера за мужа.

Андрей сидел в одном трико и майке и хотел пойти переодеться, но Милославская остановила его, сказав, что дальше угла улицы провожать не надо, потому что там она намеревалась поймать такси. Щербаков недовольно кашлянул и вышел из-за стола.

Во дворе уже завел переливчатую песню одинокий сверчок, заглушая стрекотанье многочисленных кузнечиков и других насекомых, прячущихся в невысокой, уже немолодой траве. Пахло смесью полыни, лебеды и флоксов, в большом количестве рассыпанных по клумбе, устроенной Верой в середине двора. Оказавшись на улице, Яна с умилением стала вкушать все это великопие, но, к сожалению, ей предстояло перейти к занятию, гораздо менее приятному.

— Андрей, мне известно, что на даче тогда были не только мужчины.

Щербаков в упор посмотрел на Милославскую, пытаясь понять, правду она говорит или же лжет.

— Вы веселились в обществе четырех молодых женщин, предположительно — легкого поведения, — Милославская утвердительно кивала головой. — Дальше рассказывать или, может быть, вы сами это сделаете?

— Кхе... — Щербаков ухмыльнулся, не зная что и сказать. — Это ваше предположение, или вы пытались моих друзей вывести на чистую воду?

— Зачем? Я все это видела.

Щербаков зашелся громким издевательским смехом.

— В кустах что ли сидели?

— Андрей, вы разговариваете со мной, как с врагом, а ищите, насколько я понимаю, дружескую помощь.

— Вас наняли, чтобы отыскать оружие, а вы лезете куда не следует!

— Если бы я хотела вам навредить или на самом деле влезть куда не следует, то завела бы разговор в присутствии вашей жены. Как видите, я поступила иначе. Если вы действительно стремитесь к благополучному исходу дела, советую вам придерживаться искренних ответов.

Андрей задумался. Ему явно не хотелось говорить правду, но иного выхода для него в этой ситуации не было. Скрипя сердце, он процедил:

— Вы можете мне гарантировать, что об этом не узнает Вера?

— Я ей не враг, — ухмыльнулась Милославская, — но почему вы раньше не думали о том, что все тайное когда-нибудь становится явным?

— Что бы вы сейчас не говорили, я свою жену люблю.

— Любите? Ха-ха-ха! — Яна просто не сумела сдержать саркастический смех. — Ладно, сейчас не время для воспитательных бесед, рассказывайте, кто это и так далее.

Щербаков помялся несколько минут и, преодолевая целую гамму отрицательных чувств по отношению к гадалке, рассказал, что женщины, составлявшие им компанию на даче мало знакомы как ему самому, так и его приятелям. Тайсон решил в свой день рождения устроить что-то вроде мальчишника и предложил друзьям пригласить девочек по вызову. Он стал расписывать преимущества такого рода времяпрепровождения на даче, акцентируя внимание на том, что сюда, в случае чего, ни одна жена не доберется: от города далековато. Дача принадлежала тому самому Ильичу, о котором говорил когда-то Вере Андрей, но самого хозяина там не было. Он просто-напросто удружил приятелям, предоставив им на денек для отдыха загородный домик.

По словам Андрея, идея собравшимся не очень понравилась. О нежелании совершить грех прелюбодеяния речь не шла, просто приятели предпочитали пригласить девочек в какую-нибудь городскую сауну и там как следует развлечься. Тогда Тайсон припугнул их историей, которая его самого последнее время заставляла быть начеку, поскольку сходить налево он был большим любителем. Бывший боксер весьма эмоционально поведал о том, что один из его знакомых держал сауну «Дубок». Супруга этого поклонника бань была осведомлена о постоянном месте пребывания благоверного. Но она предполагала, что муженек работает, иногда, как и клиенты, парится, моется и тому подобное, а он плюс ко всему в сауне развлекался с девицами.

Когда у женщины возникли вполне обоснованные подозрения, она просто решила неожиданно заявиться в «Дубок». Ее супруг был не лыком шит и платил охраннику за то, чтобы в приятное для него время посторонних в сауну не пускали, каковой на этот момент являлась и его жена. Встретив отпор бдительного охранника, благоверная прелюбодея, весившая не менее ста двадцати килограммов, преодолела бетонный забор и проникла в помещение через черный ход, о котором ей было очень хорошо известно. Естественно, что она застала супруга во всей красе, от чего с женщиной случился сердечный приступ.

Листопадова это только рассмешило, а вот Щербаков и Сергей Шефко всерьез задумались, и, посоветовавшись, приняли решение, что дача для такого вида отдыха — идеальный вариант.

Милославская слушала это все с брезгливым выражением на лице, испытывая чувство глубокой обиды за обманутую Веру и чувство внезапно

возникшего отвращения к ее мужу. Щербаков стал оправдываться, говоря, что попал под дурное влияние. Он выглядел жалко, но это несколько не умаляло его вины. Милославскую не волновали причины, побудившие Андрея вести себя подобным образом, однако, прояснить все тонкости было просто необходимо, поскольку могла обнаружиться нить, ведущая к разгадке совершенного преступления. Возможно, кто-то специально заманил приятелей на дачу, чтобы там, создав благоприятные для того условия, осуществить кражу оружия.

— Вы хоть помните, как их зовут? — строго спросила она.

Щербаков смущенно ответил, что двух даже в лицо не помнит, а одну точно звали Таней Климовой. Яна с презрительной иронией подумала, что эта самая Таня, скорее всего, тогда и заменила собой Веру.

— Как же вы их приглашали, если имен не знаете? — недоверчиво произнесла гадалка.

— А зачем нам имена? Мы заказали ноги, грудь, подробно описав, на что претендуем, — Щербаков стыдливо опустил глаза, но эти слова все равно звучали кощунственно.

— Заказали? — изумилась Милославская.

— Заказали. В фирме. Не на улице же подбирать!

— А я слышала, — с оттенком пренебрежения процедила гадалка, — что и Большая Казачья тоже поделена между такими фирмами. Так что — какая разница?

— Большая! — не найдя оправданий, недовольно буркнул ее собеседник.

— Но хоть адрес или название конторы есть? — не унималась экстрасенс.

— Зачем?

— Я подозреваю, что исчезновение оружия — их рук дело, — ответила Яна.

— Это исключено. Проституток мы проводили, когда еще были в меру пьяными, пистолет тогда на своем месте находился. Это я точно помню, — Щербаков замялся, но, набравшись решимости, все же закончил фразу: — когда брюки одевал, обратил на «Макарова» внимание.

«Жаль, что он у тебя не выстрелил в это момент, пытаюсь разбудить совесть,» — подумала Милославская. Яна записала в блокнот название фирмы, занимающейся предоставлением подобных услуг. Адреса Андрей не знал, номера телефона не помнил и не сохранил. Несмотря на то, что Щербаков был убежден в непричастности к произошедшему девиц, Милославская считала необходимым их проверить, поэтому и запасалась

сведениями.

Сухо попрощавшись с Щербаковым, Яна пешком дошла до трассы, где мельтишили одна за другой машины разных марок, и остановила одну из них. Она попросила водителя притормозить возле продавца книгопечатной продукции и купила стопку низкопробных газет, изобилующих объявлениями об организации «приятного отдыха». Пока автомобиль нес Милославскую домой, она времени даром не теряла: пролистывала издания в поисках интересующей информации. Они просто пестрили сами за себя говорящими заголовками: «Запретные удовольствия в обжигающе откровенном разговоре для тех, кто любит погорячей», «Секс-коктейль», — или просто: «Вам сделает массаж очаровательная леди».

Придя домой, Яна приняла душ, попила кофе и взялась за работу. В проверке девиц легкого поведения она надеялась прибегнуть к помощи Руденко, но не сейчас, поскольку было довольно поздно. Пока же гадалка решила пополнить свой информационный запас.

Она поудобнее расположилась в кресле и положила на колени телефон. Фирма, в которую обращался Щербаков и его друзья, называлась «Киски». Яна нашла два рекламных объявления с таким названием. Однако телефоны в них были указаны разные. Гадалка предположила, что это разные фирмы с одноименным названием, и решила попытаться выяснить, в какой из них работает Таня Климова.

— Алло, можно сделать заказ? — произнесла Милославская, стараясь сделать голос как можно более грубым.

Она планировала выудить у телефонистки нужные сведения и, якобы внезапно передумав, отказаться от услуг. Яна и не предполагала, что базар секс-сервиса стал в ее родном городе настолько экзотическим. За не столь уж и большую плату дамы одной из фирм готовы были не только ублажать клиента в постели, но и временно побыть его «женой», если потребуется: приготовить ужин, постирать что-нибудь из белья, провести косметическую уборку. Проститутки, в основной своей массе вышедшие из семей неприхотливых, к домашней работе были приучены сызмальства, поэтому, наверное, плата за их услуги себя оправдывала.

Яна с профессионализмом настоящего разведчика вела беседу, но поняв, что разговор уходит не в то русло, в которое она его пыталась направить, стала произносить извинения и слова прощания. Секретарь стала страстно убеждать «клиента», что «жены на один вечер» давно обогнали по популярности и дорогих путан из отелей, и дешевок с вокзала, и «массажисток» из оздоровительных центров и бань. Она с той же пылкостью сообщила Яне, что даже совмещение половых услуг с

секретарскими или переводческими, сопровождение клиента на морской курорт и прочая классика секс-бизнеса давно отошли на задний план.

Милославская, раздосадованная такой настойчивостью, просто бросила трубку, так и не выяснив, работает у них Таня Климова или ее нужно искать в другом месте. Экстрасенс, конечно, понимала, что к такой активности в разговоре с клиентами ведет жестокая конкуренция. На самом деле, конторы подобного рода даже в самых захудалых городишках росли, как грибы.

Яна стала раздумывать над услышанным, и ей пришла в голову идея, что, возможно, приятели Щербакова обращались в такую фирму потому, что надо было кому-то и накрыть на стол, и чужую дачу привести в порядок. Впрочем, гадать не было смысла. Милославская решила передать имеющиеся сведения Руденко и озадачить его новым поручением. Посмотрев на часы, она перенесла эти планы на утро и отправилась в спальню, чтобы насладиться всеми прелестями сладкого сна после тяжелого дня.

Яна закрыла глаза, пытаясь расслабиться. Воображение невольно рисовало ей девиц с пышными формами, предлагающими себя похотливым мужчинам. Она поморщилась и перевернулась на другой бок, настраивая себя на воспоминания о чем-нибудь приятном. Постепенно заботы дня отошли на задний план и Милославская, наконец, впала в приятную дрему, которая повлекла за собой полноценный сон.

* * *

— Товарищ старший лейтенант, к вам там дама какая-то... — игривым тоном произнес молоденький симпатичный сержант, заглядывая в кабинет, в котором в данный момент находился Руденко.

Семен Семеныч вздрогнул и резко спрятал что-то под стол.

— Да ладно, старший лейтенант, не прячьте, — с пониманием произнес сержант.

Но Руденко эта фамильярная снисходительность только разозлила. Он достал из под стола бутылку портвейна «Три Семерки» и, потрясая ей в воздухе, неистово завизжал:

— Почему без стука?

— Так дама просила побыстрее о себе доложить... — оправдывался парень.

— Ну знаешь, Сучков, ты меня так до инфаркта доведешь, я думал это

шеф! — Семен Семеныч налил себе полстакана и, залпом опустошив его, занюхал рукавом. — Что за дама? По какому вопросу? — спросил он, смахивая со лба крупные капли пота.

— Говорит — по личному. Хорошенькая, знаете такая... — Сучков хитро улыбнулся.

— Жена что ли? — Руденко опять стал прятать бутылку.

— Не-е-е, — сержант сморщился и махнул рукой, как бы говоря: «Не пожелай ближнему жены своей!»

— Ты знаешь, что за одного битого пятнадцать суток дают? — процедил уязвленный Руденко. — Ты, малый, не дурак, а дурак немалый! Ладно, иди зови даму, пока во мне зверь не проснулся.

Семен Семеныч убрал бутылку портвейна в сейф, от которого только у него одного ключи и были, и запер его. Затем старлей подошел к небольшому, закопченному сигаретным дымом зеркалу, и пригладил руками вечно торчавший на голове хохолок. «Что же это за дама-мадама?» — думалось ему.

Через пару минут в кабинет вошла Яна.

— Здравствуй, Сема. Я не дозвонилась, пришлось на работе тебя тревожить. Дело срочное есть, — с порога заявила она.

— Какие лю-ю-ю-ди! — деловито протянул Руденко. — Заходи, заходи. А мне говорят — женщина пришла, хорошенькая. Я думаю: «Взятку сексом не испортишь!», поэтому от важного дела с удовольствием оторвался.

— Шутник ты, Семен Семеныч! У меня дело серьезное, так что оставь на потом свои хаханьки.

— Что, Яна Борисовна, опять ужасы какие-нибудь привиделись? — с дружеской иронией спросил Три Семерки.

— Привиделись, привиделись, — Яна стала озираться по сторонам, почувствовав запах спиртного, — привиделось, что приехал к тебе, Сема, сам генерал и нашел в..... вот в этом сейфе бутылку портвейна «Три Семерки»!

— А-а-а! — Руденко выкатил глаза и открыл рот от удивления. — Как ты узнала?

— Да успокойся ты. Ничего сверхестественного на этот раз нет. Только мой тебе совет: если кто-нибудь еще зайдет в кабинет, не смотри так опасно на вон тот железный ящик.

— Ну, Яна Борисовна, — рассмеялся Семен Семеныч, — тебя не проведешь! А вообще — алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве. Ладно, давай выкладывай свое важное дело, — Руденко вынул

из пачки сигарету.

— Если сказать точнее — это поручение, — начала Милославская.

Яна вкратце рассказала приятелю все, что узнала от Щербакова, и выложила суть своей просьбы, мотивируя ее тем, что именно девицы, уходя, могли прихватить и оружие Андрея. Руденко не отрицал возможность этого и сказал, что проверить их, действительно, не помешает. Тем более что в последнее время содержатели таких контор чувствуют себя уж слишком свободно, и не помешает их немного приструнить.

— Можешь начать прямо сейчас? — с просительной интонацией произнесла Яна.

— Ради тебя — все, что угодно, — Руденко положил ладонь на грудь.

— Меня с собой возьмешь?

— Поехали, — Семен Семеныч пожал плечами, встал из-за стола и направился к выходу.

Идя по узкому длинному коридору, он остановился возле одного из многочисленных кабинетов, задумался и, стукнув пару раз в дверь согнутым указательным пальцем, вошел внутрь. Яна из обыкновенного женского любопытства последовала за ним, тем более, никто этому не препятствовал.

За огромным старинным столом, облезлым, но достаточно ценным своей древностью, сидел немолодой уже мужчина, широкоплечий, рослый, довольно приятной наружности. Его виски и усы слегка тронула седина, и это делало его еще более привлекательным. Милославская окинула мужчину беглым оценивающим взглядом, немного приостановившемся на погонах. «Майор,» — заключила она.

Три Семерки в это время уже протягивал майору руку, чтобы поздороваться. Тот ответил радушной улыбкой и крепким рукопожатием, а затем вопросительно посмотрел на гадалку.

— По моей работе что ли? — спросил он, кивнув на Яну. — Вроде не похожа, — продолжил мужчина, смеясь.

— Что ты! Что ты! — горячо возразил Руденко. — Знакомься, Александр Леонидович, это Яна Борисовна Милославская, экстрасенс, гадалка и все такое прочее.

— Как интере-е-е-сно! — протянул майор. — По какому вопросу?

Яна все еще не могла понять, с какой целью Руденко ее сюда привел, и ждала, что же будет дальше.

— Ты у нас мастер по вопросам проституции, — начал Семен Семеныч.

Александр Леонидович закашлялся и с нарочитой взбешенностью

ответил:

— Ну ты загнул! Выражайся, пожалуйста, поточнее, — майор посмотрел на Яну и пояснил: — Просто на моем счету десятки дел, так или иначе имеющих отношение к этому бизнесу. Я раньше работал в отделе по предотвращению преступлений в сфере общественной нравственности.

— А я что не так что-то сказал? — возмутился Руденко.

— Так что от меня требуется? — майор улыбнулся.

— Не знаешь адреса фирмы «Киски»?

— Ха! На сегодняшний день, к счастью, в городе собрана картотека и дактотека проституток, сутенеров, сводников, их водителей и хозяев. В ней 1200 человек, между прочим.

— Так много? — Три Семерки присвистнул.

— Это по официальным данным. А ты что это интересуешься, Сема? Побаловаться вздумал? — начал, посмеиваясь шутить майор. — Если что — учти: все сто процентов путан носители какого-нибудь вензаболевания, а то и целого букета. Шестнадцать проституток ВИЧ-инфицированы. К тому же, такие красавицы, как твоя супруга там редкость. Вчера видел одну — ей на вид сорок с гаком, толстая, в очках, похожа на поношенное пальто бабушкиных времен. Так что...

— Опомнись, Саша, — весело протянул Руденко, — я женат!

Александр Леонидович порылся в какой-то папке и извлек оттуда пожелтевший листок, извинившись за то, что теперь он некомпетентен оперировать с компьютерными данными. Посмотрев в листок в течение минуты, майор ткнул в бумажку пальцем и воскликнул:

— Ага! Вот оно!

Три Семерки в мгновение ока оказался возле сослуживца и с интересом стал глядеть туда, куда указывал майор.

— Посмотри, а вот еще одна контора с таким названием, — обратился он спустя минуту к Александру Леонидовичу.

— Да, их две, — подтвердил тот.

Майор дал адреса обеих фирм и пожелал незванным гостям удачи в делах. Одна фирма находилась в центре, а другая на окраине, в Ленинском районе. Вспомнив, что Щербаков и его приятели очень стремились законспирировать свои отнюдь неблагочестивые намерения, Яна предположила, что они, скорее всего, должны были обратиться туда, где у них на это больше шансов — в Ленинский район. Руденко был не против начать поиски именно оттуда.

Друзья оказались правы, потому что удача улыбнулась им. «Киски» оказались одной из пресловутых саун. Но отличались они тем, что

оказывали услуги не только на месте, но и с выездом. Руденко решил взять все в свои руки и приказал Милославской сидеть в машине, объяснив, что даже одна минута пребывания в таком месте оскверняет ее чистый облик.

Семен Семеныч вошел в здание и сразу объявил встретившему его мужчине, кто он и зачем явился. Тот начал было хлопать глазами и притворяться непонимающим. Однако Три Семерки воспользовался старым проверенным ментовским методом — подробно объяснил, за что и по какой статье можно привлечь к ответственности этого господина. Руденко вспомнил всех: санэпидемстанцию, налоговую инспекцию, прочие инстанции и, как достойное завершение списка, органы внутренних дел. На самом деле, конечно, людей, работающих в этом бизнесе штрафуют, задерживают на пару-тройку часов, обязывают пройти принудительное медобследование и... благополучно отпускают. Но все же менты всегда находят способы вытрясти нужную им информацию.

Мужчина сначала смягчил тон, а потом и вовсе предложил все уладить по-хорошему. Семен Семеныч по-хозяйски увалился в кресло и спросил первым делом о том, работает ли среди «кисок» Таня Климова. Ответ был положительным. Тогда Руденко принялся выяснять, кто помогал ей обслуживать такого-то числа таких-то там-то и там. Его собеседник сразу заволновался, закурил и, предчувствуя неладное, начал уповать на то, что «девки» совсем вышли из-под контроля и что он не имеет никакого отношения к их темным делишкам, если таковые имеются.

Рассказав Руденко все, о чем ему было известно, мужчина согласился организовать милиционеру «скорое свидание» с проститутками и начал названивать по своему сотовому. Он отдал кому-то, скорее всего, водителю, приказание сию же минуту привезти этих «идиоток» «домой» и взволнованно стал ходить по комнате.

Три Семерки вышел и сел в машину к Милославской. Яне все это время пришлось наблюдать за тем, как к сауне подъезжают дорогие и обыкновенные авто, но когда взгляд их хозяев падает на милицейскую машину, те очень быстро поворачивают обратно. Она, посмеиваясь, думала, что невольно стала причиной резкого снижения дневной выручки фирмы «Киски».

— Ты вот что — поезжай домой, — посоветовал Руденко.

— Почему?

— Эта Таня здесь трудится, но сейчас на вызове. Климову и ее подруг скоро доставят. Я их отвезу в отдел и там как следует обработаю. Тебе, Яна Борисовна, при этом лучше не присутствовать и методов выяснения интересующих сведений не знать, — пояснил Семен Семеныч.

— Хорошо, Сема. Только потряси как следует, пожалуйста, — согласилась Яна.

— Вспомни о моем опыте и боевых заслугах! — выпалил Руденко с шутливой горделивостью и надвинул козырек фуражки на глаза.

Друзья расстались, договорившись, что Три Семерки сразу же после выяснения обстоятельств приедет к Милославской. Руденко поймал для нее такси и со спокойной совестью пошел в сауну ожидать приезда девочек по вызову.

* * *

Утолив жажду стаканом холодного апельсинового сока, Милославская достала колоду с картами и решила в очередной раз пообщаться с ними. Поскольку лишаться сил с утра пораньше она не желала, ею был выбран «Джокер», который отнимал в два раза меньше сил.

Но, кроме преимуществ, «Джокер» имел и существенные недостатки. Видения, явившиеся Яне посредством работы с этой картой, всегда были неясными, вернее, она всегда показывала то, что трудно было расшифровать и подчинить логике. Иными словами, информация от «Джокера» всегда была непонятной. Ориентируясь на особенности карты, Милославская еще называла ее «Сюрпризом».

На этой карте был изображен улыбающийся полумесяц, который выпускал тонкую воздушную струйку из своих уст на висящий на собственном кончике колочик. Это довольно милое создание служило настоящим украшением невзрачного фона — растрескавшейся от зноя и засухи почвы.

Яна села в кресло, положила ладонь на «Джокер» и закрыла глаза. Тепло, которое было признаком надвигающегося видения, появилось не сразу. Но Милославскую ничто не торопило, она просто расслабилась и ждала, думая об исчезновении пистолета Щербакова. Конкретного вопроса гадалка не формулировала, потому что знала постоянство «Джокера» в приподнесении сюрпризов.

Размышления Милославской были столь глубокими, что граница между ними и возникшим видением практически ей не ощутилась. Она увидела дождь. Сильный, крупный, можно сказать, ливень. Потом тучи вдруг рассеялись, небо стало безоблачным, засияло яркое солнце и огромным разноцветным мостом заиграла радуга. Она отражалась в лужах, огромных и, по всей видимости, очень теплых — два босых мальчугана,

смеясь, носились по ним, падая в конце улицы в мокрую сверкающую траву. Они лежали и хохотали, потом поднимались, брались за руки и бежали в обратную сторону, жмуря глаза и стараясь уклониться от грязных многочисленных брызгов.

На улице, кроме мальчишек, не было никого. Она, скорее всего, находилась в каком-нибудь небольшом поселке. Потому что домики стояли маленькие, в большинстве своем ветхие. Ютились среди них и землянки, небеленые, с торчавшими местами длинными соломинами.

Видение прекратилось внезапно. «Джокер», как всегда, сумел удивить Яну. Она не имела представления, что это за поселок, какие мальчишки рассекали голыми ногами глубокие лужи и так далее. Главное — она, как ни старалась, не могла понять, какое отношение имеет увиденное к исчезновению пистолета Щербакова.

Милославская пыталась подойти к этому вопросу с разных сторон, но логической цепочки все равно не выстраивалось. Измучавшись догадками, гадалка решила, передохнув, вновь «попытать» «Джокера».

Рядом лежавшая Джемма широко зевнула. Она тоже закрыла глаза, стараясь ничем не мешать хозяйке.

— Джемма-а, — ласково прошептала Яна. — есть хочешь?

Собака сразу поднялась на лапы и изобразила полную готовность к процессу поглощения «Чаппи».

— Я устала, Джемма, неси пакетик сюда.

Джемма засеменила на кухню и, ухватив зубами хрустящий пакет, принесла его хозяйке.

— Я сегодня, конечно, разрешаю тебе свинничать, но не на столько, чтобы есть с полу. Неси миску, — Милославская стала вскрывать неначатый пакет.

Собака так же быстро принесла миску и, облизываясь, стала смотреть, как Яна высыпает в посудину ее любимое лакомство. Наблюдая за своей любимицей, Милославская закурила. Дело Щербакова не выходило у нее из головы. Она думала над тем, какие причины могли побудить ночных бабочек позариться на ментовское оружие, если, конечно, это они его похитили. Защищаться от разбушевавшихся клиентов они вряд ли бы стали таким образом, тем более жизнь путан из притонов такого класса относительно безопасна.

Мысль о краже с целью дальнейшей продажи гадалке тоже не нравилась, поскольку проститутки и так не бедствовали, и у них не было оснований рисковать таким образом, поскольку людей этой категории милиция постоянно держит в поле зрения и, в случае чего, одними из

первых начинает обрабатывать.

Десятки вопросов путешествовали в сознании Милославской, не находя ответов. Яна посмотрела на «Джокер» и мысленно поругала его за то, что он внес еще большую смуту в ее и так кишачие в беспорядке мысли.

Гадать повторно она пока не стала и отправилась в ванную, чтобы восполнить утраченные силы и просто освежиться. Женщина открыла прозрачную пластиковую коробочку, выполненную в форме сердца, достала из нее пару зеленоватых шариков и бросила их в ванную, начинавшуюся наполняться водой. Через несколько минут по комнате стал распространяться неповторимый хвойный аромат, расслабляющий и успокаивающий. Яна с удовольствием окунулась в приятной окраски воду. Ей почему-то вспомнился Новый год, елки, огромные разноцветные стеклянные шары, подарки. Милославская вспомнила, как любил их ее сын, навсегда ушедший из жизни, и ручейки слез стали торопливо сбегать по щекам.

Последнее время боль потери двух самых близких людей этой женщины немного утихла, но воспоминания все равно временами были настолько горькими, что, казалось, все случилось только вчера.

Яна спустила воду и встала под почти холодный душ. Ощущение было ужасным, но женщина старалась взять себя в руки и почувствовать, что она — сильная, что она может это преодолеть. Жизнь продолжалась, и как-то надо было существовать.

Облачившись в чистый, отглаженный, легкий махровый халат, Милославская прошла на кухню, взяла джезву, насыпала в нее две чайных ложки кофе, налила воды и поставила посуду на огонь. Она закурила и, помешивая готовящийся напиток, периодически втягивала в себя горьковатый дым любимых сигарет. Джемма всегда чувствовала, когда хозяйка ощущала себя особенно одинокой, и начинала ласкаться. Она и в этот раз подошла к Яне и стала тереться головой о ее ноги. Милославская потрепала любимицу по шерсти и через силу улыбнулась ей. На данный момент это было единственное близкое ей существо, которое любило Яну, как никого другого.

Кофе стало подниматься шапкой и Милославская выключила газ. Она налила напиток в маленькую чашечку и пошла в кабинет. «Джокер» продолжал лежать отдельно от колоды. Яна поставила кофе на подставку и положила ладонь на карту.

Через пару минут стало чувствоваться таинственное взаимодействие. Тепло от «Джокера» исходило такое же, как от чашки кофе, только оно

было какое-то сухое, приятное. Яна надеялась увидеть продолжение прекрасного видения, в котором мальчуганы безнаказанно меряли лужи, и попытаться «расшифровать» его. Однако, одна за другой, стали появляться цифры, большие, черные, жирные. Сначала они промелькнули очень быстро, потом в глазах установилась молчаливая темнота. Так было не больше минуты. Затем цифры появились вновь, уже задерживаясь в сознании немного дольше.

Милославская имела хорошую память и запомнила все, даже порядок возникновения таинственных знаков. Придя в себя, она зафиксировала увиденное на бумаге и положила обрывок листа в блокнот, чтобы не потерять его. «Джокер» приподносил сюрпризы, но рано или поздно, им находилось объяснение, поэтому даже его информация являлась ценной.

Запиликавший звонок телефона окончательно заставил Яну очнуться от размышлений.

— Да, — меланхолично ответила она.

— Надо говорить не «да», а «алле, Яна на проводе», — раздалось в трубке.

— Три Семерки? — попыталась угадать Милославская.

— Он самый.

— Какие новости?

— Обрадовать тебя нечем. Все чисто. К исчезновению оружия девицы н-никакого отношения не имеют!

— Ты уверен? — в голосе Яны чувствовалось сомнение.

— Больше, чем когда-либо. И ночных бабочек, и их «папу» прижали, как следует. Их рассказ полностью совпадает с откровениями Щербакова. Таня Климова утверждает, что когда Андрей одевался, пистолет был на месте. Девицы хором восклицали, что ребята, после того как их проводили, сели «догоняться». И водки, и пива было море. так что неизвестно, как они дальше организовывали досуг.

— Я-а-сненько, — протянула Милославская.

— Так что, увы, моя милая... — Руденко сочувственно вздохнул. — Проси новых подсказок у потусторонних сил, — закончил он шутливо.

Джемма отрывисто залаяла во дворе, и Милославской пришлось распрощаться с Семеном Семенычем, чтобы посмотреть, кто пожаловал. Собака обычно по пустякам шума не поднимала. Соседи дивились этому, так как их, даже породистые псы, поднимали невероятный лай, как только кто-то появлялся в начале улицы. Это не на шутку раздражало, особенно ночью или ранним утром, когда все спали. Джемма же такого себе не позволяла. Она терпеливо молчала и прислушивалась, и только в том

случае, если прохожий намеревался войти в их калитку, начинала бить тревогу.

Не найдя подле себя тапочек, Милославская босиком зашлепала к выходу. Через стекло веранды она увидела, что кто-то дергает щеколду, но войти не решается. Еще бы — Джемма слишком ревностно охраняла жилище своей хозяйки. Калитка не доходила до земли и внизу были видны женские туфли. Они не показались Милославской знакомыми.

— Кто там? — крикнула она издалека.

Последнее время в Агафоновку очень уж зачастили продавцы дешевых тюлей и занавесок. Они ходили по домам, предлагая свой далеко не качественный товар. Кто-то покупал, кто-то отказывался. Не проходило и двух недель, как ловкие торговцы вновь начинали путешествовать по той же местности, стучась в те же самые дома. Некоторые, не выдержавшие бестолкового навязчивого лепета, посылали таковых подальше. Те, кто в силу своего воспитания этого сделать не мог, вынуждены были выслушивать до конца красноречивое описание достоинств товара, молча кивать, а потом, извиняясь, отказываться.

Поэтому Яна не спешила открывать калитку, а только издалека интересовалась, чем может служить. Голос, ответивший «я», показался Милославской знакомым.

— Вера? — неуверенно произнесла она.

— Да, это я, Щербакова.

Гадалка, сунув ноги в старенькие шлепанцы, заспешила к воротам, по пути скомандовав Джемме замолчать. Представ перед Милославской, Вера посмотрела на нее немного виновато и объяснила:

— Я сегодня всю ночь не спала, время идет, а продвижений никаких. Или, быть может, вы что-то от меня скрываете? Мне так кажется. Яна Борисовна, будьте пожалуйста откровенны. Нам не на что надеяться? Лучше горькая правда, чем...

Милославская не дала гостье закончить.

— Так, спокойно. Во-первых, у порога не разговаривают, пройдемте в дом.

Щербакова послушно, но несмело последовала за гадалкой. Яне хотелось как-то отвлечь Веру, успокоить ее, поэтому она предложила.

— Вы меня угощали пирогом? Угощали. Теперь моя очередь. Только его сначала надо испечь. Будете моей помощницей?

— Ой, что вы?! Зачем?! Не стоит суетиться! Я не отниму у вас много времени.

— Это не суета, а удовольствие. Я люблю печености, только вот

возиться с ними не хочется, да и нет смысла.... я же одна. Уж коль нашлась неплохая компания, можно что-нибудь сообразить, а во время процесса побеседовать, — пыталась убедить гостью Милославская.

Вера все равно чувствовала себя неловко и продолжала оправдываться:
— Я вам звонила, но никто не отвечал.

— Я наверное к Руденко ездила, — предположила Яна, доставая на стол продукты для приготовления пирога, — это мой приятель, милиционер, он мне в расследованиях помогает. Так что не переживайте, с его помощью точно пистолет вернем!

Эта оптимистическая нота в голосе экстрасенса заставила Веру улыбнуться и стать более раскованной.

— Между прочим, вас надо поругать, — Милославская насыпала в большую пластиковую чашу муку, — как же вы в таком положении решились совершать столь длительное путешествие? С одного конца города на другой....

— Меня соседи подвезли, у них в Агафоновке дача. Когда увидела, что они собираются, подумала о визите к вам, уж извините.

— Извиняться не за что, у меня к вам вопрос есть, — Милославская вспомнила про таинственные цифры, приподнесенные ей во время общения с «Джокером».

Вера приняла вид полной готовности к решению любых проблем, но Яна не стала сходу озадачивать и без того взбудораженную женщину. Она намеревалась готовить пирог «Мазурка» и заставила гостью измельчать орехи. Та сама была мастерицей на всякие вкусности, поэтому с удовольствием принялась выполнять поручение, интересуясь всеми тонкостями рецепта.

Однако, скрыть печаль и волнение Вере не удавалось, и она периодически тяжело вздыхала, предвкушая множество трудностей, которые придется преодолеть, прежде чем история приблизится к финалу. Глядя на нее, Яна подумывала о том, что любовь на самом деле зла, раз этой замечательной женщине довелось коротать век с таким мужем, абсолютно ее не достойным.

Женщины болтали о том, о сем, и Яна стремилась извлечь из беседы максимум пользы для тела, расспрашивая о прошлом Андрея, его друзьях и знакомых, конфликтах и так далее.

— Я сейчас гадала, — произнесла она, как бы невзначай, ставя пирог в микроволновую печь.

— И что? — в глазах Щербаковой засветилась надежда.

— Цифры какие-то... Может, попробуем над ними поразмышлять? —

Милославская сняла фартук и пригласила гостью пройти в кабинет.

Яна достала из бара бутылку великолепного красного вина, две хрустальные рюмочки и поставила это все перед Верой.

— Что вы?! Мне нельзя, — стыдливо улыбнулась та.

— В вашем положении это даже необходимо. В разумных количествах, естественно. Так что если мы с вами выпьем по две рюмочки, гемоглобин повысится, и малыш вам будет только благодарен.

— Ну давайте тогда! — Щербакова весело махнула рукой. — Тем более, у меня анемия средне-тяжелой степени. Никакими средствами не удается поднять уровень гемоглобина.

Женщины стали маленькими глоточками отпивать из рюмочек вино, дивясь удивительному вкусу и аромату. Во время подобных процессов людей, как обычно, тянет на откровения. Вера стала уповать на то, как нелегко ей приходится, как сложно быть одновременно и домохозяйкой, и добытчиком денег одновременно. Яна тоже поделилась своим горем, рассказав историю гибели мужа и сына.

— Ничего, — вздохнула Милославская, — у вас все еще образуется.

Она встала, подошла к журнальному столику, взяла с него блокнот и протянула Щербаковой листочек, на котором были записаны цифры, явившиеся в видении.

— Что это? — недоуменно спросила Вера.

— Эти четыре цифры ни о чем вам не говорят? Подумайте хорошенько, — Яна закурила.

— Что это? — повторила вопрос Щербакова.

— Цифры я выяснила посредством гадания. Но они, как вы видите, подлежат расшифровке.

Женщины стали вместе размышлять, что бы это могло быть. Предполагали дату рождения Андрея и время прочих важных событий в его жизни, потом проделали то же самое в отношении Веры, но ничего общего между подарком «Джокера» и приходящими им в голову идеями не было.

— Когда вы гадали, задавали какой-нибудь вопрос, — наконец спросила Вера с какой-то особенной решимостью в голосе.

— Нет, — задумавшись, протянула Милославская, — это же «Сюрприз». Он играет по своим правилам. На вопросы не отвечает. Просто дает информацию и не объясняет ее предназначения.

— Эта информация обычно как-то связана с делами, которые вы ведете или не имеет к ним отношения? — продолжала спрашивать Вера.

— Безусловно, все видения связаны непосредственно с тем, о чем я

думаю, то есть с расследованием. А к чему вы клоните? — не понимала гадалка.

— У меня мелькнула мысль, что цифры могут иметь отношение к пистолету.

— Вера! Да вы на самом деле умница! — воскликнула Яна. — А не номер ли это оружия?

— Подождите, подождите... — Щербакова прищурилась, стараясь перевернуть память.

Он несколько минут молчала, сосредоточенно думая о чем-то. Не произносила ни звука и Милославская, боясь сбить ход мыслей.

— Ну, конечно! Как я могла забыть! — Щербакова полезла в свою сумочку, которая лежала рядом, на диване и достала из нее блокнот.

Она стала судорожно листать его, пока, наконец, не нашла искомое.

— Ну-ка, ну-ка, давайте сверим, — Вера смотрела то на листочек, данный ей Яной, то в свой блокнот, — один к одному!

— Правда? — Милославская тоже стала сверять записанное. После двух заглавных букв стояли те же цифры, которые явились ей во время сеанса. — Как здорово! — восклицала она. — А откуда у вас номер?

Щербакова замялась, но потом все-таки ответила:

— Вы уж извините, но Андрей не очень-то доверчиво к вам относится. Он мне дал номер и сказал, что если вы объявитесь во время его отсутствия с пистолетом, мне не мешает сверить его номер с тем, который мой муж записал вот в этот блокнот. Простите, но он боялся подлога, обмана, шулерства...

— Как видите, его предусмотрительность пошла нам на пользу, — Милославская улыбнулась.

— И что из этого? — погрузнев, спросила Вера. — Номер мы знаем и без видения. Разве что-то изменилось?

— Пока нет. Но это хороший знак. Значит, мы на верном пути. Поверьте, карты отнюдь не глупы.

— Да? — Щербакова посмотрела более доверчиво.

— Конечно.

По комнате стал распространяться аромат ванили и песочного теста, и женщины вспомнили, что их ждет пирог. Они друг за дружкой быстрым шагом двинулись в кухню и наклонились к микроволновке. Румяная корочка свидетельствовала о том, что кушанье готово. Милославская прихватила противень толстой рукавицей, расшитой шелковыми нитями, и поставила его на деревянную дощечку. Затем она ловко переложила пирог на красивое фарфоровое блюдо и стала заваривать чай. Пирог дымился,

источая аромат, от которого текли слюни. Не обращая внимания на то, что вообще-то после вина кофе с пирогами не пьют, женщины с отменным аппетитом отведали по куску «Мазурки».

— Ой, спаси-и-бо... — насытившись протянула Вера. — Мне, наверное, пора. Здесь такси можно поймать?

— Попробуем. У меня обычно получается, — Милославская направилась в спальню, чтобы переодеться.

Через пять минут она уже была готова к выходу. Щербакова, почувствовав себя неудобно, стала отказываться от сопровождения, но Яна настояла на своем, сказав, что ей все равно надо выгулять Джемму. На самом деле, она хотела лично убедиться, что Вера благополучно уехала из Агафоновки.

Женщинам не сразу удалось найти того, кто согласился бы так далеко везти пассажира, и они двадцать минут промучились на обочине дороги. Зато Джемма такой долгой прогулкой была вполне довольна и благодарно смотрела на хозяйку, когда они возвращались домой.

Опьянев от приятной сытости, Яна прилегла на диван и стала щелкать кнопки телевизионного пульта, пока, наконец, не остановила выбор на одной из местных программ. Минут через пять она закончилась и начались «Новости». Милославская давно не сидела у телевизора и поэтому с интересом стала поглощать информацию. Так всегда бывало: увлекаясь расследованием, Яна забывала, что можно как-то иначе проводить время, и ее «Самсунг» мог неделю находиться в состоянии покоя.

Рассказав о новостях культуры, диктор плавно перешла к криминальной хронике. Милославская вообще не любила подобные репортажи, но в этот раз какое-то непонятное внутреннее чувство заставило ее прислушаться. Молоденькая ведущая рубрики сообщала, что в одном из городских парков поздним вечером был обнаружен труп сорокалетнего мужчины с двумя огнестрельными ранениями: в сердце и — контрольным — в голову. По словам журналистов, орудовал киллер, настоящий профессионал. Личность убитого была установлена — Ивушкин Евгений.

Яна продолжала оставаться у экрана, даже когда окровавленный труп показали крупным планом, со всеми подробностями. Что ею руководило в этот момент — она и сама не могла понять. Но какое-то чисто интуитивное чувство заставляло ее внимательно слушать, смотреть и запоминать все до мельчайших деталей.

Такое с Яной бывало. Вообще, предсказывая будущее, проникая в тайны прошлого она пользовалась только картами, но иногда сильно

развитая интуиция тоже приходила на помощь, заставляя предчувствовать то или иное событие или отдавать предпочтение одному действию из десятка планируемых.

Какой-то милиционер хладнокровно сообщал, что убитый был членом одной из бандитских группировок, между которыми в последнее время возник неразрешающийся уже несколько месяцев конфликт. Милославскую осенило: об этом рассказывал ей Руденко, — и она стала еще более напряженно размышлять над тем, что сообщалось.

Милиция предрекала, что это убийство положит начало череде других, поскольку Ивушкин был персоной важной, и «братки» за него станут мстить теми же методами. Далее были приведены примеры таких случаев и подробный анализ конфликта между группировками.

Потом ведущая программы обратила внимание зрителей на растущий незаконный оборот оружия, следствием которого и являются подобные инциденты.

Яна смотрела и не могла понять, почему подсознание заставляет ее сосредотачиваться на этом. Убитый ей неизвестен, оружие, которое она ищет, на месте преступления, слава Богу, не обнаружено. Поразмышляв, Милославская решила еще раз обратиться за помощью к Руденко и поподробнее расспросить о случившемся. Милиции, наверняка, известно более, чем сообщалось по телевидению.

Яна сразу подошла к телефону и набрала номер рабочего телефона Семена Семеныча, надеясь застать его на месте. Ей повезло, и после пары длинных гудков трубку взял сам Три Семерки. Представившись, Милославская спросила:

— Сем, твоя жена вернулась?

— Нет, она там еще пару дней пробудет.

— Заезжай ко мне после работы на пирог.

— О! Это я люблю, — довольный, воскликнул Руденко.

— Не буду притворяться, что мной руководит только потребность оказания благотворительной помощи, — многозначительно протянула Яна.

— Да, ладно, я уж привык к ненормированному рабочему дню. У тебя же рабочие вопросы, так?

— Так, — безнадежно вздохнула Милославская.

— Кстати, — как бы опомнясь, воскликнул Три Семерки, — я ведь могу и сейчас. Зачем вечера дожидаться? Временем располагаю, а что еще нужно?

— Хорошо, — согласилась гадалка.

— Накрывай на стол! — весело скомандовал Семен Семеныч.

Яна поставила чайник, подогрела в микроволновке пирог (так он был вкуснее) и стала приводить себя в порядок, потому что после отдыха на диване ее прическа оставляла желать лучшего, да и макияж тоже.

Руденко, конечно, не был для нее потенциальным любовником, но Милославская являлась женщиной в полном смысле этого слова, на все сто процентов, и всегда стремилась выглядеть великолепно. Надо сказать, это ей удавалось.

* * *

— Чую запах чего-то сла-а-а-денького... — голосом, похожим на кошачье мяуканье, протянул Руденко, проходя в кухню. — А у меня и горькое с собой.

Три Семерки достал из пакета недопитую бутылку портвейна и воскликнул:

— Эх, ма! Гуляем! Я и для тебя кое-что прихватил: шампанское. Знаю, любишь, не отказывайся.

Яна приняла в руки бутылку и принялась разглядывать этикетку. Руденко по-хозяйски стал суетиться на кухне, доставая из того же пакета разные полуфабрикаты. Милославская, усмехнувшись, сказала, что тот последнее время ведет себя, как совестливый гость: угощенья приносит с собой. Но Семен Семеныч объяснил, что это должно было стать его ужином в одиночестве, и пропадать добру негоже.

С ловкостью хороших поваров друзья неплохо организовали сервировку стола и присели, чтобы начать трапезу. С треском устремилась в потолок пробка от шампанского, старательно открываемого Руденко, и пенные брызги радостно вырвались на белоснежную кружевную скатерку.

— Ты только к портвейну своему и приспособлен, — дружеским тоном произнесла Яна.

Ее приятеля это нисколько не смутило, и он продолжал выполнять обязанности ухажера: наполнил бокалы, разложил по тарелкам закуску и произнес тост за дружбу и взаимное сотрудничество. Шампанское оказалось как раз таким, какое любила Милославская: полусладкое, немного терпкое, прохладное. Впрочем, это вряд ли являлось случайностью: за годы знакомства Руденко как следует изучил вкусы своей подруги и всегда старался ей угодить.

Поняв, что выпитый портвейн начал действовать, — Три Семерки раскраснелся, ослабил узел галстука — Яна решила, что пришло время

начать более серьезный разговор. Во-первых, потому, что в таком состоянии Руденко всегда был более словоохотлив, во-вторых, сразу приступить к делу означало высшую степень невежливости. Это, конечно, было не в правилах Милославской.

— Видел репортаж об убийстве Ивушкина? — спросила она.

— Где же? Я на работе был, — Семен Семеныч отрицательно покачал головой.

Яна подробно пересказала все, что увидела и услышала, чем немало удивила приятеля. Он был обескуражен таким нехарактерным пристрастием подруги к криминальной хронике. Говорить о зове интуиции Милославская не стала, поскольку знала — Руденко не упустит шанса пошутить в очередной раз на тему ее отношений со сверхъестественными силами.

Три Семерки сказал, что знал об этом и без репортажа, поскольку убийство произошло на территории, за соблюдение закона на которой их отдел нес непосредственную ответственность. Это обрадовало Яну, поскольку появился надежный источник информации.

— Сем, оружие ведь не найдено? — опасно спросила она.

— Нет.

— А стреляли случайно не из «Макарова»?

— Нет. Экспертиза установила, что из «ГТ». Понимаю твое беспокойство. За клиента переживаешь? — Руденко улыбнулся.

— Да. Хотелось бы, конечно, чтобы все закончилось благополучно, — Милославская вздохнула.

Яна замолчала и стала сосредоточенно думать о том, что ее тайное внутреннее стремление к просмотру репортажа не могло быть случайным и должно было иметь какое-то отношение к расследованию. Разгадать эту загадку она пока не могла, но знала, что рано или поздно ответ на этот вопрос будет найден.

— Я уверена, это как-то связано с делом Щербакова, — задумчиво протянула Яна и, как бы опомнившись, спросила Руденко: — Расскажи поподробнее о произошедшем.

— Что здесь рассказывать? — нехотя начал тот. — Ивушкина свалили на землю двумя ударами рукоятки пистолета в лицо. Когда он неожиданно резко вскочил и попытался спастись от неминуемой гибели бегством, первая же, посланная вдогонку пуля сшибла «братка» тупым ударом под левую лопатку. Пуля пронзила сердце, но этого убийце оказалось мало, он сделал контрольный выстрел в голову.

— Сема! — Яна брезгливо сморщилась. — Мне не нужны эти ужасные

подробности. Расскажи лучше, что это был за человек.

— Лично я человеком его с трудом могу назвать. В молодости он сел на иглу. Через пару лет был осужден за распространение наркотиков. Отбыв срок, вышел из колонии, но еще через два года попался вновь. Нарушив подписку о невыезде, парень благополучно скрылся из города, за что был объявлен в розыск. Спустя год создал липовую фирму по пусканию в оборот денежных средств вкладчиков, обещая им бешеные проценты по вкладам. Лохотрон заработал лучше, чем ожидалось — сотни людей позарились на бесплатный сыр, забыв, что он бывает только в мышеловке. Настал момент, когда разгневанные вкладчики накинулись на мошенника, но он бежал от них сюда, в наш город, где стал членом одной из преступных группировок. Имея богатый материал на Ивушкина, органы быстро и легко установили личность убитого. Вот, пожалуй, и все.

Дослушав рассказ приятеля до конца, Милославская еще раз прокрутила его в сознании и пришла к выводу, что этот человек вряд ли мог быть знакомым Щербакова. Однако мысль о присутствии какой-то связи между исчезновением оружия и произошедшим убийством все же не покидала ее.

Семен Семеныч между тем не переставал подливать себе портвейн, залпом опустошая рюмку за рюмкой. С той же скоростью он уничтожал и закуску, и вскоре стол заметно опустел. К удивлению Яны, Руденко не отказался и от пирога, обещанного ею.

— Ой, спаси-и-бо... — поглаживая живот, протянул он, наконец. — С места вставать не хочется...

— Это что, тонкий намек? — Яна улыбнулась.

— Тебе не трудно меня раскусить, — Три Семерки виновато пожал плечами, — признаюсь, претендую на скромный ночлег где-нибудь в уголке твоего дома.

— Нет, нет, нет! — категорически возразила Милославская. — Жена вернется, а ты неизвестно где! И что же тогда, я окажусь причиной вашего семейного разлада? Иди домой.

— Ну, Яна Борисовна... — умоляюще протянул Руденко.

Милославская оставалась непреклонной. Конечно, для этого у нее были и другие причины, кроме нежелания нарушать счастливую семейную жизнь приятеля. Слушание до полуночи пьяных бредней Семена Семеныча ей казалось малопривлекательным, тем более, что она собиралась поработать с картами и наметить дальнейшие шаги в расследовании.

Три Семерки нехотя покинул жилище гадалки, прикуривая сигарету и с ворчаньем сетуя на негостеприимность подруги. Яна быстро навела

порядок на кухне, приняла душ, и, уютно устроившись на кровати, взяла в руки колоду. Она разложила перед собой карты и стала раздумывать, какой-же из них воспользоваться на этот раз. Нужно было хорошенько все взвесить и установить, которая из карт может принести на данный момент максимальную пользу. Мысленно перебрав все «за» и «против», гадалка остановила свой выбор на «Взгляде сквозь оболочку».

На этой карте, как и на некоторых других, был изображен человеческий глаз, только здесь в зрачок окруженного темнотой глаза направлялись из неизвестности два энергетических луча.

Обычно эта карта помогала определить настроение человека и его стремления. Это-то экстрасенс и решила взять во внимание. Она задала вопрос: «Кто был охвачен желанием, стремлением украсть оружие Щербакова?» — и стала повторять его, положив ладонь на «Взгляд сквозь оболочку». Ожидаемое тепло стало ощущаться не сразу и Яне пришлось приложить немалые усилия, чтобы максимально сконцентрировать энергию, внимание и данную ей свыше силу.

Вопреки ожиданиям, перед Милославской вновь возникла картина той злосчастной вечеринки. Сначала ее взору предстал стол, сервированный довольно непринхотливо и, даже можно сказать, убого: шпроты в прямо в консервной банке, копченая рыба на листе бумаги, огурцы с помидорами, порезанные крупными кусками и так далее. Главным достоинством стола были пара бутылок водки «Орфей» и столько же полторалитровых бутылок пива. Однако, собравшиеся явно не собирались этим себя ограничивать. Немного в стороне на полу стоял ящик, наполовину наполненный пивом, наполовину — водкой.

В целом картина напоминала увиденную Милославской в прошлый раз. Только теперь она отчетливо различала лица мужчин, а не женщин. Всех, кроме одного. Этот-то один и привлек внимание Яны, потому что у него лицо было прикрыто каким-то темным пятном, оболочкой, сквозь которую ничего не удавалось рассмотреть. Причем, одежду, даже в мельчайших деталях, описать не являлось трудным.

Милославская еще более сосредоточилась, чтобы ничего не упустить из внимания. Рубашка модели «поло», бежевая, из хлопчато-бумажной тонкой ткани, джинсы «Levis», темно-синие, ремень кожаный, светло-коричневый, кроссовки «Рибок». От зоркого взгляда гадалки не ускользнуло даже темное пятно на джинсах таинственного незнакомца. Но лицо? — его тайну видение по-прежнему не открывало.

Гадалка попыталась взглянуть в физиономии других присутствующих. Первый из четверых мужчин был смуглым,

чернобровым, с темно-кариими глазами и полными губами, довольно высоким, мускулистым, широкоплечим, постриженным очень коротко и одетым в спортивном стиле. Яна предположила, что это Тайсон. Вторым был его полной противоположностью — рыжий, с почти незаметными бровями и ресницами, щуплого телосложения, в милицейской форме. Третий тоже был в форме сотрудника органов, и в нем экстрасенс легко узнала Щербакова. Только лица четвертого Яна по-прежнему не имела возможности видеть.

Постепенно видение начинало становиться все более расплывчатым, пока, наконец, совсем не исчезло. Придя в себя, Милославская стала прокручивать в голове увиденное. Больше всего, ее, безусловно интересовал тот, чье обличье оставалось покрытым мраком. Гадалка волновалась не просто из любопытства — перед сеансом она задала конкретный вопрос, и, чтобы ответить на него, карты, скорее всего, определенным образом «пометили» того, кто имел какие-то стремления, планы в отношении щербаковского пистолета. Темное пятно вместо лица говорило либо о явной нечистоте совести этого человека, либо это был единственный верный друг, который, на самом деле мог помочь расследованию. Хотя, вероятнее всего, он желал скрыться, затаиться, не быть известным. Этот вывод гадалка сделала легко, основываясь на своем опыте.

Она также довольно смело предположила, что раз остальных видение показало ей довольно откровенно, то вряд ли имели отношение к замыслу мужчины, остающегося за таинственной завесой. Милославскую также не оставлял в покое внешний вид незнакомца: он был одет уж слишком не по средствам. Насколько она поняла из слов Щербакова, все его друзья были сотрудниками милиции далеко не высшего ранга, а тут дорогие джинсы и не менее дорогие кроссовки. Это, конечно было подозрительным. Тем не менее, все Янины домыслы не были доказательством чьей-либо вины и даже причастности присутствующих к исчезновению оружия.

Милославская встала и, все так же раздумывая, побрела на кухню. Она выпила чашку кофе, которое немного ее взбодрило и в то же время обнадежило — Яна решила вновь встретиться с Андреем, чтобы побеседовать о его друге, которого он мог узнать по описанию одежды. В том, что карты не показывают ничего случайного, экстрасенс была на сто процентов уверена.

Гадалка легла в постель, твердо решив утром же связаться с Щербаковым и выяснить все интересующие моменты. Она была почти уверена, что похитителя оружия нужно искать среди участников вечеринки.

Однако самое главное предстояло сделать в будущем — определить, кто же вор и доказать его виновность. Задача, конечно, не из легких. Глубоко вздохнув, Яна отогнала от себя все посторонние мысли и предалась сну.

* * *

Андрей торопливо собирался на работу. Чем больше он спешил, тем больше препятствий возникало: то кофе убежало, то не мог найти фуражку (Кирюха примерял и куда-то дел), то папку забыл и пришлось возвращаться. Вера попыталась помочь мужу, но он, сорвавшись накричал на нее. Не выдержав, она высказала ему все, что за эти дни наболело.

По сути, он был источником этой общей семейной крупной неприятности. Но почему-то дома вел себя как безвинно пострадавший и срывал зло на близких. Щербакова сначала снисходительно относилась к горячности мужа, считая ее временной и вполне объяснимой, но в это утро чаша терпения переполнилась. Вера ответила Андрею тем же тоном, присовокупив все те нелестные слова, которые за эти дни скопились в ее сердце. В общем, утро в семействе Щербаковых выдалось жаркое.

Масла в огонь подлили коллеги Андрея, встретившие его на работе плоскими шуточками. Будучи чрезмерно озлобленным, он накричал и на них. И только самый старший из присутствующих решился пойти на перемирие, сказав:

— Тебе звонили.

— Дамочка какая-то, — язвительно добавил помощник участкового, прикуривая сигарету.

Однако тот, кто начал разговор, осадил его и объяснил:

— Андрей, это что-то серьезное, уж больно тон у нее рабочий, деловой.

— Свой телефон оставила? — взволнованно спросил Щербаков.

— Нет, сказала перезвонит.

Андрей отложил все дела и принялся ждать повторного звонка. Все его мысли были заняты сейчас поисками оружия. И в каждом позвонившем, пришедшем, приехавшем к нему он видел потенциального помощника расследования.

Дама не заставила долго себя ждать. Это была Милославская. Встав пораньше, она быстро переделала все домашние дела, которые уже несколько дней подряд откладывала и, убедившись, что настал час, когда люди в основной своей массе начинают рабочий день, стала звонить

Щербакову. Поскольку он в этот день опоздал, первый звонок Яны оказался безрезультатным. Зато на этот раз трубку взял сам Андрей.

— Слушаю, — с нетерпением произнес он.

— Это Яна Борисовна, — представилась гадалка.

Щербаков, к удивлению Милославской, обрадовался разговору с ней. Последняя ночь была практически бессонной, и хорошенько взвесив свои шансы, Андрей стал возлагать надежды только на Милославскую.

— Нам нужно встретиться, это срочно, — тревожно произнесла Яна.

— Я согласен. Где? Во сколько?

— Давайте в каком-нибудь кафе, — предложила Милославская, — время позволяет? Вы же на работе...

— Сейчас для меня есть что-то более важное, чем будничное выполнение служебных обязанностей. Да и работа моя не лишена выходов за пределы пикета, к счастью.

— Где вам удобнее?

— Давайте на проспекте, в кафе «Брудершафт», туда добираться и вам, и мне одинаково. Так быстрее встретимся. Устраивает?

— В общем-то, да, — в голосе Милославской присутствовали нотки неуверенности, потому что она представления не имела, что представляет из себя это заведение и можно ли там позавтракать в приличной обстановке.

Тем не менее единомышленники договорились встретиться именно в этом месте. Яна надела черное платье на тонких бретелях, которое было выигрышно тем, что будучи очень нарядным и элегантным, оно годилось не только на вечер, но великолепно смотрелось в любое другое время суток. Заглянув в шкапулку, Милославская подобрала к платью тонкую изящную серебряную цепочку и серебряные серьги-гвоздики, неброские, но довольно симпатичные.

Повертев в руках лаковые черные туфли на высокой шпильке, Яна убрала их обратно в шкаф, решив, что это будет слишком и достала оттуда туфли-лодочки на невысоком каблуке. Ансамбль был дополнен маленькой сумочкой, в которую гадалка положила самое необходимое.

Чтобы максимально сэкономить время, Милославская села в первый же попавшийся трамвай, и, только попав в более оживленную часть города, поймала такси, которое домчало ее до угла Чапаева и Немецкой, то есть бывшего проспекта Кирова.

Она не спеша, так как времени у нее еще было достаточно, побрела по многолюдной улице, рассматривая вывески с названиями кафе в поисках нужного наименования. Магазины только еще готовились открыться, и

техработники некоторых из них усердно натирали стекла витрин до желаемого блеска. Яна любовалась на шикарные костюмы, украшающие манекены в дорогих бутиках. Все это можно было без труда увидеть сквозь идеально чистое стекло.

Не проспавшиеся толком грузчики, склонившись чуть ли не до земли, волокли громоздкие телеги, наполненные разным товаром в сторону Крытого рынка. Они периодически громко и хрипло покрикивали: «Дорожку», — чем пугали задумавшихся прохожих. Кое-где махали метлами из стороны в сторону дворники, недовольные тем, что кто-то, идущий мимо, мешает их работе. Продавцы лотков, рассыпанных от начала до конца улицы, позевывая, раскладывали товар и делились друг с другом новостями. По всему было видно, что город просыпался, и Милославскую это тоже как-то взбодрило и заставило оживиться, потому что в такси ее совсем укачало.

«Брудершафт» оказалось обыкновенным кафе-гриль, расположенном в одном из полуподвальных помещений. Вообще здесь, на проспекте, трудно было найти хоть одно мало-мальски пригодное для обитания человека место, которое бы не освоили ловкие и предприимчивые бизнесмены. Сырые, полуразрушенные подвалы превратили в кафе, платные туалеты, магазинчики или просто торговые склады. А все потому, что жизнь здесь в любое время суток бурлила и не переставала приносить доход хозяевам подобных заведений.

Милославская осторожно спустилась по крутой деревянной лестнице, придерживаясь за перила, и приоткрыла дверь. Внутри не было ни души. Похоже, она была первым посетителем, а Щербаков задерживался. Яна посмотрела на часы и убедилась, что он уже десять минут как должен быть здесь. Колокольчик, висевший над дверью, известил, что пожаловал посетитель, и вслед за этим из подсобного помещения выглянул бармен с калькулятором в руках.

— Вы еще не работаете? — спросила гадалка.

— Заказывать что-то будете? — поинтересовался он, не желая отвлекаться от своего занятия из-за пустяков: бутылки минералки, например.

— Буду.

Бармен лениво кивнул на меню, скотчем приклеенное к витрине и опять зашел в подсобку. Минутой позже, очевидно осознав, что может лишиться клиента с неплохой покупательной способностью, он крикнул:

— Гриль будет готов минут через двадцать.

Так плотно завтракать Яна не собиралась, поэтому заказала порцию

картошки фри с сосиской, салат и стакан томатного сока. Ожидая пока глянцево-белая фритюрница «Тефаль» справится с заказом, она закурила и стала смотреть по сторонам. Кафе было полностью обделано под дерево: резные столы и стулья, стены с причудливыми узорами, выполненными каким-то талантливym мастером резьбы по дереву. Даже бра, висевшие над стенами у столов, гармонировали со всем остальным. Оценив обстановку, Милославская с облегчением вздохнула, потому что убедилась, что Щербаков пригласил ее в место, вполне сносное. Правда, здесь не было кондиционера, и воздух стоял какой-то спертый, наполненный запахом гриля, смешанного с табаком. Хорошо, что утро стояло нежаркое, и дул прохладный ветерок, иначе все недостатки этого заведения чувствовались бы гораздо острее.

Звякнул колокольчик. Яна сразу посмотрела на дверь, ожидая увидеть там Щербакова, но клиентом кафе оказалась молодая пара, тоже пришедшая сюда позавтракать. Работники заведения, увидев, что похоже жизнедеятельность кафе набирает силу, оживились и всерьез принялись за работу. Вскоре перед Яной стоял ее заказ, и она, так и не дождавшись Щербакова, приступила к завтраку. Картошка получилась золотистой, в меру пожаренной, и в сочетании с салатиком из квашеной капусты была просто великолепна. Яна периодически потягивала из трубочки прохладный, немного соленый томатный сок, и была полностью удовлетворена качеством кушанья.

Вокруг нее уже стали занятыми несколько столиков, и, когда колокольчик звякнул в очередной раз, Милославская увидела на пороге кафе Андрея. Он, тяжело дыша после торопливой ходьбы, смотрел по сторонам, отыскивая того, с кем назначил встречу. Яна помахала рукой, и Щербаков, увидев это, зашагал в ее сторону.

Сев за стол, он снял фуражку, вытер платочком пот со лба и сказал:

— Извините, я опоздал.

— Что-то произошло? — спросила Милославская, оценив взволнованный вид Андрея.

— Задержался по работе, непредвиденные обстоятельства.

— Что-то серьезное?

— Пустяки, — Щербаков махнул рукой. — выкладывайте, что там у вас.

— Нам надо тщательно проанализировать весь вечер на даче, точнее каждый шаг тех, кто там присутствовал. Я имею в виду мужчин, поскольку женщины проверены и об их существовании можно забыть.

— Опять вы со своими глупыми подозрениями! — Щербаков

сморщился и пренебрежительно махнул рукой.

— Извините, но я основываю действия на видениях, которым, как говорит опыт, можно доверять.

— Как говорит мой опыт, — с язвительной настойчивостью произнес Щербаков, — я своим друзьям тоже могу доверять.

— Хорошо, — Яна ухмыльнулась, ответьте на вопрос: был среди вас высокий, коротко стриженный мужчина крепкого телосложения?

Андрей сделал удивленное лицо, но, тем не менее, не меняя тона, ответил:

— Ну был.

— Это Тайсон?

— Да.

— А не было ли в компании рыженького такого, щупленького, в милицейской форме?

— Был. И что из этого? Я мог машинально в разговоре с вами описать внешность друзей.

— Ладно. А кроссовки «Рибок» и джинсы «LEVIS» вам тоже ни о чем не говорят? По моему, о таких мелочах я вас не спрашивала, да и вы сами были в таком шоке, что марки изделий вряд ли стали описывать? — Яна немного помолчала, молчал и Щербаков. — Ну? Кожаный ремень? Бежевая рубашка? Пятно на джинсах?

Щербаков часто хлопал глазами, не желая верить словам гадалки и в то же время не находя аргументов для того, чтобы ей возразить. Последней каплей было, конечно, пятно на джинсах, о котором речь ранее не заходила.

— Что вы молчите? — не унималась Милославская. — Может вам описать, какие алкогольные напитки стояли на столе, а какие в ящике? И сколько их было? Или кто где сидел за столом? Вы этого ждете?

— Довольно, — резко прервал Яну Андрей, — я вам верю, но разве это что-то меняет?

— Мы должны во всем разобраться, а там будет видно, меняет это что-то или нет. Больше всего меня интересует человек, которого я описала последним. Кто это?

— Это мой приятель, Сергей Листопадов.

— Как он вел себя во время вечеринки? — прищурившись, спросила Яна.

— У вас что, насчет него какие-то подозрения?! — зло воскликнул Андрей.

— Возможно.

Щербаков пустился в пафосное описание достоинств своего друга. В

противовес его недостаткам он ставил прекрасные человеческие качества, которыми, по его словам, обладал Листопадов. Но то, о чем поведал Андрей дальше, обрадовало Яну и стало настоящим открытием для нее. Щербаков невольно перешел к сентиментальным воспоминаниям о детстве. Он с дрожью в голосе говорил о днях, когда они с Сергеем были совсем еще мальчишками и после дождя просто обожали мерять лужи. Когда же разгневанные мамы пытались допытаться, кто придумал такую дурацкую затею, мальчишки не признавались. А автором таких идей обычно выступал Андрей. На Листопадова же и отцовская порка не действовала. Именно с тех пор Щербаков безмерно доверял ему.

Андрей задумался и мечтательно начал описывать улицу, низенькие ветхие домишки... Милославской почему-то все это казалось мучительно знакомым и только в конце рассказа ее осенило: это знакомо ей из видения. Те мальчуганы, чьи образы явились ей во время гадания, — Листопадов и Щербаков.

Тут ее подозрения относительно Сергея еще больше увеличились. Уже два раза карты заставляли свою хозяйку задуматься об этом человеке, и это не могло быть случайностью. Однако, вопросов все-таки оставалось больше, чем ответов. Неясно, например, было, зачем вообще милиционеру, имеющему свой номерной пистолет, мог понадобиться еще один.

— У вас в последнее время не было конфликтов с другом? — спросила она, предполагая мотив мести. — Пусть даже незначительных.

— Нет, что вы! Наоборот, мы опять стали видеться чаще.

Официант подошел к столику и потребовал либо делать заказ, либо освободить место для других клиентов. Кафе, на самом деле, было уже переполненным, а Милославская с Щербаковым сидели просто так, потягивая дым сигарет. Яна заказала бутылку минералки, а Андрей гриль, и они продолжили разговор.

— Понимаете, Андрей, жизнь меняет людей, она сурова, а люди слабы и грешны, — гадалка вздохнула.

— На что вы намекаете?

— На то, что, многих людей, живущих вполне нормальной жизнью, порой трудно узнать по прошествии нескольких лет...

— Короче, — хрипло и зло процедил Щербаков, — я с вашими подозрениями категорически не согласен! Говорить об этом человеке больше не желаю, потому что это бессмысленная и глупая трата драгоценного времени. Если у вас есть какие-нибудь еще предположения, давайте их обсудим, если нет — разговор окончен.

Андрей говорил твердо и решительно, и Яна подумала о том, что

именно такой решительности ему и недостает в семейной жизни. Вера все на своих плечах несет.

— Хорошо, — согласилась она с Щербаковым, — остановимся на этом, но мне искренне жаль, что вы не хотите помогать себе самому!

Милославская подошла к стойке бара, расплатилась и вышла из кафе. Андрей остался, потому что в ходе бурной беседы он даже не приступил к трапезе, хотя гриль давно уже подали.

* * *

Яна не собиралась останавливаться на достигнутом. В ее планы на ближайшее будущее входило личное знакомство с Листопадовым. Конечно, у Милославской не было доказательств, которые бы она могла бросить ему в лицо, однако, таинственная сила карт вполне могла помочь проверить Сергея «на вшивость». Все дело в том, что такая карта, как «Чтение» позволяла в какой-то мере читать мысли, а «Внушение» — внушать.

Гадалка решила отправиться к Щербаковой, чтобы взять у нее адрес Листопадова и заодно побольше разузнать об этом человеке, сообщая попытаться установить причины, которые могли толкнуть его на кражу пистолета. Яна предполагала, что Вера не будет так агрессивно настроена, как ее муж, потому что у нее были все причины испытывать некоторую антипатию к приятелям Андрея, которые в последнее время стали больше собутыльниками, чем друзьями.

Быстрым шагом пройдясь по проспекту, Милославская очутилась на улице Чапаева. Здесь движение было особенно оживленным, причем как автомобильное, так и пешеходное. Видимо, по этой причине противоположная обочина дороги просто изобиловала машинами-такси самых разных моделей, государственными и частными. Водители таковых скучали, подбоченившись, поскольку пассажиров, имеющих возможность путешествовать на таком виде транспорта, среди всей многочисленной толпы было не так уж и много.

Яна выбрала машину поприличней, потому что владельцы тархтящих и дымящихся авто требовали за свои услуги неменьшую плату, чем хозяева новеньких «Волг». Гадалка назвала водителю адрес и уселась на заднее сиденье, собираясь в пути обдумать все детали предстоящего разговора.

Машина несла ее по бурной и широкой улице Чернышевского. Вдали, за домами, мелькала Волга, маня уставших от жары жителей окунуться в прохладную, освежающую воду. Милославская тоже чувствовала себя

усталой и изможденной, потому что дни напряженного расследования отнимали много сил. Экстрасенс мечтала довести дело Щербакова до конца и махнуть на какую-нибудь турбазу, чтобы как следует расслабиться и отдохнуть.

— Куда здесь? — спросил басовитым голосом водитель, когда машина приблизилась к названной Яной улице.

Милославская теперь уже знала, как добраться до дома Щербаковых, поэтому смогла указать ему дальнейшую дорогу. Еще издалека Яна увидела большую кучу песка, вываленную у дома Веры. Ребяшня, обрадованная таким важным в их жизни событием, вела веселую игру, которую, как хозяин, возглавлял Кирюха.

— Мама дома? — спросила Яна из окошка, когда такси притормозило возле калитки.

— Дома.

Гадалка попросила водителя подождать ее, пообещав заплатить за простой. Тот немного помялся, но потом все-таки уступил и согласился.

Во дворе суетились строители, которые периодически покрикивали на детей, чтобы те не раскидывали песок, привезенный для работ по возведению нового жилища. Вера стояла вдалеке двора и отдавала какие-то указания мужчинам. Она размахивала руками, очевидно, возмущаясь чем-то. Слов за звуками гудящей цементомешалки слышно не было, и Яна решила не кричать, а дожидаться, когда Щербакова пойдет в дом.

Однако Кирюха, которому гостья, наверное, нравилась, уже подбежал к матери и теребя ее за подол платья, указывал в сторону, где находилась Милославская. Щербакова, заметив Яну, помахала рукой, давая понять, что сейчас подойдет.

— Мамка сказала, чтобы вы проходили, — рукавом вытирая нос, протянул Кирилл.

Гадалка все же решила дожидаться хозяйку и продолжала стоять, любуясь ее великолепными цветочками, щедро усеянными по клумбе.

— Ну что же вы стоите? — вопросительно произнесла Щербакова, когда приблизилась к гостье.

— Вас жду.

Женщины прошли в дом и сели друг против друга.

— Я пришла, чтобы поговорить с вами о Сергее Листопадове, — начала Милославская.

— Почему он вас интересуется? — по-детски выпятив губы, спросила Вера.

— У меня есть некоторые подозрения на его счет.

— Подозрения? — Щербакова ахнула и открыла рот. — Вы имеете в виду пропажу пистолета?

— Называйте вещи своими именами, — строго заметила Милославская, — не пропажу, а кражу!

— В-вы что? Его в этом обвиняете?

— Я не прокурор, чтобы обвинять, а вот подозревать имею полное право.

— Хм, — дружески ухмыльнулась Вера, — да вы ошибаетесь! Наоборот, это тот человек, на кого мы могли бы в этом деле положиться, к чьей помощи прибегнуть.

— Мне было видение, — настаивала гадалка, — и из всех присутствующих тогда на даче именно его образ являлся два раза.

— Да-а-а-а... — Щербакова задумалась.

В отличие от мужа она не требовала доказательств сказанного, наверное потому, что все женщины в этом отношении более доверчивы. Видя замешательство хозяйки дома, экстрасенс произнесла:

— Пока мне просто нужно с ним встретиться и поговорить!

— Но ведь это так оскорбительно — быть подозреваемым, особенно для милиционера! — возмутилась Вера.

— Да кто ж ему скажет, что он подозреваемый! — успокаивала женщину Яна.

— Все равно, все эти беседы унижительны. Он — лучший друг Андрея. Друг детства. Всегда выручал, а мы к нему гадалку с расспросами отправим...

— Так. Что для вас важнее — какие-то условности в соблюдении дружеского этикета или спасении вашего мужа? — закурив, произнесла Милославская. — Понимаете, это важный шаг. Возможно, спасительный.

— Да? — уже более расположено к сотрудничеству спросила Щербакова.

— Безусловно!

Вера неуверенно пошла в другую комнату и вернулась оттуда с блокнотом в руках. Отыскав нужную страничку, она молча протянула его Милославской. Яна быстро перенесла необходимую запись в свою записную книжку и пообещала Щербаковой обязательно заехать к ней после визита к Листопадову и обо всем рассказать.

Таксист, ожидавший настойчивого пассажира, уже весь изнервничался и взволнованно бродил по двору, пытаясь выяснить, куда скрылась черноволосая молодая женщина, которая прокатилась от Крытого рынка до этой дыры и ни гроша не заплатила. Строители сочувственно вздыхали,

понимая, что такое в их городе, к сожалению, не редкость. Они или не видели Милославскую или забыли о ней — мало ли своей работы.

— Явилась! — язвительно — возмутительно процедил он, готовый броситься на свою жертву.

— Я же предупредила, что буду беседовать, а за простой заплачу, — с невозмутимым спокойствием протянула Яна.

Водитель кинулся к машине и, тыкая в счетчик пальцем, начал громко выкрикивать мелькающую там сумму.

— Заплачу-у! — с трудом перекричав его воскликнула Милославская.

Благодаря внезапно возникшей агрессии таксиста, времени до дома Листопадова было потрачено гораздо меньше, чем предполагалось. Высадив пассажира, мужчина резко нажал на газ, так, что колеса закрипели. Посмеявшись вслед нервному автомобилисту, Яна еще раз заглянула в блокнот и посмотрела номер квартиры, записанный Верой.

Листопадов жил в старенькой «хрущевской» пятиэтажке, потрескавшейся, посеревшей от времени. На входе в подъезд на гадалку пахло подвальной сыростью, пропитавшей все стены дома. «Сменяли шило на мыло,» — подумала Милославская вспомнив, какой живописной является окраина, где жили Щербаковы, а когда-то и Листопадов тоже.

Впрочем, результат обмена был вполне объясним: квартиры и дома тем дороже, чем они ближе к центру, а Сергей перебрался в район, считающийся более благополучным. Вот только причины, заставившие мужчину покинуть край, где он обитал с самого рождения, оставались непонятными.

Яна поднялась на третий этаж по бетонной крутой лестнице, придерживаясь за шаткие перила, и позвонила в обшарпанную, давно не крашенную дверь. Послышался скрип деревянных половиц и чьи-то медленные шаги. Через минуту кто-то посмотрел в глазок, и вслед за этим дверь приоткрылась. Пожилая женщина, выглядывая через цепочку вопросительно и недовольно глянула на Милославскую.

— Здравствуйте, Сергей дома?

— Нет его! — последовал грубый ответ.

— А где он?

— Тебе какое дело?! Много вас тут шастает любопытных!

Гадалка не собиралась уходить ни с чем, и решила по крайней мере выяснить, когда можно застать Сергея или как с ним связаться. Она и на самом деле не подумала, что в рабочее время глупо искать его дома.

— Не могли бы мы с вами поговорить?

— О чем? — недоуменно произнесла старушка.

— О вашем сыне. Я веду частное расследование.

После этих слов женщина еще больше насторожилась, в ее глазах появилось выражение страха и опаски.

— Кто вы такая? — щель дверного проема сузилась еще больше, и теперь Яна могла видеть только сморщенный нос и сухие бесцветные губы.

— Я веду частное расследование по делу Андрея Щербакова.

По-видимому, это имя внушило старушке доверие к гостье, и она, сняв цепочку, жестом пригласила Милославскую в дом.

— Вы мать Сергея Листопадова? Я не ошиблась? — спросила Яна, присев на край старенького кресла с пестрой гобеленовой обивкой.

— Не ошиблись, — сухо и немного иронично произнесла женщина.

— Яна Борисовна Милославская, — экстрасенс протянула Листопадовой руку, потому что люди старой закалки, которая весьма остро чувствовалась в этой женщине, знакомилась именно так.

Однако ответного жеста не последовало.

— Надя, кто там, — послышался из спальни хриплый, приглушенный, какой-то страдальческий голос.

— Это ко мне. Ничего серьезного, — отозвалась женщина.

— Ваш муж? — поинтересовалась Яна.

— Да.

— Он к нам не выйдет? Я бы и с ним хотела побеседовать.

— У него последняя стадия рака, он не встает с постели, — зло ответила Листопадова.

— Извините, — искренне попросила прощения гадалка, — я не знала. Наверное, боли невыносимые?

Старушка оценила сочувственный тон и более мягко ответила:

— Онколог недавно назначила наркотики, но они действуют лишь какое-то время, а потом все начинается сначала.

— Понимаю, — вздохнула Милославская, — Так как вас зовут?

Встав с дивана и подойдя к окну, старушка сказала:

— Надежда Федоровна.

— Очень приятно, Надежда Федоровна. Вы слышали о неприятности, постигшей друга вашего сына?

— Нет. А что с ним? — в голосе зазвучала добрая, взволнованная нотка.

— У него украли оружие. Там присутствовал ваш сын. Как вы думаете, почему он вам об этом не рассказал?

— Мы мало общаемся последнее время, — с горечью произнесла Листопадова.

— Почему?

Ответом был только молчаливый вздох.

— Ваш сын одинок? У него нет семьи? — спросила Яна, оглядев комнату и предположив, что вряд ли здесь жил кто-то, кроме стариков и самого Листопадова.

— Он разведен.

— Почему вы переехали? — Милославская тоже подошла к окну и встала напротив Надежды Федоровны.

Та отрешенно смотрела в окно и продолжала молчать. Вдруг она вся встрепенулась и, отодвинув занавеску, закричала:

— А ну, стервецы, слезайте щас же!

Яна тоже наклонилась к стеклу и увидела, как какие-то мальчуганы, ловко прыгали с крыши одного сарая на другую. Сарай были старые, ветхие, оббитые кусками ржавой жести, а то и вовсе деревянные, гнилые.

— Ишь, чего делают! — подбородок Надежды Федоровны нервно затрясся. — Сарай старые, крыша проваливается, а они, мерины этакие!

— А где ваш сарай? — из простого любопытства спросила Яна.

— Во-он тот, самый крайний, — старушка вытянула вперед указательный палец!

Милославская с интересом стала разглядывать небольшую постройку, больше напоминающую собачью будку для какого-нибудь высокорослого пса, чем сарай. Что-то, затаившееся в глубине души, заставляло ее делать это.

— Сергей делал! — горделиво произнесла Надежда Федоровна. — Он до сих пор там что-то благоустраивает, частенько вечером забегает, посмотрит и довольный такой возвращается, — старушка мечтательно прищурилась, как будто говорила, о десятилетнем ребенке, подающем надежды в учебе.

— Вы не заметили в его поведении в последнее время что-нибудь необычное?

— Нет, — женщина вновь стала резкой.

Милославская поняла, что вряд ли добьется от нее вразумительных, искренних ответов на вопросы, поскольку та намеревалась стойко защищать свое гнездо от врага, которого по непонятной причине видела в госте. Наверное, материнское чутье говорило ей о далеко не симпатичных чувствах, подсознательно испытываемых Яной к Листопадову, несмотря на на радужные отзывы о нем Щербаковых.

— Ладно, — гадалка тяжело вздохнула, — скажите хотя бы, как мне связаться с Сергеем. Ваш адрес мне дала Вера. Она между прочим, очень

надеется, что вы настроены по отношению к ней благожелательно и помочь не откажетесь... Андрей не в самом лучшем положении...

По-видимому, на Надежду Федоровну эти слова подействовали, потому что она молча записала на листочке что-то и протянула его Милославской:

— Это его рабочий телефон, — произнесла она немного виновато.

— Спасибо на этом, — Яна внимательно всматривалась в листочек, — до свидания, может быть еще увидимся.

Милославская вышла из квартиры, раздумывая о том, что Листопадова как-то неадекватно реагирует на все вопросы, касающиеся ее сына: чего-то боится, опасается, начинает смотреть озлобленно, хотя на это нет никаких причин... Или она знала об исчезновении пистолета важную информацию, или здесь крылось что-то другое, еще неизвестное Яне.

Гадалка вышла на улицу, села на старую, посеревшую от времени, деревянную лавочку и закурила. Группа мальчишек, заговорщически переговариваясь о чем-то, пробежала мимо, по направлениям к сараям. Яна невольно стала наблюдать за их дальнейшими действиями. Вскоре один мальчуган, очевидно, самый смелый, показался на крыше металлической будки, стоящей вначале ряда сараюшек. Но продержался он там недолго, так как кто-то свистнул, извещая об опасности, и вся дружная компания понеслась прочь.

Милославская вспомнила о рассказе Листопадовой про их сарай и решила полюбопытствовать, чем же таким интересным, поднимающим по вечерам настроение, занимается там Сергей. Она двинулась вперед по узкому, усыпанному щебнем проулку. Между постройками и прямо перед ними по земле стелилась трава-мурава, пронзающая своими вездесущими стебельками даже кусочки известняка.

На низкой, всего полутора метров высоты, жестяной двери висел увесистый внушительный замок. Как ни странно, ни опилок, ни щепок, ни чего-то другого, свидетельствующего о идущем благоустройстве сарая, поблизости не наблюдалось. Милославская наклонилась к замку и слегка потянула за него. Как ни странно, он поддался: толстая дужка послушно вышла из отверстия и опрокинулась. Яну это немало удивило. Она стояла рядом, размышляя о возможных причинах произошедшего. Либо замок повесили просто для отпугивания потенциальных грабителей, либо его забыли закрыть, либо здесь до гадалки побывал еще кто-то.

Оглянувшись по сторонам, Милославская вытащила замок и приоткрыла дверь. Внутри царил темнота. Чтобы не быть замеченной, она проскользнула внутрь и осветила помещение зажигалкой. Первое, что

бросилось в глаза, — крышка погребка. Яна с трудом приподняла ее и глянула вниз, чиркнув еще раз зажигалкой. Ничего непредвиденного не обнаружилось: две полки, расположенные вдоль стен, были сплошь уставлены банками с разной консервацией и вареньями. Гадалка вновь опустила крышку и стала светить вокруг нее, медленно продвигаясь вперед по мере осмотра территории.

Справа находился верстак, на котором Листопадов, по-видимому, на самом деле, плотничал, столярничал и так далее. За верстаком, в углу приютилась низенькая деревянная табуреточка. Яна подошла к ней поближе и увидела, как что-то блеснуло на полу. Присев на корточки, она разглядела в загадочном предмете пустую маленькую, прозрачную ампулу. Милославская осторожно взяла ее в руку и, поднеся поближе огонь, прочла: «Sol. Promedole 1 % — 1,0». Промедол?

Название казалось Милославской ужасно знакомым. Она присела на найденную скамеечку и стала вспоминать, где она могла сталкиваться с ним. Перебирая в памяти все свои визиты к врачу, а также заболевания родных и близких, даже рассказы о наркоманах, Яна не пришла ни к какому выводу.

Потом ее вдруг осенило: такую инъекцию ей делали в роддоме! В сознании всплыла картина появления на свет ее сына, единственного и любимого, которого теперь уже нет. Женщина вспомнила ужасную, нечеловеческую боль, опоясывающую тело. Вспомнила, как стиснув зубы, пыталась сдержать крик, как от нестерпимых страданий невольно разорвала плотное льняное покрывало. Даже когда санитарка пришла и спросила, кто из рожениц Милославская, у Яны не было сил ответить, она только слегка приподняла руку и сделала жест, который трудно описать и объяснить, что он обозначает. Оказалось, что пришел ее муж и получив ошеломляющую новость о начале появления на свет первенца, послал санитарку осведомиться о самочувствии любимой Яны.

Вслед за жестом, раздался крик, громкий и пронзительный. Врач, осмотревший женщину, сказал, что пришло время родиться малышу. Он достал из упаковки ампулу и стал набирать ее содержимое в шприц. Милославская, перепуганная этим, взволнованно начала спрашивать, что за лекарство собираются ей ввести. «Не переживайте, — успокаивал доктор, — вам станет легче, это промедол, он обезболивает.»

Истерзанная мучениями, Яна и не почувствовала, как игла пронзила вену. Только в голове все сразу же закружилось, поплыло. Акушерки, помогая ей подняться с кушетки смеялись: «Да она же пьяная!» С тех пор и врезалось в память слово «промедол», наверное потому, что знакомство с ним произошло в самый важный момент жизни для Милославской.

Воспоминания прокрутились в голове, как киноплёнка, помогли совершить путешествие во времени, печальное путешествие. Невольно выбежавшая слеза капнула со щеки, заставив Яну вернуться к реальности.

Удивлению экстрасенса не было предела. Она не могла понять, что ампула из-под промедола делала здесь, и с какой целью им вообще пользовались, не роды же здесь принимали! Яна стала светить зажигалкой поблизости и вскоре наткнулась на использованный одноразовый шприц, на дне которого чернела запекающаяся кровь.

Глаза гадалки уже привыкли к темноте, поэтому она могла видеть и без подсветки. Милославская начала рыскать по всему сараю, заглядывая в каждый угол. В одном из них, за небольшим ящиком она заметила что-то белое. Посветив зажигалкой, Яна обнаружила несколько таких же использованных шприцов, как тот, который был найден первым. «Здесь явно этим занимались постоянно, — мелькнуло в голове экстрасенса, — и не прохожий с улицы, а кто-то свой, раз шприцы так тщательно прятались.» Милославскую интересовало, почему шприцов здесь находилось много, а ампула — только одна. Она предположила, что промедолом воспользовались один раз, в то время как для остальных инъекций применяли другое вещество.

Ситуацию в целом вполне могла прояснить Щербакова, которая достаточно хорошо знала Листопадова. Но сначала нужно было где-то раздобыть исчерпывающую информацию о промедоле, его применении и действии. Милославская вспомнила, что одна из ее одноклассниц после школы пошла в медицинское училище, а потом и вовсе закончила институт. По мнению гадалки, в этом вопросе она должна была разбираться, независимо от того, работала по специальности или нет. Связаться с ней можно было элементарно — через родителей, адрес которых Яна прекрасно помнила. Но сначала нужно было выбраться отсюда, а после визита к однокласснице, посетить Веру, чтобы та окончательно прояснила ситуацию.

Милославская обещала рассказать ей о визите к Сергею, поэтому ехать в тот район пришлось бы так и так. Приоткрыв немного дверь, Яна посмотрела, нет ли кого поблизости. Объяснить свое пребывание в чужом сарае у нее не было абсолютно никакого желания. Убедившись, что вокруг пусто, гадалка осторожно выбралась на улицу и, как ни в чем не бывало, пошла в направлении дороги. Замок так и остался висеть на железной петле. Впрочем, дверь Милославская прикрыла довольно плотно, поэтому возникало ощущение, что она заперта.

Экстрасенс чувствовала — день ее ждет насыщенный и напряженный.

Назначать встречу с Листопадковым она сразу не стала, поскольку сначала хотела лучше расспросить у Щербаковой об этом человеке. Проходя мимо расположенной прямо у дороги шашлычной, Яна ощутила запах, вызывающий усиленное слюноотделение. На самом деле, отказать себе в удовольствии посетить это заведение было довольно трудно, тем более, что экстрасенс уже довольно остро ощущала чувство голода.

Шашлычник махал твердой небольшой картонкой над мангалом, стараясь добиться необходимых условий для удачного исхода его незамысловатого, но в то же время требующего определенного мастерства дела. Милославская сделала заказ и примостилась за одним из красных пластиковых столиков в ожидании своей порции. Она попыталась расслабиться и закурила, но мысли о пропаже оружия, роем кружащиеся в голове, не хотели ни на минуту покидать сознание женщины.

Официант подошел к столику и участливо спросил, не желает ли дама еще чего-нибудь. Поразмыслив, что же наилучшим образом гармонирует с шашлыком, Милославская заказала красного столового вина.

Наконец, долгожданное блюдо было ей подано. Пузырьки жира еще шипели на огненно-горячих кусочках шашлыка, красиво уложенных на тарелке, политых ароматным кетчупом и украшенных перышком петрушки. Яна с удовольствием разделалась со своей порцией и почувствовала прилив сил и энергии. Теперь выполнение предстоящих дел казалось гадалке легко осуществимым.

На ее голосующий жест сразу же отреагировала проезжающая мимо шестерка, водителю которой, к счастью оказалось по пути с Милославской, и он даже деньги за проезд, ввиду этого обстоятельства, брать отказался.

* * *

Яна тихо брела по давно знакомому ей двору и любовалась высокими тополями и раскидистыми плакучими ивами. Когда она в последний раз сюда приходила, они были еще молоденькими саженцами, а теперь тенью пышных ветвей защищали дома от палящего солнца. Грустные мысли о быстротечности жизни, о ее смысле сами собой возникли в голове и заставили Милославскую тяжело вздохнуть.

Она вошла в подъезд и постучала в дверь под номером двадцать пять, где когда-то и проживала ее одноклассница, Марина Федотова. После повторного стука из глубины квартиры послышалось протяжное: «Иду-у-у». Яна узнала голос Марининой матери, которую она, когда та открыла

дверь, с трудом узнала. Женщина постарела, осунулась, глаза потеряли прежний блеск и задор.

— Здравствуйте, Галина Николаевна, — громко произнесла Милославская, — вы меня не узнаете?

— Что-то знакомое, — улыбаясь и лукаво прищуриваясь, — произнесла женщина, — Яна, ты?

— Я, Галина Николаевна, — Яна шагнула навстречу женщине и дружески обняла ее.

— Пойдем, пойдем, у меня пирожки, еще совсем горячие, — залепетала женщина, проходя на кухню, откуда пахло печеным.

— Помню, помню, — весело протянула Милославская, — как вы весь класс в походе ими накормили. Вкуснятина!

— Угощайся, — Галина Николаевна протянула Яне огромное блюдо, на котором горой были навалены румяные пирожки.

— Я сыта, спасибо, но один все-таки съем, чтобы вспомнить их неповторимый вкус. Марина не с вами живет? — спросила Яна откусывая кусочек горячего пирожка.

— Не-е-т, она давно замуж вышла, — женщина махнула рукой.

— Как же мне ее найти?

— Да она неподалеку работает! — воскликнула Галина Николаевна. — Аптеку нашу помнишь?

— Угу, — промямлила Яна, потому что рот у нее был занят.

— Вот там она и находится, и сейчас как раз на работе!

— Училась на врача, а работает в аптеке? — удивилась Милославская.

— Да нет. Сейчас же аптеки какие все? Фирменные! Вот и Маринка в такую пристроилась. Консультантом. Работа — не бей лежачего, а получает хорошо.

Яна обрадовалась, потому что теперь можно было быть уверенной, что ответ на вопрос о промедоле она точно получит.

— Спасибо, Галина Николаевна, я тогда побегу. Мне с Мариной поговорить нужно.

— Да посиди еще, чайку попей...

— Нет, как-нибудь в другой раз. Времени нет, уж извините, — Яна сняла с крючка вешалки свою сумку и вышла из квартиры.

Пятиэтажные дома в этом районе были расположены так, что между ними образовывалось прямоугольное пространство, что-то вроде двориков. Аптека, где по словам Галины Николаевны работала ее дочь, находилась в соседнем дворе. Яна быстро пересекла детскую площадку, и завернув за угол соседней девятиэтажки, оказалась там, где ей и было нужно. Здание

аптеки она узнала с трудом. Раньше это было ветхое, беленое строение, возведенное, наверно, еще в довоенные годы. Теперь же его отделали по высшему классу самыми высококачественными материалами.

Она поднялась по ступенькам, выложенными мраморной плиткой и с трудом открыла тяжелую дверь. Оглядевшись, Милославская увидела за красивым черным письменным столом Марину, которая читала какую-то газету. «На самом деле, не бей лежачего,» — подумала Яна и подошла поближе. Федотова нисколько не изменилась. Была такой же, как и десять лет назад, чему могла позавидовать любая женщина.

— Здравствуй, Марина, — тихо произнесла она, чтобы не привлекать внимание покупателей, разглядывающих содержимое витрин.

Федотова подняла глаза и несколько секунд напряженно приглядывалась к Яне.

— Янка, ты что ли? — Марина всплеснула руками. — Вот это да! Вот уж кого не ожидала здесь увидеть, так это тебя! Ты, говорят, теперь обитаешь в Агафоновке?

— Да.

— Что тебя сюда привело? — продолжала восторженно расспрашивать одноклассницу Федотова.

— Разговор к тебе есть. Извини за беспокойство, но больше консультацию мне получить не у кого, а она сейчас просто необходима.

— Я само внимание, — Марина развела руками.

Милославская начала подробно расспрашивать обо всем, что ее интересовало о промедоле. Как оказалось, он являлся веществом наркотическим, которое в медицинской практике применяется как обезболивающее средство, применяющееся при родах, в послеоперационных периодах, а также для временного снятия боли у раковых больных. Яну осенило: отец Листопадова, по словам Надежды Федоровны, страдал как раз этим заболеванием, и ему делали наркотические инъекции. Но поскольку он не мог передвигаться, ампула в сарае оказалась явно без его помощи. А так как промедол — наркотик им могли воспользоваться в целях достижения состояния эйфории.

Милославской постепенно становилось понятно, почему Листопадов возвращался из сарая в приподнятом настроении. Однако, в голове не увязывалось, как мог милиционер быть наркоманом. Впрочем, все это являлось всего лишь предположениями, не имеющими доказательств, хотя внутреннее чутье Яны и подсказывало ей, что она на верном пути.

— Мог ли этим веществом пользоваться наркоман? — спросила она у Марины.

— Вообще, нарики его используют редко, — задумчиво протянула Федотова, — если говорить о лекарственных средствах такого типа, то морфин и то сильнее. Правда, его сейчас сняли с производства. К тому же, промедол очень дорогой. Да и купить его практически невозможно. У нас в аптеке, например, он выдается только по специальным рецептам.

— А в больницах? — поинтересовалась Яна.

— Ой, это очень рискованное занятие. Сейчас с этим очень строго. Пустые ампулы списываются, сдаются. В специальном журнале ведется учет. Причем делает медсестра такую инъекцию только в присутствии врача.

— А если они в сговоре и получают от продажи промедола неплохую прибыль? — не унималась Милославская.

— Раньше было не так строго, как сейчас, и, тем не менее, итог таких деяний всегда оказывался печальным. Например, была у меня врач знакомый, Кузнецова. Она поступала очень хитро. Больному, вместо предписанного наркотика вводила димедрол, баралгин, аналгин или что-то подобное. Из ампулы с промедолом же набирала в шприц вещество, пустую ампулу сдавала, а наркотик продавала прямо в шприце.

— Вот это да! Хитро! — удивилась Яна.

— А что толку-то от этой хитрости? Жила, конечно, эта женщина очень богато. Жила... До тех пор, пока ее не застукали за продажей наполненного промедолом шприца одному молодому человеку. Восемь лет дали. Сидит в колонии общего режима. Авторитетный когда-то врач шьет рукавицы для строителей. И будет это делать еще очень долго.

— Да...

— Бывает и по-другому, — продолжала Марина, — одна медсестра сама была наркоманкой, но никто из коллег-медиков этого не знал. Она тоже вводила пациентам димедрол вместо наркотика. Название этого вещества тоже заканчивается на — ол, как и слово «промедол». Хитрая девица стирала на ампуле начало написанного слова «димедрол», оставляя только — ол. Краска, кстати, стирается очень легко. Наркотик колола себе или забирала с домой, чтобы там ширнуться, когда приспичит, а ампулу, якобы из-под промедола, сдавала, говоря, что начало слова стерлось случайно. Сначала все верили, а потом заметили, что медсестра периодически и ведет себя очень неадекватно. Ее приговор, правда, был более мягким. Главный врач, не раздувая скандала, просто уволил эту наркоманку. Вот так...

— Интересно... — задумчиво протянула Милославская.

— Но, уверяю тебя, сейчас этим вряд ли кто-то станет заниматься. В

отношении димедрола тоже, кстати, сейчас ведется строгий учет. И — самое важное — наркотики другого типа, ту же ханку, например, достать гораздо легче и дешевле.

Яна почти сразу поняла, что, если это Сергей оставил ампулу, то он просто украл ее у больного отца, лишив его практически жизненно необходимого средства, но, тем не мене, она решила выяснить у подружки все необходимые подробности. Теперь оставалось только заехать к Щербаковой, и тайну личности Листопадава можно было считать раскрытой.

— Ну, спасибо-о-о! — с благодарственной интонацией протянула гадалка. — Не знаю, что бы я делала, если бы не ты!

— Так ты что, уже уходишь? — удивилась Марина.

— Да. Извини, очень спешу.

— Да посиди немного, поговорим хоть. Столько лет не виделись!

— Слушай, давай лучше встретимся через несколько дней, посидим где-нибудь, — предложила Яна, — я на самом деле очень занята.

— Давай, коли так, — разочарованно произнесла Федотова, — созвонимся тогда, да?

— Угу, — на ходу бросила Милославская и покинула аптеку.

* * *

Вера стояла около двора, деловито поставив руки в бока. Когда она увидела Яну ее лицо стало выражать волнение, заботу, тревогу и еще целую гамму подобных чувств.

— Ну что? — спросила она еще издали.

— Нам лучше где-нибудь присесть, — предложила гадалка, — я думаю разговор коротким не получится.

— Что-то серьезное произошло? — в испуге Вера закрыла рот руками.

— Нет, успокойтесь. Пойдемте вон на то бревнышко, — Милославская указала движением руки на бревно под раскидистым деревом, которое ей было уже знакомо.

Щербакова послушно последовала за своей гостьей.

— Листопадов, что, наркоман? — с ходу огорошила Милославская и без того обеспокоенную женщину.

— Да нет. Увлекался раньше, но теперь, как говорит Андрей, это позади.

— Так значит все-таки было такое? — обрадовалась Милославская

тому, что ее догадки оказались верными.

— А в чем дело? — Щербакова пристально посмотрела в глаза Яне.

— Чтобы я могла все понять, вы должны мне рассказать об этом этапе жизни Листопадова. Тогда уже можно будет сделать какие-то выводы и поделиться с вами соображениями.

Вера сделала выражение лица, по которому можно было судить, что она не очень-то верит в смысл обращения к прошлому. В отличии от Милославской, она представления не имела, что в настоящем Листопадов живет той же самой жизнью, только скрывает это.

Вера стала объяснять Яне, что Сергей пристрастился к наркотикам незаметно: сначала баловался травкой, а потом потянуло на средства, опьяняющий результат от которых был более действенным. Думал, раз попробует и бросит. Но, как и у тысяч других парней, не получилось. Из-за этого и жена ушла, хотя долго терпела. Родители принялись лечить, кодировать и все такое прочее, но результатов ощутимых не было, тем более, что назойливые приятели, окружившие Сергея в последнее время, ему просто прохода не давали. Тогда родители пошли на экстренные меры: обменяли дом на квартиру в другом районе, чтобы оторвать сына, хотя уже и совершенно взрослого, от дурной компании. Это, да и сила воли тоже, казалось, подействовало, и Листопадов вновь обрел прежний облик.

— Как же он на работе-то держится? — недоумевала Милославская.

— Так он же не забулдыга законченный, на улице встретишь — никогда не догадаешься, что любит выпить и колоться начал. Тем более работу не прогуливает, да и о своем пороке направо-налево не распространяется. Это мы по-свойски о всех его грехах знаем, а там-то может и не догадывается никто...

— Недавно он к наркоте пристрастился? — закурив, спросила Яна.

— Не очень, но кличку успел заработать — Шприц. Да вы не подумайте, — взволнованно произнесла Щербакова, посмотрев на гадалку, — он хороший человек, родителей своих очень уважает, помогает во всем...

«Уважение только в том и проявляется, что в сарае со укольчиками прячется», — подумала Яна, но говорить об этом Вере не стала. Подозрения Милославской в отношении Листопадова приобретали под собой все более твердую почву, поскольку отношение к человеку, связанному с противозаконными действиями или чем-то аморальным, всегда приобретает негативную окраску.

— Можно от вас позвонить? — обратилась гадалка к Щербаковой после недолгих раздумий.

— Конечно.

Тут Яне пришла мысль, что Щербакова может стать ее помощницей в деле сближения со Шприцем. Шансов на его согласие встретиться в этом случае было гораздо больше, потому что он много лет знал Веру и был более расположен к беседе с ней.

— Вера, у меня идея! — воскликнула Милославская.

— Да? — обрадованно произнесла та.

— Вы должны мне помочь.

— В чем? — не понимала Щербакова.

— Позвоните Сергею и договоритесь о моей встрече с ним. Я застала дома только его мать. Надежда Федоровна дала мне номер рабочего телефона сына. А разговор с Листопадовым после рассказанного вами стал еще более необходим.

Честно говоря, этот вариант был выигрышным еще и потому, что услышав по-прежнему дружелюбный тон супруги друга, Шприц, если он замешан в краже оружия, стал бы вести себя спокойно по отношению к Яне, а не агрессивно.

— Я не могу на это решиться. Это предательство. Он мне на днях звонил, интересовался, как идут дела, искренне и очень доброжелательно. Спрашивал о здоровье, о Кирюхе. Обещал заглянуть, как только появится время. Нет, подозревать его глупо и бессмысленно.

— Но ничего серьезного пока не происходит. Вы наняли человека, который ведет частное расследование. Этот человек, то есть я, желает поговорить с Сергеем в надежде узнать что-то новое и важное. Если приятель вашего мужа невиновен, ему не о чем переживать! Господи, да он, наоборот, должен быть рад оказать помощь, содействие.

Эта взволнованная тирада, по-видимому, подействовала на Щербакову, потому что она подошла к телефону и набрала нужный номер.

— Сергея Листопадова, будьте добры, — произнесла она деловито, но, тем не менее, вежливо.

Вера подморгнула Яне, давая понять, что кто-то, на том конце провода, пообещал выполнить ее просьбу.

— Сережа? Это Вера! — буквально через несколько минут радостно произнесла она. — Ты располагаешь временем?

— Сейчас или в ближайшие часы! — шептала Милославская, сидевшая поблизости.

— Нам нужно встретиться. Сейчас. Или как можно быстрее, — вторила словам гадалки Вера.

Слов Листопадова Яне не было слышно, но скорее всего, он

спрашивал о цели встречи. Щербакова вопросительно закивала головой, добиваясь подсказки у гадалки.

— Так и говорите, как есть, — оживленно зашептала та.

Вера пустилась в объяснения. Она подробно рассказала о том, кто такая Яна, чем она занимается и так далее. Тот, по-видимому, не соглашался, ссылаясь на занятость, потому что Щербаковой пришлось неоднократно повторить фразу «Это займет не больше получаса!» В конце концов, Листопадов все-таки дал согласие на разговор, сказав, что встретиться лучше в сквере у памятника Первой учительнице, поскольку он находится в данный момент неподалеку от него, выполняя какое-то задание по работе.

Яна была согласна на любые условия, лишь бы разговор состоялся в ближайшее время. Она шепнула Вере, что сможет добраться до сквера не раньше, чем через тридцать минут, и та передала эти слова Шприцу.

Щербакова вышла ко двору, чтобы проводить гостью.

— Петрович! — закричала она, увидев в конце улице мужчину, открывающего дверь машины.

Тот обернулся и выжидающе посмотрел на Веру.

— Ты в какую сторону? — спросила она.

— В город, — мужчина махнул рукой в направлении дороги, ведущей в центр города.

— Подвезешь?

— Всегда пожалуйста, — игривым тоном ответил Петрович.

— Идите! — Вера потянула Милославскую за рукав. — Скорее, скорее.

Яна ускоренным шагом двинулась к машине соседа Щербаковой. Петрович оказался веселым мужчиной и всю дорогу забавлял гадалку веселыми историями. Он даже пытался флиртовать с ней, но довольно быстро понял, что из этого ничего не получится. Увлечшись беседой с привлекательной попутчицей, Петрович и не заметил, как превысил скорость, проезжая прямо мимо контрольно-пропускного пункта ГАИ.

ГИБДДшник сразу же приложил губы к свистку и замахал своим полосатым жезлом. Изрядно выругавшись на самого себя и на гаишника тоже, Петрович нажал на тормоза и, резко хлопнув дверью, вышел из машины. Яна видела происходящее позади машины в зеркало. Судя по жестике Петровича, он красноречиво что-то объяснял постовому, а тот все равно был непреклонен. Милославская взволнованно посмотрела на часы. Времени еще было достаточно, но все же непредвиденные задержки ее беспокоили.

Наконец, конфликт был улажен, и не на шутку рассерженный водитель вернулся в свой автомобиль.

— Вот черт! — восклицал он, выруливая от обочины. — Не зря их народ не любит, не зря! Слыхали такой анекдот?

Из уст Петровича посыпалась целая серия анекдотов про работников ГИБДД. Эти шуточные истории развеселили даже Яну, хотя она и была настроена весьма серьезно. За разговором собеседники и не заметили, как очутились в центре.

— Вы сейчас в каком направлении поедете? — спросила Яна, выглядывая в окно.

— Я — к теще. Это очень важное направление в моей жизни! — мужчина засмеялся и на одном дыхании выпалил еще несколько анекдотов на тему злых и беспощадных тещ.

Теща Петровича, как оказалось, жила на углу Чапаева и Большой Горной, в новом десятиэтажном доме. Милославская, с сожалением попрощавшись с таким редким весельчаком, покинула его машину у Главпочтамта и пересела на троллейбус, который домчал ее до нужного места.

На углу улицы был таксофон, и у Милославской возникла мысль, что не помешает позвонить Руденко и узнать, какова сейчас цена на наркотики. Он, как милиционер, должен был это знать. Предполагая наличие зависимости такого рода у Листопадова, она не забывала о размере средней заработной платы милиционера. Особо разжиться, надо сказать, на нее никогда было нельзя.

К счастью, в своей сумочке Яна отыскала таксокарту. Она вставила ее в специальное отверстие телефонного автомата, подняла трубку и набрала нужный номер.

— Семена Семеныча можно? — произнесла Яна, когда кто-то ответил на ее звонок.

— Минутку.

Через несколько минут послышался голос Руденко.

— Здравствуй, Сема. Это Яна Борисовна. Мне срочно нужна консультация.

— Так сразу? Не поговорив о том, о сем? — возмутился Три Семерки.

— Я с автомата звоню, — объяснила Милославская, — к тому же у меня назанчена встреча.

— А-а... — понимающе протянул Семен Семеныч. — Тогда выкладывай, по какому поводу тебя требуется проконсультировать.

— О цене наркотиков в городе.

— Ты что, во все тяжкие пустилась что ли? — пошутил Руденко.

— Будь, пожалуйста серьезней! — отругала приятеля гадалка.

— Вообще-то, этим занимаются в другом отделе, но кое-какой информацией твой верный слуга все же владеет. Опий-сырец стоит 35.000 рублей за килограмм, марихуана — 1500, гашиш — 50.000.

— Подожди, подожди, — прервала друга Милославская, — мне не надо килограммами, говори цену за граммы!

— Ладно. Цена одного грамма кокаина — 1500 рублей, героина — 700 рублей. Это самое основное. Вот так. Но учти, что в разных городах и расценки разные: где-то дешевле, где-то дороже. Я же говорю о местных.

— Спасибо, Сем, до встречи, мне пора бежать, — Яна положила трубку.

Без особых усилий можно было понять: милицейской зарплаты на такое развлечение вряд ли хватит. Милославская двинулась к скверу, в котором находился тот самый памятник Первой учительнице.

Сквер пустовал, только листья деревьев дружно шептались о чем-то. Яна закурила и тихо побрела в глубь аллеи. Вдруг она заметила, как на параллельной дорожке появился мужчина и стал оглядываться по сторонам. Внешность Милославская разглядела, когда подошла поближе. Какое-то интуитивное чувство, прячущееся где-то в глубинах подсознания заставляло ее пристально присматриваться ко всему внешнему облику мужчины. Он был светловолосый, можно сказать, блондин, волосы — образующие едва заметные завитки у висков, глаза серые, большие. Ресницы и брови густые, темные. Губы немного полноватые, прекрасно очерченные, бледные. Незнакомец был невысокого роста, но довольно коренастый и широкоплечий. Он был в милицейской форме, поэтому гадалка предположила, что это и есть Листопадов.

— Сергей? — с вопросительной интонацией произнесла она.

Незнакомец сразу посмотрел в сторону Милославской и двинулся ей навстречу.

— Вы Милословова? — несколько развязно спросил он.

— Милославская, — поправила экстрасенс, — Яна Борисовна.

— О чем вы хотели поговорить?

— Присядем, — Яна указала рукой на ближайшую скамейку.

Листопадов размеренным шагом последовал за Милославской.

— Буду говорить по порядку. Я помогаю Щербаковым найти вора пистолета.

— Вора? — ухмыльнулся Сергей.

— Да, оружие украли.

— Вот как? — пытаюсь выглядеть равнодушным, произнес Шприц.

Яна незаметно достала из сумочки колоду карт, которыми задумала воспользоваться при удобном случае. Как бы невзначай, как какое-то, не имеющее смысла действие, она начала перетасовывать их, продолжая вести беседу.

— Разве Андрей вам не говорил об этом? — с нарочитым удивлением спросила Милославская. — А мне он сказал, что вы знаете и даже готовы помочь.

— Да-да, — Шприц притворно сморщил лоб, как бы что-то припоминая, — что-то такое было, я не воспринял это всерьез, совсем позабыл.

— Вы, я думаю, — не переставала атаковать Яна, — как милиционер, должны себе представлять, что это дело не шуточное.

— У меня своих дел полно, знаете ли, — зло перебил гадалку Сергей.

— Каких это? Сарай благоустраивать? — Милославская хитро прищурилась.

Она уже извлекла из колоды карту «Внушение» и положила на нее ладонь, чтобы быть готовой к таинственной процедуре. На «Внушении» изображался ствол ветвистого дерева, очень напоминающего собой женский силуэт. Странная фигура украшала собой берег неизвестного водоема.

Листопадов в упор посмотрел на гадалку и с невозмутимым спокойствием спросил:

— Какой еще сарай?

— Ма-а-а-ленький такой, ста-а-а-ренький, — язвительно протянула Яна, — там ампула из-под промедола лежит, шприцы использованные...

— А вы откуда знаете? — подражая тону экстрасенса, выдавил из себя Шприц.

Естественно, признаваться в грехе проникновения в чужую собственность, Яна не собиралась, поэтому она солгала:

— Я же не простой частный детектив, мне мистические видения помогают добираться до истины.

— Не знаю я, милая леди, что за сарай вы имеете в виду! — Листопадов вздохнул и развел руками.

— Ваш сарай!

— Что же это, в ваших видениях на нем табличка с моей фамилией висела что ли? — Сергей ядовито засмеялся.

На это Яне нечего было ответить. Листопадов, довольный своей репликой, закурил и задумался. Милославская сосредоточилась и

попыталась поработать с картой. Она планировала внушить Сергею желание исповедаться ей в том, что на самом деле произошло в тот день на даче и, если ему это известно, куда делся пистолет Щербакова.

— Разве вы не хотите помочь своему приятелю? — в голосе Яны внезапно появилась дружеская интонация. — Он так верит вам и его жена тоже. Они надеются на вашу поддержку. Расскажите, как все было в тот день.

На этих словах Яна приложила невероятные усилия по концентрации всей существующей в ней энергии. Она с напряжением ждала, когда же, наконец, начнет чувствоваться тепло. «Говори, говори правду о пистолете!» — мысленно твердила она.

Листопадов сначала сидел как ни в чем не бывало. Он безмятежно делал затяжку за затяжкой. Потом вдруг как-то нервно и очень часто начал хлопать глазами. «Рассказывай!» — с еще большей настойчивостью твердила про себя Милославская. Сергей неожиданно встал со скамейки и начал ходить туда-сюда мимо нее. Он явно чувствовал неизвестно откуда взявшиеся порывы к откровению, но упорно пытался их перебороть.

— С чего вы вообще взяли, что пистолет украден? — неожиданно громко и эмоционально воскликнул он.

— Я же вам говорила — видения ведут меня к ответам на вопросы.

— Да нормального человека к ответам должны вести не какие-то там никем пока еще не признанные видения, а доказательства. Если вас интересуют юридические тонкости, то знайте, — Шприц начал поочередно загибать пальцы на правой руке, — у вас должны быть показания различных лиц, то есть информация, передаваемая людьми, которые непосредственно участвовали в этом деянии, были его свидетелями или же просто имеют какие-то сведения о нем. Это раз. Во-вторых...

Листопадов не на шутку разошелся, но Яна не дала ему закончить.

— Кто-то разоблачает преступников этим способом, кто-то таким, как я. И, поверьте, мой более действенен, надежен, быстр и безошибочен. Например, я, практически без сомнений могу сказать, что к исчезновению оружия вы либо приложили руку либо скрываете важную информацию!

— Кто? Я? Ха-ха-ха-ха! — Шприц зашелся идиотским смехом, который Яне пришлось перекрикивать, чтобы продолжить фразу.

— Щербаковы в это верить, конечно, категорически не хотят.

— И правильно делают! А вы, по-моему, забываете о презумпции невиновности. Я вам напомню, что это такое: презумпция невиновности заключается в том, что человек считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена в установленном законом порядке.

Привлекаемый к ответственности не обязан доказывать свою невиновность, хотя и имеет на это право. И еще — всякое сомнение толкуется в пользу лица, привлекаемого к ответственности. А у вас таковые, наверняка, имеются. Не забывайте, уважаемый детектив, и о выяснении фактических обстоятельств. Прежде всего, вам необходимо выяснить, имело ли на самом деле место соответствующее деяние и какова его противоправность. Установление времени, места, и способа совершения преступления обязательно по каждому делу. И вообще, я не могу понять, чем так провинился, что навлек на себя подозрения. Я с детских лет дружу с Щербаковым, уважаю его жену, люблю сына. И в честь чего я должен желать им зла? Да и зачем мне нужен пистолет, когда вот тут, — Шприц постучал ладонью по кобуре, — у меня лежит свой?!

Яна продолжала работать с картой «Внушение», но Листопадов так активно внутренне сопротивлялся, что необыкновенной, данной свыше энергии Яны не хватало для ломки этого нечеловеческого противостояния. Милославская чувствовала досаду, но с другой стороны напряжение человека при ответе на вопросы, его активное нежелание быть искренним позволяло думать о нечистоте его совести и какой-то степени его причастности к делу. Яна не исключала и возможности того, что Сергей был просто очевидцем произошедшего, но будучи запуганным, держал правду в секрете.

Тем не менее, сразу Милославская не отчаялась.

— Тогда хотя бы расскажите по порядку, как все было тогда.

Яна сосредоточилась и стала прислушиваться к карте. «Скажи правду!» — твердила она.

— Почему вообще я должен вам об этом рассказывать? Если на самом деле возникнут основания для заведения уголовного дела, меня вызовет следователь, и тогда на все поставленные вопросы я отвечу честно и откровенно! — раздраженно ответил Сергей.

Тепло от карты не шло по-прежнему. Колода с остальными картами лежала рядом. Наверху — «Джокер». Милославская положила «Внушение» назад, а «Сюрприз» взяла в руку. Листопадов, заметив это, воскликнул:

— Что это вы там делаете?

— Нервы успокаиваю. Некоторые четки перебирают, а я тусую колоду, — не без иронии ответила гадалка.

Вслед за этим Яна положила ладонь на «Джокер», на задавая никакого конкретного вопроса, а просто в целом думая об исчезновении оружия. Чтобы как-то отвлечь собеседника, она весьма дружелюбно произнесла:

— Вы слишком агрессивно все воспринимаете. Моя задача — помочь

Андрею Щербакову вернуть утраченное, поскольку в противном случае участь этой семьи будет не самой завидной. Согласна — мои предположения могут быть ошибочными, но вы должны рассказать о дачной вечеринке. Хотя бы потому, что сам Андрей мог забыть или невольно упустить важные детали. Пожалуйста, я очень хочу услышать вашу версию.

В этот момент Милославская напряглась и плотнее прижала ладонь к «Джокеру». К невероятной радости экстрасенса, в руке сразу потеплело. Потоки тепла мягкими волнами побежали по телу, заставляя к себе прислушиваться. Теперь Яна только их и чувствовала. Откуда-то издалека доносился голос Листопадава, который нес откровенную чушь. Вдруг в воображении гадалки возникла следующая картина: на обочине неизвестной дороги остановился роскошный «Опель-Фронтера», черный, натертый до фантастического блеска каким-то фирменным средством по уходу за автомобилями. Автомобиль крутился перед Яной, будто стоял в салоне на специальном приспособлении перед придиричивыми богатыми покупателями. Она видела все до мелочей: зеркала, фары, бамперы, брызговики и прочее. Но самое главное — ее взгляд остановился на табличке с номерными знаками. Милославская видела их довольно отчетливо, и она сразу же отложились в ее памяти.

Внутри машины находилось четверо мужчин. Их внешний вид говорил сам за себя: толстые золотые цепи, бритые головы, дорогие спортивные костюмы. Они сначала о чем-то беседовали между собой. Слов Яна не слышала. Разговор, судя по выражению лиц, спокойным не был. Они, по всей видимости, читали друг другу нравоучения или делали упреки. Один, самый здоровый, с красным, почти свекольного цвета лицом, периодически потягивал пиво «Белый медведь» из баночки. Вторым отличался избыточной жестикуляцией. Видение Яны состояло из отдельных фрагментов, раскрывающих то или иное явление действительности, поэтому она отчетливо видела только жесты этого человека и ничего другого.

Третий все время напряженно молчал и смотрел в сторону. Он был хмурый, небритый, осунувшийся, и в отличие от первого весьма худощавый. Неожиданно этот человек сделал резкое движение, даже привстал с сиденья и стал махать рукой, указывая на что-то или кого-то в окно. В этот момент дверь машины приоткрылась. Судя по всему, к ней подошел человек. Его Милославская не видела. Только мимика и жесты четверых пассажиров «Опеля» могли свидетельствовать о происходящем.

Тот, который потягивал пиво, начал разговор первым. Он говорил

нервно и зло. Скорее всего, кричал: его голосовые связки необыкновенно напрягались, жилы пульсировали. Сидящие рядом смотрели в это время на незнакомца презрительно. Потом и они начали выкрикивать свои реплики, перебивая друг друга.

Милославская попыталась сосредоточиться еще больше и увидеть, кто же их гость. Но все усилия оказывались тщетными. Ничего не получалось. Она предполагала, что неизвестный оправдывается, причем очень боязливо, потому что уж слишком нагло вели себя эти, хотя и крутые, ребята. Худощавый даже один раз замахнулся на безропотного собеседника, но друзья остановили его.

Тем не менее, вскоре компания, очевидно, пришла к согласию, потому что самый здоровый вытащил из своей визитки пачку денег, отсчитал несколько купюр и протянул их незнакомцу. Какого достоинства купюры — гадалке понять не удалось.

Яна ведать не ведала, что это за люди, и какое они имеют отношение к исчезновению пистолета Щербакова. Эти господа были явно людьми не того круга, к которому принадлежал Андрей. Тем не менее, экстрасенс, задавая вопрос «Джокеру», думала именно о нем, и вообще, какой бы нелепой информация от «Сюрприза» не была, она всегда являлась важной, и рано или поздно, Милославская это понимала.

В голове гадалки царила полная неразбериха. До этого момента все ее подозрения и мысли касались только Сергея Листопадов. Теперь же круг ее соображений существенно расширился. В уравнении появились новые неизвестные. Находясь в полузабытьи, она практически не помнила, что рядом, на скамейке, сидит Шприц. Яна, размышляя, задумчиво протянула:

— Что же это за «Опель-Фронтера»?

Листопадов, который до этого времени, сотрясая руками, громко произносил какую-то фразу, сразу замолчал и уставился на Милославскую. От этого пронзающего, колкого, ядовитого взгляда женщина сразу пришла в себя. Она быстро сориентировалась во внезапно возникшей выгодной для нее ситуации и повторила ранее произнесенную фразу:

— Что же это за «Опель-Фронтера»?

Реакция Листопадова была абсолютно непредсказуемой. Тирада слов, эмоционально окрашенных довольно ярко, начиналась с брани, по смыслу весьма близкой к нецензурной.

— Идите вы к черту! Не знаю я никакого «Опеля»! В жизни его не видел, покупать не собираюсь, знакомые мои таких дорогих машин не имеют и приобретать тоже не собираются. Поэтому прошу оставить меня в покое.

— Успокойтесь, что вы так разошлись? — недоумевала Яна. — В чем дело? И почему вы так себя со мной ведете? Это по меньшей мере неприлично и, вообще, оскорбительно!

— А мне не оскорбительны все эти ваши дурацкие вопросы и язвительные словечки, подозрения, абсолютно необоснованные? Не оскорбительны, я спрашиваю? — повторил Шприц свою реплику. — Мне некогда тут с вами тары-бары разводить, предпочитаю тратить время на дела, имеющие гораздо больше здравого смысла!

Листопадов развернулся и, не попрощавшись, пошел прочь, туда, где за пышными ветвями деревьев мелькали многочисленные машины, спешащие в неизвестном направлении по улице Московской. Шаг его был быстрым, отрывистым, напряженным. Яна смотрела Сергею вслед и пыталась понять, в чем причина столь резкого поведения — является оно свидетельством виновности, или же это обычная реакция на необоснованные обвинения.

Облокотившись на спинку скамейки, Милославская стала размышлять над тем, что явило ей видение. Номер шикарной иномарки мерцал в сознании гадалки. Она достала блокнот и перенесла номер туда, поставив рядом несколько знаков вопроса. Спрашивать, действительно, было о чем. Яна не могла понять, какое отношение имеет этот автомобиль к делу, которое она расследовала. Его пассажиры, тем более, не только не проясняли ситуацию, но и в некоторой степени перечеркивали выводы и предположения, сделанные гадалкой ранее. До этого видения все размышления экстрасенса крутились в основном вокруг тех, кто был в той компании на даче. Теперь же дело в корне изменилось. Господа из таинственного «Опеля» вряд ли при каких бы то ни было условиях стали развлекаться среди людей такого круга, в который входил Щербаков. Вообще, отношения между «крутыми» и «ментами», надо сказать, дружескими назвать никогда было нельзя. Да и с намерениями поживиться оружием такие ребята бесшумно появляться в обществе отдыхающих сотрудников органов не стали бы. Открыли бы пальбу и все такое прочее. Во всяком случае, не заметить их появление практически невозможно.

Конечно, номер автомобиля, таящийся в сознании Милославской, а теперь и в ее блокноте, давал надежду, что пресловутый луч света, освещающий тьму неизвестности, все-таки появится и в какой-то мере прояснит сложившуюся ситуацию. Определить, кто владелец автомобиля, ориентируясь на его номера, можно было воспользовавшись услугами ГАИ. Знакомых там у Яны не было, зато Руденко, работая в уголовном розыске, вполне мог получить доступ к информации такого рода.

Гадалка, размышляя, побрела к тому же таксофону, с которого не так давно звонила приятелю.

— Добрый день, Семена Семеновича пригласите пожалуйста, — произнесла она, как только чей-то басовитый мужской голос послышался в трубке.

— Его нет.

— А скоро будет, не подскажете?

— А кто его спрашивает?

— Яна Борисовна Милославская.

— А-а-а... — довольным голосом протянул мужчина. — Наслышан, наслышан. Должен вам сказать, уважаемая Яна Борисовна, что Семен Семенович уехал домой и сегодня на работе уже не появится.

— С ним что-то произошло? — удивилась Яна, отлично зная, что Руденко вечно был перегружен работой, и уехать домой в середине рабочего дня для него было большой редкостью, можно сказать, нонсенсом.

— Почему же? Заслуженный отгул. Жена вернулась после долгого отсутствия. Привезла овощи, которые надо консервировать. Ну, а Руденко которую неделю без выходных. Сам Бог велел на вполне законных основаниях предоставить ему день отдыха. Вот так!

— Извините за беспокойство, — разочарованно вздохнула Милославская и положила трубку.

Набрав номер домашнего телефона Семена Семеныча, экстрасенс так и не дождалась, когда кто-нибудь изъявит желание пообщаться с ней. Задумавшись, она продолжала стоять возле таксофона, молча глядя в землю до тех пор, пока не услышала позади себя чьи-то разгневанные голоса. Молодая парочка уже несколько минут не могла добиться ответа на вопрос, будет ли Яна звонить еще раз или она все задуманное уже осуществила. Устав задавать вопросы, молодожены предположили, что Милославская просто глухонемая и принялись активно жестикулировать, совместив несколько позже и крики и жесты в нечто единое. Искоса глянув на них и так ничего и не ответив, гадалка отошла в сторону и, еще немного простояв с тем же выражением лица, двинулась к обочине дороги, чтобы поймать машину.

Милославская приняла решение поехать к Руденко домой, и выложить суть своей просьбы, поскольку времени на ожидания не было. Тем более, требовалось только его посредничество, а не непосредственное участие, поэтому Три Семерки не должен был особо обидеться на беспокойство в день столь редкого отгула, право на который в большинстве случаев оказывалось лишь формальным.

Яна уже около пяти минут стояла с вытянутой рукой, но не одна машина не останавливалась, хотя мимо бурным потоком спешили автомобили самых разных марок. Промучавшись так, она сделала жалостливое лицо и, жестом показывая на наручные часы, продолжала свои тщетные попытки. Это длилось до тех пор, пока водитель серебристой «Ауди», притормозившей у поворота, не засмеялся, глядя на гадалку, и не покрутил у своего виска, показав после этого куда-то направо.

Милославская повернула голову, но ничего так и не поняла. Метрах в пятидесяти остановилась белая «Волга». Из нее вышел мужчина, но он, очевидно никуда не торопился, потому что просто взял тряпочку, смахнул со стекла пыль, сел обратно и закинув руки за голову, закрыл глаза. Гадалка заспешила к нему навстречу.

— Скажите пожалуйста, — обратилась она к незнакомцу, когда подошла поближе, — почему там не останавливаются машины?

— Ты что, знак что ли не видишь? — мужчина по непонятной причине сразу начал общаться на «ты».

Милославская подняла голову и увидела знак, запрещающий остановку в этом месте. В правилах дорожного движения она, конечно, немного ориентировалась, но работа с последней картой не только отняла уйму сил, но и окончательно выбила из колеи. Посмеявшись и одновременно пожалев себя, Яна вновь обратилась к водителю «Волги»:

— А вы не могли бы довести меня до Радужного?

— У меня работа такая! — усмехнувшись, процедил мужчина.

Тут только женщина увидела на крыше автомобиля шашечки такси, и, в этот раз испытав уже чувство досады по отношению к собственной натуре, молча уселась на переднее сиденье. Таксист взял из бардачка темные солнцезащитные очки, деловито одел их, и нажал на газ. Машина со скрипом колес тронулась с места, заставив Яну резко наклониться в правую сторону.

— Полегче! — возмущенно бросила она водителю.

— А вы что, всерьез верите, что чем тише едешь, тем дальше будешь? — уже добродушно протянул он. — На моей работе время — деньги. Так-то вот.

Милославская задумалась и стала глядеть в окно. Она старалась привести в порядок все свои мысли, успокоиться, вернуть способность адекватно воспринимать действительность. Водитель включил мелодичную приятную музыку, которая помогала расслабиться и в то же время восстановить хорошее расположение духа, которое после разговора с Листопадковым было утрачено.

Автомобиль быстро миновал несколько улиц и очутился, наконец, в Радужном, где и проживал Руденко. Милославская расплатилась и покинула машину. Дом, в котором уже несколько лет обитал Семен Семеныч, был длинной белой девятиэтажкой, построенной не так давно, но выглядевшей, тем не менее, не лучшим образом. В подвал сваливались все нечистоты с мусоропровода, а чистился он с исключительной нерегулярностью, отчего кругом стоял невыносимый запах, заставлявший даже небрезгливых прохожих с отвращением морщиться.

Но это было недостатком куда менее болезненным, чем вездесущие крысы, чувствовавшие себя в горах отходов весьма вольготно. Они добирались даже до третьего этажа и не давали покоя жителям злополучных квартир. Хотя на первом этаже их пребывание было чревато куда более опасными неприятностями. По словам Руденко, недавно одного мальчика покусала крыса, и он оказался в реанимации. Только после того, как местное телевидение посвятило один из сюжетов данному происшествию, среагировала санэпидемстанция, здание которой находилось в этом же дворе и которая отлично знала о факте существования вредоносных грызунов.

Семен Семеныч постоянно уповал и на комаров, надоедавших своим жужжанием по ночам круглый год. Причем они обитали в любых квартирах — от первого этажа до последнего. Их травля различными дихлофосами и прочими средствами оказывалась просто-напросто мартышкиным трудом, так как насекомые неведомо откуда на следующий же день вновь проникали в помещение.

Милославская осматривала девятиэтажку оценивающим взглядом и думала о том, что иного жилья (в качестве вознаграждения за многолетнее самопожертвование всем во имя работы) наше государство простому российскому старшему лейтенанту милиции предоставить, конечно, не нашло возможности.

Гадалка не без чувства брезгливости нажала запачканную до черноты кнопку лифта, и его двери весьма гостеприимно перед ней распахнулись. Внутри горела только одна лампочка, поэтому вместо света там царил полумрак. Яна вошла в кабину, которая несмотря на свою непривлекательность, помогла ей подняться на нужный этаж.

— Иду-у-у, — послышался в квартире Руденко протяжный крик, после того как переливчато затренькал звонок, потревоженный Милославской.

— Это я, Яна Борисовна Милославская, — учтиво произнесла гадалка, заметив, что кто-то любопытно рассматривает ее в дверной глазок.

— А-а-а! — довольно отозвалась жена Семена Семеныча. — Яночка!

Сейчас, сейчас!

Щелкнув два раза, замок позволил двери открыться и впустить внутрь жилища гостью.

— Как я рада, Яночка! — Маргарита Ивановна прильнула своим пышным телом к груди Милославской, одной рукой довольно похлопывая ее по спине. — Что же вы так? И не появляетесь совсем? Верного друга, Сему, позабыли.

— Что вы, Маргарита Ивановна! — возразила гадалка. — Мы с вашим мужем сотрудничаем довольно тесно, поэтому видимся часто. Сегодня вот мне ничего другого не оставалось, как вторжение в ваш тесный и милый семейный очаг с целью осуществления своих корыстных целей.

— Обижаете, Яночка, — нарочито нахмурившись, протянула супруга Руденко, — вы у нас всегда желанный гость.

Маргарита Ивановна была натуральной блондинкой, кареглазой, чернобровой. С годами она не утратила своей былой красоты, и даже едва заметные мелкие морщинки, паутинкой приютившиеся в уголках глаз, не лишали ее облик неповторимого обаяния и привлекательности. Возможно, причина этого крылась в ее неутомимом оптимизме, жизнерадостности и редком человеческом радушии. Люди, знавшие эту женщину, отзывались о ней только положительно, с улыбкой вспоминая моменты приятных встреч. Не было такого человека, попавшего в беду или окруженного неприятностями, которому Маргарита Ивановна не сочувствовала бы, даже если он на самом деле заслуживал какого-то наказания. Ей вечно было всех жалко, она, что называется, искренне любила всех ближних своих.

Для самого Семена Семеныча такая жена была просто подарком судьбы. Профессия требовала от него огромных усилий, рабочий день был ненормированным, часто случались какие-нибудь эксцессы, после которых Три Семерки долго ходил в чрезвычайном нервном напряжении. Однако дома его всегда ждал теплый прием, ласковые слова, понимание и ужин, необыкновенно вкусный и всегда разный.

Маргарита Ивановна была в этом плане безусловной мастерицей. Она преуспевала в приготовлении любых блюд. Пекла неповторимые пироги, торты, пирожные, с необыкновенной фантазией украшала их кремом собственного приготовления. Не менее вкусными были ее первые и вторые блюда. Причем в дополнение ко всему женщина была хозяйкой экономной и разумно расчетливой. Редко что оставалось у нее невостребованным. Если Маргарита Ивановна покупала мясо, то из мосла варила, к примеру, щи, обрезную мякоть пускала на отбивные, остатки шли на фарш, или она их просто отваривала, перекручивала и готовила великолепные макаронны

по-флотски.

В общем, жена Руденко была не только истинной хранительницей семейного очага, но и своеобразным антистрессовым средством. Даже если он приходил домой, предварительно уговорив на работе бутылку любимого портвейна, Маргарита Ивановна хмурилась, смотрела на мужа, как мать на проказника-сына, но через несколько минут становилась по-прежнему радушной. Единственным ее недостатком было то, что по свойству своей природы она многое спускала с рук ребенку, который находился в том возрасте, когда все дети начинают проявлять стремление к самостоятельности, порой избыточное. Здесь уже приходилось подключаться Семену Семенычу, хотя большей частью воспитанием сына в этой семье занималась жена.

Маргарита Ивановна проводила Милославскую на кухню. Из ванной периодически слышалось фырканье, жалкое подобие песни, которую трудно было распознать, поскольку исполнитель отличался полным отсутствием музыкального слуха. Тем не менее, по голосу Яна легко узнала в неудавшемся вокалисте своего приятеля. Он снимал стресс после работы, наслаждаясь теплыми струями воды, ниспадающими из висящей над ним лейки душа.

— Сема-а, — ласково протянула Маргарита Ивановна, постукивая в дверь — к тебе гости.

— Кто, е-мое?! — перепуганно воскликнул Руденко. — Меня нет дома! Одного дня в состоянии покоя, мать их, побыть не дают!

Очевидно, Три Семерки предположил, что это его коллеги по работе пришли лишить его права на отдых, сообщив о внезапно произошедшем ЧП, в котором он лично непременно должен был разобраться. Такое случалось регулярно, даже по ночам, поэтому реакция Семена Семеныча являлась вполне объяснимой.

— Три Семерки, да это я, Яна! — успокоила взволнованного друга Милославская, крикнув из кухни.

— Фу-у-у! — облегченно вздохнул тот и плюхнулся в ванну, судя по послышавшимся звукам многочисленных брызг, упавших на пол.

Женщины переглянулись и заговорщически захихикали.

— Сейчас кушать будем, — улыбнувшись, сообщила Маргарита Ивановна своей гостье.

В кастрюле на плите что-то кипело, булькало. На сковороде, до половины наполненной маслом, подпрыгивали румяные оладьи. Супруга Руденко заглянула в духовку — очевидно и там что-то готовилось. Милославской, регулярно заставлявшей подобную картину на кухне этой

квартиры, давно стало понятно, почему живот Семена Семеныча с каждым годом все более округлялся.

Вскоре из ванной вышел раскрасневшийся глава семьи, единственным одеянием которого было широкое махровое полотенце.

— Сема! — произнесла с укором Маргарита Ивановна.

— Ну ты же мне халат не дала! — по-детски вытянув губы протянул Руденко.

— Так иди возьми! — женщина помешала большой длинной ложкой в кастрюле.

— Я же не знаю где! — беспомощно пробурчал Три Семерки.

— Разбаловала я тебя! — Маргарита Ивановна погрозила мужу указательным пальцем и пошла в комнату, Руденко шустро засеменял за ней.

Скрипнула дверца шифоньера, после чего послышался поток нравоучений, какое белье надеть, как правильно завязать халат и так далее. Яна в очередной раз подумала, что дома Семен Семеныч был окружен завидной заботой и вниманием.

— Ну что? — появившись на кухне, Руденко посмотрел на Милославскую и, барабанив пальцами по животу, уселся за стол.

— Настраивайся, Сема! — вздохнув, произнесла Яна. — Я пришла нарушить твоё спокойствие.

— Ну, елки-палки, аппетит испортила! — сморщившись, протянул Три Семерки.

— Потому что это вопрос жизни и смерти! — серьезно объяснила гадалка.

— Ладно уж, выкладывай, коль пожаловала. Я же тебе никогда не отказывал!

— Руденко, ты настоящий друг! — Милославская привстала, чтобы шутливо пожать приятелю руку.

— О чем это вы тут договариваетесь? — хитро протянула Маргарита Ивановна, которая до этого момента наводила порядок в ванной после пребывания там Семена Семеныча.

— О рабо-о-те, — Руденко вздохнул разочарованно.

Пока Маргарита Ивановна накрывала на стол, Яна решила рассказать другу о сути своей просьбы.

— У тебя знакомые в ГАИ есть? — без заминки спросила она.

— Есть, а что? — заинтересовался Три Семерки.

— По номерным знакам машины нужно определить владельца автомобиля. Это возможно?

— Я-а-на Борисовна, — иронично протянул Руденко, — это же элементарно!

— Вот и хорошо, — с облегчением вздохнув, произнесла Милославская, — только вся сложность в том, что это нужно сделать сегодня, точнее сейчас.

— Имей совесть, Яна! — Семену Семенычу такое предложение по вкусу явно не пришлось.

— Позже это может стать просто бессмысленным, — настаивала гадалка.

Три Семерки виновато посмотрел на жену и, пожав плечами, произнес: — Придется согласиться...

— Ради вас, Яночка, — Маргарита Ивановна посмотрела на Милославскую, — всегда пожалуйста. А теперь отставить все разговоры! — женщина сама села, наконец, за стол и дала команду приступать к трапезе.

В тарелках дымился борщ, приготовленный по оригинальному, раздобытому где-то хозяйкой дома рецепту. Маргарита Ивановна была поклонницей традиционных блюд, но готовила их просто исключительно и бесподобно. Семен Семеныч, звучно прихлебывая, страстно уничтожал содержимое тарелки и, даже получив несколько замечаний от жены, не умерил пыла.

Он первым съел борщ и, с довольным видом отставив тарелку в сторону, стал приглядываться к тому, что красовалось на закопченном стареньком противне, заранее вынутым его супругой из духовки. Милославская дивилась такому зверскому аппетиту приятеля, поскольку тарелки, в которые был разлит борщ, являлись довольно вместительными. Однако, судя по тому, с каким рвением он стал отламывать от запеченной в тесте курицы крупный окорочок, места в его желудке было еще достаточно.

Впрочем, эту особенность природы Руденко Яна подметила уже давно. Маргарита Ивановна часто выезжала из города — то на дачу, то еще куда-нибудь. Перед отправлением она до отказа забивала холодильник, который, благодаря стараниям Семена Семеныча, в ближайшие же два дня был безжалостно опустошен. Три Семерки переходил на полуфабрикаты, начинал чаще навещать Яну, чтобы та его подкармливала. Однако, она, в отличие от Маргариты Ивановны, редко осмеливалась взять на себя исключительно все обязанности по готовке, так как занятия кулинарией были вообще не в ее вкусе. И тогда в душе избалованного ленивца поневоле рождалась способность к кулинарному творчеству.

Вскоре ко второму блюду приступила и Маргарита Ивановна.

Посмотрев на Милославскую, она удивленно воскликнула:

— Яна, а вы что же сидите?

— Нет, нет, спасибо, я уже сыта.

— Чем же вы сыты? — не понимала искренне ошарашенная женщина.

Чтобы успокоить заботливую хозяйку, гадалка ответила:

— Я еще чаю попью, не переживайте.

— С ола-а-а-дьями! — горделиво протянула Маргарита Ивановна.

Волей-неволей Милославской пришлось впихнуть в себя и один пресловутый оладик, после чего она произнесла:

— Семен Семеныч, поторапливайся, иначе мы ничего не успеем.

Руденко лениво потянулся, думая, очевидно о том, что сейчас предпочтительнее было бы полежать на диванчике у телевизора, но все-таки кивнул в знак согласия. Через пятнадцать минут Три Семерки был практически готов к выходу. Он предложил Яне выйти на балкон — покурить на дорожку. Та охотно согласилась, желая хоть в какой-то степени избавиться от невероятной тяжести в животе.

— Рассказывай по порядку, — начал Руденко, когда приятели вновь очутились наедине.

— С чего начать? — Яна чиркнула зажигалкой.

— Валяй сначала про свои наркотики.

— Какие?

— О которых по телефону спрашивала.

— А-а-а, — Милославская на самом деле успела позабыть об этом.

Она стала подробно описывать свои недавние похождения и делиться предположениями, выводами, догадками. Три Семерки молча внимательно слушал, изредка стряхивая пепел с сигареты и произнося понимающие протяжные звуки. Он не со всем был согласен, но все же не стал пытаться переубедить подругу.

— А номера иномарки откуда взялись? — спросил Руденко, когда Яна замолчала.

— Видела.

— Где? — Семен Семеныч всерьез заинтересовался.

— В видении, — уверенно пояснила Милославская.

— У-у-у-у... — разочарованно промычал Три Семерки. — Ради этого не стоит беспокоить сотрудников ГИБДД! — Руденко поморщился и махнул рукой.

— Да ты что! — взволнованно воскликнула гадалка и попыталась начать доказывать, насколько это важный шаг в расследовании.

— Как я объясню причины своей заинтересованности-то? — не

уступал покрасневшийся старлей. — Скажу, что приятельница моя гадала, мол, видала то-то и то-то, а вы давайте расследуйте произошедшее на основании этого?

— Семен Семеныч, я, конечно, понимаю, что ты честный мент, но в иных ситуациях цель оправдывает средства — назови другие причины, выдумай их, в конце-то концов. Мало ли какое обстоятельство могло заставить тебя прибегнуть к их помощи? Ты сотрудник органов, занимаешься уголовными делами...

Руденко задумался. Он стоял, нахмурившись, размышляя, как поступить. Три Семерки подсознательно понимал, что видения Яны никогда еще не подводили и помогали им сообща раскрывать даже самые трудные дела, но непонятное чувство все время заставляло его относиться к сверхестественному дару подруги со смесью дружеской иронии, недоверия и снисходительности. Он осознавал, что работники ГАИ ему не откажут, тем более там работал человек, который его, Семена Семеныча любил и уважал безмерно. Однако, рассказанное Яной не увязывалось в логическую цепочку, и он не мог понять, какое отношение может иметь таинственный дорогой автомобиль к делу рядового участкового инспектора.

— Сем, поверь, это дело срочное и необходимое, — прервала Милославская раздумья друга.

— Ладно, но учти — если я окажусь в дураках, буду мстить, и мстя моя будет ужасна! — Руденко, наконец-то, улыбнулся, что было признаком его согласия.

Приятель вошел в квартиру, внутренне настраиваясь на предстоящее дело. Три Семерки стал одеваться, а Яна отправилась на кухню, чтобы выразить слова признательности и благодарности Маргарите Ивановне, которая занималась там уборкой. Через некоторое время Семен Семеныч появился в прихожей, и женщинам пришлось распрощаться.

Услышав, что на лифте кто-то поднимается, Руденко не стал его дожидаться, а заспешил вниз по лестнице. Поступь его была решительной и твердой, и Яна догадывалась о полной боеготовности друга.

Старенькая шестерка скучала без своего хозяина около подъезда. Приятель сел в нее и одновременно посмотрели друг на друга.

— Наверное, в РЭУ ГАИ поедет, — пояснил Три Семерки, догадавшись по лицу Милославской о том, что ее интересует, — у меня там приятель хороший. В принципе и другие не откажут, но мне с ним давно хотелось пообщаться, сто лет не виделись.

— Как прикажешь! — гадалка, соглашаясь, развела руками.

РЭУ ГАИ находилось на другом конце города, поэтому Руденко

сначала пришлось заехать на заправку, чтобы пополнить запасы бензина, а заодно и привести в порядок на находящейся там мойке машину. Стыдно как-то в таком учреждении появляться на грязном авто. В городе Семена Семеныча по этой причине уже несколько раз останавливали сотрудники ГИБДД, но он показывал удостоверение и этим избавлялся от необходимости платить штраф. Если же ГАИшник начинал читать пристыживающие нотации, Три Семерки разводил руками и сетовал на окончательно заевшую его работу.

Гадалка позволила себе откинуть голову на спинку сиденья и закрыть глаза, чтобы попытаться вздремнуть по дороге и в какой-то мере восстановить силы. Впрочем, ей это удалось сразу, поскольку кровь от головы прилила к переполненному желудку. Приятный прохладный ветерок, врывающийся в машину через открытое наполовину окно, обдувал лицо; из радиоприемника тихо лилась спокойная музыка, и ничто не мешало женщине по-человечески расслабиться.

* * *

— Добрый день, ваши документы, — обратился к приятелям милиционер, сидящий на вахте в РЭУ ГАИ.

Семен Семеныч протянул ему удостоверение и, кивнув на Яну, сказал:

— Женщина со мной.

Руденко был здесь не в первый раз, поэтому уверенным шагом шел вперед. Милославская же с любопытством оглядывалась по сторонам. Больше всего бросались в глаза сытые лица ГАИшников, тон разговоров которых весьма напоминал интонацию бесед новых русских. Они высокомерно обращались к посетителям, по той или иной причине появившимся в этом учреждении. Некоторые и вовсе не снисходили до того, чтобы отвечать на взволнованные вопросы измученных бюрократией людей.

Три Семерки привел Яну к двери кабинета, находящейся в маленьком душном квадратном коридорчике. На двери висела какая-то табличка, но гадалка не успела прочитать, что на ней было написано, потому что Руденко приоткрыл дверь и хитро протянул:

— Можно?

— О-о-о! — послышался из кабинета восторженный вопль. — Какие люди! Заходи, заходи!

— Да я не один!

Семен Семеныч пошире отворил дверь, так, что незнакомцу стало видно и Милославскую.

— Заходи, что медлишь! — нетерпеливо воскликнул смуглый темноволосый мужчина, сидящий за письменным столом.

Увидев гадалку, он встал, подошел к ней вплотную и, поцеловав руку, представился:

— Подполковник Просвиров, Александр Петрович.

— Яна Борисовна Милославская, — улыбаясь ответила экстрасенс.

Поглаживая пышные, аккуратно подстриженные усы, подполковник любопытным оценивающим взглядом окинул Яну. Милославской же сразу стало понятно, что он относится к типу мужчин, которых в народе называют дамскими угодниками.

— Присаживайтесь, — Просвиров жестом указал гостям на старый потертый кожаный диван, стоящий в углу комнаты, — что вас ко мне привело?

— Как всегда — работа, — вздохнув, произнес Три Семерки.

— Рад помочь, рад помочь, — Александр Петрович игриво подморгнул Яне.

— Просьба-то в общем элементарная, можно было и по телефону все выяснить, но, сам знаешь, давно не виделись, — Руденко достал из кармана листочек, на котором был записан номер таинственного «Опеля».

— Подожди, подожди, стремление к общению надо отметить! — Просвиров наклонился к одному из отделов шкафа, заполненного беспорядочно наваленными толстыми папками.

— Не н-а-а-до, Саша, я за рулем, — с сожалением протянул Семен Семеныч.

— Ха! Тоже мне причина, — с интонацией мастеровитого фокусника воскликнул подполковник и достал бутылку красного вина, — мы тебе водителя обеспечим, первоклассного.

С этими словами Александр Петрович подошел к двери, сделал два поворота ключом и, убедившись в том, что она, действительно заперта, поманил гостей к столу незатейливым жестом. Руденко подчинился с удовольствием, хотя и предпочитал вину излюбленный портвейн. Волей-неволей в процедуре пришлось поучаствовать и Милославской, поскольку уклониться от на редкость настойчивых ухаживаний Просвирова было просто невозможно.

Мужчины стали рассказывать друг другу о всех новостях, произошедших с ними самими или с их общими знакомыми. Видя, что Семен Семеныч все дальше и дальше уходит от темы, Милославская

решила вторгнуться в разговор и напомнить ему о цели визита.

— Сема! Говори по существу! — с притворной строгостью воскликнула она.

Руденко захлопал глазами, не понимая, что же имеет в виду его подруга.

— Ты забыл, зачем мы приехали? — она пальцем постучала по карману пиджака приятеля, напоминая о положенной туда недавно записке.

— А-а-а! — Три Семерки звучно хлопнул себя по лбу и достал листочек. — Вот, — обратился он к Просвинову, — надо определить, кто хозяин машины с таким номером.

— Если это поможет, — вмешалась Яна, — марка автомобиля — «Опель-Фронтера».

— Круто берете, — Александр Петрович озадаченно покачал головой из стороны в сторону, но, подумав, ответил: — для нас нет ничего невозможного.

Подполковник поднял трубку телефона и набрал какой-то внутренний номер.

— Танюша? Звезда очей моих! Требуется твоя профессиональная помощь. Да. Да. Конечно. Диктую номер автомобиля, по которому нужно определить, кто его владелец. Только, пожалуйста, сделай это сейчас же, побыстрее, серьезный человек ждет, — Просвинов, улыбаясь, подморгнул Руденко и стал диктовать написанное на переданном ему листке бумаги.

Яна облегченно вздохнула. Наконец-то наметилось хоть какое-то продвижение в делах. Времени было потеряно уже больше чем достаточно: посиделки у Руденко, дорога до РЭУ, бесполезные разговоры с подполковником...

Положив трубку, Просвинов стал довольно потирать руки, радуясь предоставившейся возможности провести время в приятном обществе. Особенно бдительно он ухаживал за Яной, доливая вино в ее бокал каждый раз, как только она делала хотя бы глоток. При этом он успевал наговорить кучу комплиментов, заглядывая прямо в глаза.

Легкое вино приятно кружило голову. Мужчины громко хохотали, вспоминая забавные случаи, произошедшие когда-то с ними или их знакомыми, и Милославской приходилось несколько раз их одергивать, напоминая, что они находятся не в баре-ресторане. В дверь несколько раз кто-то стучал, и приятелям приходилось затаиться, дабы не быть обнаруженными. В коридоре не стихал шум, и это им удавалось.

Когда в бутылке оставалась ровно половина, зазвенел телефон. Полковник приложил указательный палец к губам и поднял трубку.

— Просвиров слушает, — в одно мгновение изменив тон, строго ответил он, — прекрасно. Просто великолепно! Замечательно! — восторженно восклицал он, реагируя на чьи-то слова.

Милославская интуитивно чувствовала, что разговор касается дела, по которому они с Руденко сюда прибыли, поэтому кивая головой, она шепотом спрашивала:

— Ну что? Выяснили? Или еще ждать придется?

Александр Петрович махал Яне рукой, пытаясь успокоить ее и сказать, что все идет как нельзя лучше. Затем он взял шариковую ручку и начеркал в календаре какие-то слова, которые со своей стороны стола гадалке не было видно.

— Это следует отметить! — таинственно зашептал Просвиров, положив трубку.

— Все, что было можно, мы, по-моему, уже авансом отметили, — возразила Яна, — у нас дел впереди полно, а их надо выполнять в здравом уме и трезвой памяти.

— Да это же вино, сок, компот! — хохотал подполковник. — Зелье — безвредное абсолютно! Только душу греет, а дурмана никакого, поэтому не стоит беспокоиться, Яна Борисовна!

— Дело даже не в этом. Время-то идет! — не уступала Милославская.

— Да, Александр Петрович, — нехотя поддержал подругу Руденко, — нам на самом деле пора, да и у вас работы своей полно. Не последний раз видимся, успеем еще наговориться. Давайте лучше обсудим информацию, которую вы получили по телефону.

Видя единогласное сопротивление гостей, подполковник был вынужден подчиниться.

— Ну что ж, — Просвиров на минуту поджал губы, — работать, так работать. Неугомонная вы женщина, Яна Борисовна. Такой красивой даме надо не трудиться в поте лица, а одним своим присутствием украшать жизнь мужчин.

Александр Петрович развернул перекидной календарь так, чтобы недавно им написанное стало видно Милославской. На листочке грязно-белого цвета красовалась запись — «Опель-Фронтера», 1997 года выпуска, цвет — черный, С 952 АР, Храмов Владимир Николаевич, 2 января 1953 года рождения. Ниже была указана дата приобретения машины, ее регистрации в городе, домашний адрес хозяина автомобиля и прочие мелочи, не имеющие сейчас особого значения.

Фамилия обладателя шикарной иномарки Милославской ни о чем не говорила. Щербаков ее в разговорах, касающихся исчезновения оружия,

никогда не называл, сама она ее раньше не слышала. Несмотря на то, что многое оставалось неизвестным, у гадалки все-таки были факты, на которые можно опереться, на основании которых следует планировать свои последующие шаги, поэтому в ее настроении появилось больше оптимизма.

Подполковник понимал, что гостье он явно угодил, поэтому горделивое выражение не покидало его довольную физиономию.

— Спасибо вам огромное, — с интонацией искренней благодарности произнесла Яна и переписала необходимую информацию из календаря в свой блокнот, — вы сделали доброе дело.

— Спасибо в карман не положишь! — шутливо обиделся Просвиров.

— Ну тогда приходите как-нибудь, я вам погадаю.

— Погадаете? — подполковник открыл рот, не сумев скрыть глубокого удивления.

— Да-а, — гордый своим знакомством с такой неординарной личностью, как Милославская, Руденко обнял ее за плечи и сказал Александру Петровичу: — Яна Борисовна у нас профессиональный экстрасенс. Если пожелаешь, могу однажды проводить тебя к ней для осуществления таинственной процедуры! По секрету скажу, хотя и не хочется в этом сознаваться, мне она часто помогает в расследованиях.

— Вот как? — удивился подполковник, — а я уж думал это твоя новая пассия!

— Ну ты даешь! — обиделся Руденко. — Это — мой настоящий и преданный друг. Какая пассия, боже мой! Всех судишь по себе, Александр Петрович, и интересы у тебя какие-то низменные, — Три Семерки постепенно перешел на шутки и, закончив последнюю фразу, рассмеялся.

Милославская стала поторапливать приятеля с отправлением домой, потому что они с подполковником находили все новые и новые темы для разговора. Однако, несмотря на низкий процент алкоголя в вине, Руденко все же был нетрезв, и пришлось напомнить Просвирову про обещанного им ранее первоклассного водителя. Александр Петрович позвонил кому-то, и через несколько минут у дверей кабинета стоял молоденький лейтенантик, улыбочивый и готовый к исполнению приказов шефа. По-видимому, это было обусловлено свойством его характера, так как сегодня в молодых людях уже нет той закалки, которая была тогда, когда всех воспитывали исключительно в духе коммунизма.

Улыбка лейтенанта была широкой и несколько глуповатой. Еще и повода-то никакого не предвиделось для веселья, а его физиономия говорила о полном довольстве своей жизнью и жизнью тех, с кем ему

сейчас придется общаться.

— Смолянинов, — деловито кашлянув, начал подполковник, — доставь товарища старшего лейтенанта и его даму по названному ими адресу.

— Я бы рад, но машин свободных нет, — Самойленко пожал плечами.

— Да мы на своей, — Руденко махнул рукой.

Три Семерки двинулся вперед, Яна и лейтенант последовали за ним. Оказавшись, наконец, в машине, Милославская и Руденко могли поговорить по поводу полученных сведений. Гадалка никакого Храмова знать не знала, но, возможно, Семен Семеныч где-то слышал эту фамилию. Даже если и он беспомощно пожал бы плечами, поразмышляв об этом человеке, можно было бы попытаться найти какую-то информацию о нем в базе данных уголовного розыска.

Яна протянула приятелю свой блокнот и сказала:

— Тебе не знаком этот человек?

Три Семерки окинул беглым взглядом страничку и, пожав плечами, ответил:

— Впервые слышу!

— Присмотрись повнимательней, может когда-нибудь этот тип проходил по одному из дел. Судя по марке автомобиля и его цене, Храмов — человек заметный. А так как номер его машины всплыл в видениях в связи с исчезновением оружия, за ним, скорее всего, водятся какие-нибудь криминальные грешки.

— А ты права, — понимающе протянул Руденко и взял блокнот в свои руки.

Он прищурился и стал пристально смотреть на запись.

— А знаешь, — неуверенно произнес он через несколько минут, — есть один такой криминальный авторитет — Храмов. Имени, отчества не знаю, да и думаю нет никакого смысла выяснять их.

— Почему? — гадалка закурила и приоткрыла окно машины.

— А какое он может иметь отношение к исчезновению пистолета обыкновенного участкового, пьянствовавшего на обыкновенной даче? Такие люди, как тот Храмов, столь прозаические места не посещают, да и знакомств с рядовыми ментами не водят: смысла нет.

— Ну выгоду, допустим, можно иметь, общаясь с любым милиционером, работающем в уголовном розыске, хорошо ему приплачивая за информацию или что-то еще в этом роде, — предположила Милославская, поэтому имя и отчество того, о ком ты сейчас подумал установить все-таки не помешает.

— Если ты так настаиваешь, я могу позвонить в отдел и спросить у ребят. Этот криминальный авторитет сейчас у всех на слуху. Ну ты помнишь, я тебе рассказывал о конфликте между воинствующими группировками. Так вот, Храмов возглавлял одну из них.

— Да ты что?! — ахнула Яна.

Она отлично понимала, что если подозрения Руденко подтвердятся, их сотрудничество будет иметь гораздо больше смысла. В нем появится мотив не только дружеской поддержки, но и служебной необходимости, поскольку, по словам Семена Семеныча, именно этими группировками весь отдел сейчас и занимался.

Милославская поведала о своих соображениях приятелю, и тот, раскинув мозгами, решил пойти по тому пути, который указывала гадалка.

— Смолянинов, — Три Семерки обратился к лейтенанту, всю дорогу молча крутившему баранку, — притормози у ближайшего таксофона.

— Как скажете, — позевывая, протянул парень.

Через несколько минут шестерка свернула к обочине и притормозила возле обветшалого двухэтажного дома, на углу которого находилась старая будка с телефоном-автоматом.

— Прибыли, шеф, — задорно скомандовал Самойленко.

Три Семерки вышел из машины. Милославская, с трудом сдерживая желание узнать обо всем побыстрее, осталась в машине. Между ней и лейтенантом воцарилось неловкое молчание, и Яна заговорила о погоде, как это часто делается в подобных случаях.

Гадалка через окно наблюдала за Руденко. Он, по-видимому, дождался, когда на звонок ответят, выложил суть своей просьбы и теперь выслушивал то, что ему говорили, и одобрительно кивал головой.

Через пару минут он вернулся, и взволнованная ожиданием Яна накинулась на него с расспросами. Семен Семеныч поведал, что криминальный авторитет и есть тот Храмов Владимир Николаевич, владелец «Опеля». Он — организатор известной преступной группировки, «вор в законе», имеет кличку — Китаец. По имеющимся сведениям, в группе Китайца восемнадцать человек, в том числе три женщины.

Впервые Храмов попал в поле зрения органов давно. Тогда он совершил мелкую кражу. При задержании оказывал активное сопротивление сотрудникам милиции: ругался и даже размахивал ногами. Те, будучи особо умными, такое поведение посчитали ненормальным и решили направить его на прохождение стационарной судебно-психиатрической экспертизы.

Храмов стал осуществлять новую форму борьбы: обзавелся алиби на

часть преступлений, в которых он обвинялся, а сам в это время старательно подготовился к судебной-медицинской экспертизе. Китаец старательно и кропотливо изучал литературу по психиатрии и, как оказалось, не зря. Его признали душевнобольным.

После выписки из психиатрической больницы Храмов состоял под наблюдением у соответствующего врача-специалиста. Повторного осмотра экспертной врачебно-трудоустройственной комиссией не проходил.

Несколькими годами позже Китаец получил вторую группу инвалидности по психическому заболеванию пожизненно. Одновременно вел довольно активный образ жизни: посещал казино, клубы и другие подобные заведения, имел широкий круг знакомых, тратил солидные деньги, источники которых находились под покровом тайны.

Однако, органы оставались бдительными по отношению к этой личности и однажды, во время драки в престижном кафе «Эвридика» задержали Храмова. При обыске при нем были обнаружены поддельные документы: паспорт и водительское удостоверение. По этому факту было возбуждено уголовное дело. Китайца направили на судебную-психиатрическую экспертизу, куда более серьезную, чем первая, пройденная им весьма удачно.

Этой комиссией Храмов был признан психически здоровым. Врачи установили, что, говоря о навязчивой идее преследования, он просто-напросто симулирует. Исход дела был для преступника печальным: его осудили за использование поддельных документов и приговорили к году лишения свободы. Когда срок истек, Китаец был, естественно, освобожден. От обвинения в хулиганстве и драке в общественном месте Храмов смог уйти, используя связи. В период следствия Владимир Николаевич содержался в тюрьме, где и был посвящен в «воры в законе» другими, находившимися там ворами. С этого, собственно, и началась серьезная криминальная карьера Китайца, хотя он и раньше делал деньги незаконными способами. Вооружившись кое-каким опытом, он организовал группировку и пустился на подвиги.

Храмов — одна из влиятельных фигур в большом бизнесе. Его профессиональные интересы весьма широки. По типу характера Владимир Николаевич амбициозный и волевой лидер. Он всегда мог ладить с представителями самых разных кланов. Всегда, но не в последнее время. Впрочем, подробности об этом факте Яне Милославской были уже достаточно хорошо известны из прежних рассказов Руденко.

Семен Семеныч излагал полученную информацию во всех подробностях, зная, что его подруга обладает не только магическим даром

раскрытия тайн посредством гадания на картах, но и имеет отменное логическое мышление, которое всегда являлось залогом успеха в работе любых следователей. Она могла увидеть в его истории какую-то деталь, которая стала бы для них зацепкой.

— Кстати, — добавил Три Семерки, когда рассказ о Китайце был завершен, — помнишь труп, о котором сообщалось в теленовостях? Ты тогда еще интересовалась всеми подробностями дела.

— Да-да, помню, — торопливо спросила Яна, — и что из этого?

— Он входил в преступное объединение, с которым у компании Храмова сейчас серьезные разногласия.

Между какими-то отдельными элементами всего имеющегося в голове гадалки материала, наконец-то, устанавливалась связь. Только вся беда была в том, что исчезнувший пистолет никак не вписывался в эту картину. А он и был самым главным, ради чего вообще проводилось расследование. Яне вроде бы стало понятно, кому было выгодно убийство Ивушкина, телесобщение о котором породило в ее душе интуитивное предчувствие его значимости в деле Щербакова. Последнее видение, явившее гадалке великолепный «Опель-Фронтера», определенно имело связь с тем сюжетом. Тем не менее, ни в том, ни в другой нить, ведущая к находке пропавшего оружия, не просматривалась. В этом-то и заключалась проблема.

Руденко попросил Смолянинова сначала отвезти Милославскую, и «шестерка» уже колесила по Агафоновке, приближаясь к дому гадалки. Яна последние несколько минут молчала, интенсивно размышляя о путях дальнейшего расследования. Молчал и Руденко, думая о том же.

У экстрасенса после столь бурного дня ни на шутку разболелась голова. Казалось, огромный тяжелый молот периодически ударял в затылок; в висках пульсировало; в глазах стоял какой-то туман.

— Я, наверное, выйду здесь, — произнесла Милославская, выглядывая в окно, — до моего дома уже недалеко.

— Да я довезу, что вы?! — добродушно воскликнул Смолянинов.

— Нет-нет, спасибо, я просто хочу прогуляться, устала, голова трещит, — объяснила Яна.

Лейтенант остановил машину. Попрощавшись с мужчинами, гадалка вышла на улицу.

— Сема, — крикнула она на прощанье Руденко, когда «шестерка» уже тронулась с места, — завтра позвони, если что-то новенькое появится или какие-нибудь соображения возникнут. Хорошо?

Три Семерки одобрительно кивнул головой в ответ. До дома

Милославской оставалось около двух кварталов, поэтому возможность развеяться на самом деле была. К вечеру стало прохладно. Это особенно остро ощущалось после долгой тряски в машине, после пребывания в душном кабинете подполковника ГИБДД и прочих прелестей жизни.

Посмотрев вслед отъезжающей машине Руденко, Яна побрела вдоль по улице. Дорога была вначале пологой, а потом круто забирала вверх, доходя почти до самой вершины холма. Милославская пересекла асфальтированную дорогу, по которой изредка пролетали автомобили и еще реже проезжали опустевшие к вечеру автобусы. Теперь улица представляла собой цепочку частных домов. Одни из них были получше, кирпичные, новенькие, не утратившие запаха стройматериалов, окруженные аккуратными, недавно поставленными заборами.

Некоторые дома были на этой улице настоящими старожилками, но хозяева обеспечивали им должный своевременный уход, ремонт и все такое прочее, поэтому выглядели они на все сто. С особенным удовольствием Яна всегда смотрела на два рядом стоящих деревянных дома, свежескрашенными яркой краской, с огромными мансардами и симпатичными флюгерками на крышах. Перед окнами обоих домов расстилались шикарные цветочные клумбы, полные царственных георгинов, роз, очаровательных и милых Анютиных глазок, ароматных пышных флоксов и других, не менее замечательных растений. По-видимому, хозяйки домов дружили, и вкусы их во многом совпадали.

Здесь гадалка брела неторопливым шагом, глубоко вдыхая божественные ароматы цветов. Она даже не пыталась скрыть своей симпатии к этим жилищам и на несколько минут приостановилась, чтобы получить полное эстетическое наслаждение. Домики напоминали гадалке сказочные теремки, к созданию которых приложил руку самый настоящий волшебник.

Приютились на этой же улице и старые, изрядно покосившиеся жилища, которые Милославская невольно называла про себя лачужками. Тропинка, бежавшая мимо них, сплошь заросла сорной травой, ставшей за лето такой высокой, что Яне пришлось приподнять подол юбки, иначе бы тонкие сухие соломины и колючки непременно захотели бы к нему прицепиться. Перепуганные кузнечики в невероятном испуге бросались в разные стороны, налетая по пути друг на друга. И только равнодушные к прогулкам посторонних сверчки по-прежнему увлеченно насвистывали свою переливчатую песню, хотя до наступления темноты было еще несколько часов.

Невдалеке уже виднелся огромный дуб, росший перед домом

Милославской. Последние метры пути она преодолевала с трудом, потому что дорога в гору на самом деле отнимала много сил.

Джемму в этот день гадалка оставила у соседки, поскольку предполагала, что рабочий день будет долгим и трудным, дел было намечено слишком много, да и не везде прилично было появляться в сопровождении такой огромной псины. Яна оставила для собаки ее любимый корм и со спокойной душой отправилась на расследование дела Щербакова, зная, что соседка, тетя Даша, — женщина добросовестная и, самое главное, искренне любящая животных.

Теперь, подходя к дому, Милославская почувствовала, как смертельно она соскучилась за день по своей любимице. Однако, гадалка не стала сразу заходить к тете Даше за ней, а решила сначала зайти домой, переодеться, сменить надоевшие туфли на мягкие, уютные тапочки.

Калитка по какой-то причине оказалась незапертой, хотя длинный железный крюк лежал на своем месте, за толстым коротким бревнышком, служившим неплохой лавочкой. Яна подумала, что просто забыла задвинуть засов. Она стала шаг за шагом вспоминать свои утренние действия, но ей по-прежнему казалось — все было выполнено, как нужно. В конце концов женщина успокоила себя воспоминаниями о прежних подобных случаях, когда она была уверена в одном, в том, например, что положила ключи на тумбочку, а потом все-таки вспоминала обратное.

Милославская потянула вниз щеколду и толкнула калитку. Скрипнув, она все-таки послушно отворилась, впустив хозяйку внутрь двора. Там все было так же, как и утром, когда гадалка покидала свое жилище. Дремали, прикрыв к вечеру чаши цветов, гладиолусы. Легкий ветерок слегка покачивал болтающееся на веревке махровое полотенце. Окинув беглым взглядом двор, Яна вздохнула с облегчением, потому что какое-то тревожное чувство поселилось в ее сердце, когда она увидела незапертую калитку.

Как только Милославская сделала несколько шагов, она услышала, как что-то тихонько скрипнуло. Звук доносился из дальнего угла двора, оттуда, где находился небольшой сараюшка. Краем глаза Яна увидела приоткрытую дверь сарая. Его она никогда не запирала, так как ничего ценного в нем не содержала, но калиточку, ведущую в него, всегда притворяла весьма плотно. Гадалка насторожилась еще больше. По-видимому, смутное чувство, недавно возникшее в ее душе, не было напрасным и случайным.

Яна предположила, что там кто-то прячется. Первое подозрение пало на поклонников цветных металлов, которые последнее время более, чем

старательно, прочесывали чужие бани, сараи и другие подсобные помещения, в которых могли храниться баки, тазы, ведра и тому подобное. Однако, вору такого рода обычно орудовали по ночам, опасаясь внезапного появления хозяев. Тем более, они обычно предварительно выясняли, кто живет там, где они собираются побывать в ближайшее время. Естественно, что наличие огромной овчарки, имеющей такую добрую славу, утаить трудно. Поэтому, обдумав все буквально в течение нескольких секунд, гадалка отказалась от этой версии.

То, что пришло ей в голову после этого, заставило ее по-настоящему содрогнуться, поскольку случаи покушения на Милославскую во время проведения ею того или иного расследования имели место быть. Вспомнив, что Джеммы нет рядом, Яна поняла: надеяться надо только на себя и в случае чего, ей придется защищаться без чьей-то помощи. Безусловно, это было чем-то близким к фантастике, так как предполагая в лице противника увидеть мужчину, не трудно было представить, чьи силы перевесят в схватке. Все-таки, несмотря на данную ей свыше таинственную силу, Милославская продолжала оставаться прежде всего женщиной, по-своему слабой и беззащитной.

Собравшись духом, гадалка хрипло крикнула:

— Эй, кто там?

Никто не отозвался, во дворе по-прежнему стояла тишина, слышалось только шуршание листвы, которую теребил неугомонный ветерок. Сначала Яна подумала, что скрип и все остальное ей только померещилось. Причиной этому вполне могла быть чрезмерная усталость. Однако, такое чувство тревоги, которое Милославская ощущала сейчас, никогда не возникало в ее душе не с того, не с сего. Поэтому женщина сделала пару шагов в направлении сарая и более смелым тоном (удавалось ей это с огромным трудом) повторила вопрос:

— Э-эй! Кто там?

Вдруг, очевидно, от удара ноги, дверь сарая внезапно отворилась. Она с грохотом ударилась о стену, едва совсем не слетев с петель. Вслед за этим из непроглядной темноты маленького, без окон, помещения выскочил неизвестный мужчина. Опасаясь быть узнанным, позже или сейчас, он натянул прямо на лицо черную бейсболку, козырек которой не позволял видеть даже подбородок. Вряд ли сам мужчина что-то видел, но даже наугад он двигался верно — в направлении Яны.

Милославскую охватил ужас. Состояние это было настолько парализующим, что даже кричать она не могла. Женщина просто застыла на месте, не только не находя сил хоть как-то сопротивляться, но и вообще

бежать прочь со двора. Калитка осталась открытой настежь, поскольку гадалка планировала через несколько минут пойти за Джеммой. В этот момент Милославская стояла и думала, как опрометчиво она поступила, зайдя прежде домой. Однако, положение уже нельзя было исправить.

Незнакомец вооружился ломом, который, по-видимому, захватил в сарае, когда из него выскакивал. Скорее всего, он планировал появиться позднее и действовать какими-то другими методами, но скрипнувшая дверь подвела его, да и вопросы бдительной женщины тоже. Возможно, он хотел напасть на беззащитную жертву тогда, когда она войдет в дом, поскольку в этом случае криков не смогут услышать соседи. Там даже лом ему не понадобился бы. Хотя, возможно, он имел какое-нибудь оружие, просто звуки выстрелов дворе могли привлечь всеобщее внимание. Впрочем, все это были только предположения Милославской, ее мысли, с молниеносной скоростью пронесившиеся в голове.

В несколько прыжков незнакомец преодолел половину расстояния до Яны. Он был высокий, широкоплечий, с какими-то огромными ручищами. Делая крупные шаги, он невольно сотрясал ломом, который в этот момент казался просто соломинкой, поскольку для этого сильного мужчины не являлся тяжестью.

Милославская опомнилась, наконец, и сделала несколько шагов назад. «Помогите,» — еле слышно прошептала она, оглядываясь по сторонам в поисках предмета, могущего хоть сколько-нибудь противостоять лому. Сердце Яны билось настолько сильно, что, казалось, оно может выпрыгнуть наружу.

В момент, когда до перепуганной женщины оставалось буквально два шага, незнакомец резко замахнулся на нее ломом. Яна в ужасе вытянула перед собой руки, как будто это на самом деле могло защитить ее. Она зажмурила глаза так, что множество черных мушек стало разбегаться в разные стороны.

Трепеща, Яна ждала, когда же сокрушительный удар обрушится на ее голову. Миновала секунда, другая, третья... Однако, все оставалось по-прежнему. Милославская, не опуская рук, приоткрыла глаза. Лом, видимо в тот момент, когда мужчина намеревался применить свое незамысловатое оружие, неожиданно зацепился за то самое махровое полотенце, которое гадалка, как оказалось, к счастью, вывесила во двор. Полотенце было довольно большим, широким, и когда оно упало, то практически до пояса накрыло потенциального убийцу. Пытаясь выбраться из непредвиденного плена, он начал размахивать руками, но запутывался еще больше. Это происходило до тех пор, пока лом, наконец, не выпал из рук незнакомца.

Оглушительно лязгнув одним концом о землю, вторым он опустился прямо на ногу обидчику. Тот дико взвыл от боли и, инстинктивно наклонившись, схватился за ногу.

В этот момент раздался пронзительный лай и Джемма, в одно мгновение преодолев невысокий забор между домом соседки и огородиком Милославской, ворвалась во двор. Как произошло, что она вовремя подросла, было непонятно. То ли она все это время находилась в соседнем дворе, то ли, почувствовав неладное, собака стала проситься на улицу. В любом случае, теперь это не имело уже никакого значения, главное — помощь пришла.

Мужчина скинул, наконец, с себя злополучное полотенце, но, увидев, разъяренную овчарку, стремящуюся к нему навстречу, он опрометью бросился прочь, в открытую калитку, на ходу успев захлопнуть ее за собой. Джемма, увидев это, выпустила когти, что позволило ей затормозить и избежать удара о калитку. Она иступленно завывала, пытаясь просунуть морду в узкий прогал между дверью и землей, но ее огромное, по собачьим размерам, тело не пролазило в эту щель.

— Джемма, ко мне! — в ужасе крикнула Яна, опасаясь, что загнанный в тупик преступник начнет отстреливаться.

Собака даже не глянула на хозяйку, продолжая пытаться вырваться на улицу.

— Джемма! — Милославская подошла к собаке и потянула ее за ошейник.

Овчарка встала на задние лапы и стала передними с силой царапать калитку, не прекращая громкого лая. Гадалка, понимая, что если бы мужчина хотел обороняться, он бы давно уже это сделал, осторожно приподняла щеколду, продолжая удерживать Джемму. Яна выглянула на улицу — незнакомец скрылся. Собака рвалась в погоню, но Милославская решила не отпускать ее, потому что та в порыве бешенства могла просто загрызть обидчика своей любимой хозяйки, сил на это у нее вполне хватало.

— Джемма, успокойся! — закричала в очередной раз Милославская.

На крики и лай из соседнего двора выбежала тетя Даша, которую мало что в жизни вообще могло напугать. Увидев Яну, с трудом удерживающую собаку, она кинулась ей на помощь. Соседка гадалки была женщиной полной, грузной, и когда она переваливалась с ноги на ногу, ее пышное тело колыхалось под запачканным передником, который тетя Даша снимала, наверное, только на ночь.

— Ой, господи! Ой, господи! — задыхаясь, твердила она. — Что

творится на белом свете?! Что такое? Что случилось?

Пожилая женщина была похожа в этот момент на клушку, кудахтающую вокруг своих цыплят. Джемма постепенно начинала успокаиваться, хотя ее внешний вид и говорил о чрезвычайном возбуждении.

— Предупреждала я тебя, — тетя Даша погрозила Яне пальцем, — что не надо заводить такую большую собаку!

— Да она мне жизнь сейчас спасла! — поглаживая Джемму, взволнованно воскликнула Милославская.

— Как? Какую жизнь? — соседка всплеснула руками.

— Мою-у! — обессилив, гадалка опустила на корточки и облокотилась на овчарку.

— Как? Что? Почему? — затараторила тетя Даша.

— Я сама не могу ничего понять, голова кругом идет от всего этого, — вздохнула гадалка.

— Что же все-таки случилось?

— На меня напали! — Яна сделала резкий разъяряющий жест рукой.

— Кто?

— Если бы я знала!

— Да ты бледная вся, — ахнула женщина, — пойдем скорей ко мне, тебе надо успокоиться, милицию вызовем!

— А вот милиции не надо! — возразила Милославская. — Справлюсь как-нибудь сама.

Она прекрасно понимала, что в этом случае начнутся расспросы, результаты которых могут повредить делу и Щербакову тоже.

Тетя Даша потянула Яну за рукав в сторону своего двора, и та, находясь в полной растерянности, последовала за ней. Вслед за хозяйкой послушно засемила и Джемма. Она часто дышала, не в силах успокоиться после столь волнующего происшествия.

Женщина стала с искренней заботой ухаживать за ней: налила горячего травяного чаю, имеющего успокаивающий эффект, дала пару таблеток валерианки и принялась расспрашивать о всех подробностях внезапного нападения. Выслушав, тетя Даша долго что-то бормотала о воровстве, дошедшем до полного беспредела, о разгуле преступности, о вольном поведении бандитов и так далее, но Милославская слышала эти слова, как какое-то далекое эхо, потому что глубокие раздумья о причинах произошедшего полностью занимали ее сознание.

Яна понимала, что нападение неслучайно, что это не просто мелкий воришка. В том сарае, из которого он выскочил, ценного не было ничего

абсолютно. Скорее всего, мужчина там просто прятался, дожидаясь ее. А, судя по произошедшему, он жаждал ее увидеть отнюдь не для светской беседы.

Самой вероятной причиной нападения могла быть невыгодная кому-то активность Яны в расследовании дела об исчезновении пистолета Щербакова. Произошло, конечно, не самое приятное, но это шокирующее происшествие говорило о том, что гадалка на верном пути, и дело идет к развязке.

Как только гадалка начинала размышлять о возможных подозреваемых, в ее в сознании невольно возникал образ Листопадова. Однако, останавливаться только на этой версии Яна не желала, поскольку «Опель-Фронтера», его хозяин, которому была дана не самая положительная характеристика, не давали ей покоя, да и в качестве подозреваемых эти дельцы криминального мира, честно говоря, подходили гораздо больше.

— Зря ты милицию не хочешь вызывать, — щебетала тетя Даша, крутясь вокруг плиты, на которой что-то кипело, — как ночевать-то будешь? Не страшно?

На самом деле, трусливая от природы тетя Даша вряд ли дала бы повториться шокировавшему ее событию. Скорее всего, она предполагала провести ночь возле телефона, в полной боеготовности и способности набрать в случае чего небезызвестный номер — 02. Однажды кто-то из жителей улицы пожаловался на кажущийся или реальный грохот, раздавшийся ночью в его дворе. На следующий же вечер женщина вооружилась огромной деревянной кувалдой и, всю ночь не сомкнув глаз, просидела у двери, хотя та была заперта на несколько замков.

— Не-ет, — задумчиво протянула Милославская, — когда он выскочил, я, естественно, от неожиданности напугалась, а сейчас я в порядке, не переживайте.

— А ты этому-то своему, Руденке, звякни, пусть приедет, по-свойски организует защиту, охрану и так далее. Или сам заночует! — соседка игриво подморгнула Яне. — А что? Коли не хочешь официального заявления делать.

— Позвонить-то я ему, конечно, позвоню... — гадалка поджала губы. — Проблема лишь в том, что только что расстались, я его из семейного очага вырвала.

— Какой у мильцанеров, оча-аг! — пренебрежительно махнула рукой тетя Даша. — Тем более, Руденка, если я не ошибаюсь, тебя-то уж готов и днем, и ночью защищать, — женщина непреднамеренно коверкала

фамилию Яниного друга.

— Бросьте вы ерунду говорить! — Милославская от негодования встала. — Мы всего-навсего друзья! Ладно, тетя Даша, спасибо вам за гостеприимство, я пойду.

— Ой, милая моя, боюсь я за тебя!

— С Джеммой мне ничего не страшно! — гадалка потрепала по шерсти собаку, которая ревностно следила за происходящим, сидя у порога.

Допив ароматный чай, экстрасенс двинулась к двери, на ходу пытаясь убедить тетю Дашу, что переживать ей не о чем. Джемма, казалось, понимала, о чем идет речь и была готова отдать жизнь за свою хозяйку, если это понадобится.

Милославская не смогла пройти по собственному двору, не испытав неприятное чувство боязливости, опаски. Невольно она покосилась на сарай. Там было все спокойно, но Яну все равно посетила мысль в ближайшие же дни избавиться от этого бесполезного строения. Собака тоже посмотрела в ту сторону и недовольно предупреждающе зарычала.

Экстрасенс поднялась по ступенькам, ведущим в дом, и надавила на дверь. Она была заперта. Значит, в ее жилище проникнуть или не пытались, или просто не успели, так как явилась хозяйка. Яна нащупала на дне сумки ключ и вставила его в скважину. Рука дрожала, поэтому желаемое действие, удалось осуществить не сразу. Вообще, Милославская была не из трусливых. При расследовании различных дел ей нередко приходилось рисковать собственной жизнью. Этот риск порой был очень велик, поскольку итоги расследования могли затронуть интересы людей весьма серьезных и даже опасных. Однако, внезапное нападение замаскировавшегося рослого мужчины, укрывшегося в родном Янином дворе, не на шутку ее взволновало. Прежде всего, его появление здесь означало то, что за гадалкой следили, выясняли, где она живет, с кем, когда бывает дома и чем вообще занимается. Кто-то очень хотел либо избавиться от нее, либо хорошенько напугать, заставив напрочь забыть о пропавшем пистолете.

Яна сняла с уставших, отекавших ног туфли, небрежно отодвинула их в сторону и попросила Джемму принести тапочки. Та была рада в чем бы то ни было услужить хозяйке, так как видела, в каком состоянии она находится. Милославская, шаркая ступнями о пол, побрела в кухню. Собака же растянулась вдоль порога, давая понять, что Яна теперь может быть совершенно спокойной и не беспокоиться о подстерегающей опасности, поскольку в доме есть существо, готовое оберегать ее покой круглосуточно.

Гадалка стала варить кофе, чтобы насладиться им после душа, который она сейчас собиралась принять. Помешивая содержимое джезвы, женщина курила и, сосредоточенно размышляя, смотрела в одну точку. Смутные чувства, беспокойные мысли, прыгали в голове, сбивая друг друга, как многочисленные маленькие непослушные мячики. Пепел падал с сигареты прямо на пол, но Милославская этого не замечала. Даже кофе, при приготовлении которого экстрасенс всегда была невероятно внимательна, едва-едва не убежало.

Яна не стала наливать напиток в чашку, не желая пить его совсем остывшим. Она прикрыла джезву небольшой крышечкой и отправилась в ванную. Здесь всегда гадалку посещало чувство какого-то умиротворения. Даже сама обстановка комнаты вызывала положительные эмоции. Кафель был подобран в тон с сантехникой, которую женщина всегда держала в порядке. Ванная здесь всегда сверкала, поэтому погружаться в нее было вдвойне приятно. От небольших зеркал с подсветкой исходил приятный, таинственный, успокаивающий свет, отражающийся в десятках керамических блестящих плиток. Милославская открыла кран душа, и из лейки брызнули ошалевшие, настойчивые струи горячей воды. Она скинула с себя надоевшую за день одежду и, закрыв глаза, предалась одному из любимых своих занятий.

* * *

Плед, мягкий, необыкновенно нежный, легким облаком опустился на ноги Милославской. Она еще не остыла после душа, и неприятный холодок бегал по телу, хотя и в доме, и на улице было более чем тепло. Впрочем, это было вполне объяснимо: организм по-своему реагировал на нестандартную ситуацию.

Рядом, на тумбочке, стояла чашечка кофе, который еще дымился. Сделав глоток, Яна взяла в руки колоду, находящую здесь же, и стала тусовать ее, пытаясь добиться внутреннего равновесия. Сотни, даже тысячи вопросов мучали ее, но ни один из них не находил ответа. Поэтому выходом из положения в какой-то степени мог стать очередной сеанс гадания. Экстрасенс положила колоду рядом и вопрошающе посмотрела на нее, сомневаясь, стоит ли этим лишать себя последних сил. Она прекрасно понимала, что чем более усталой и изможденной она была, тем менее энергии и, следовательно, способности к таинственной деятельности в ней существовало.

Милославская еще раз прокрутила в сознании свои предыдущие шаги. Ей они казались верными, вполне логичными. Будущее же было покрыто мраком тайны. В принципе, гадалка почти не сомневалась в удачном исходе дела. Однако, знание того, что таится в недалеком будущем, могло приоткрыть завесу тайны, подсказать дальнейшие шаги, возможно, попытаться предупредить несчастье и так далее. Последнее в связи с недавним происшествием было особенно актуально. К тому же оно заставляло максимально сжать предполагаемые сроки расследования, взять себя в руки, сконцентрировать волю и действовать. Именно поэтому из всей колоды Милославская выбрала карту «Взгляд в будущее».

Символы, изображенные на этой карте, были одними из самых таинственных. На вершине большого земного шара находился глаз, устремляющий взгляд в неизвестное, которое символизировало космическое пространство, полное загадочных планет, звезд и так далее. Из зрачка необыкновенного глаза конусом выходил луч и, устремляясь в будущее, нес человека к его тайнам.

Яна смотрела на карту и думала о том, что ей очень точно удалось знаками изобразить магическую сущность этого кусочка картона. Милославская накрыла его ладонью и закрыла глаза. Она не могла сразу сконцентрировать внимание, потому что переизбыток информации и событий дня, мешал сделать это. Гадалка вспомнила одно очень простое аутотренинговое упражнение, к которому иногда прибегала, тогда, когда еще и знать не знала, что откроет в себе такие необыкновенные способности.

Она расслабила кисти рук, затем все руки, потом попыталась то же самое проделать с ногами. Через несколько минут гадалка практически не чувствовала своего тела. Ей было легко и хорошо. Приятное тепло разливалось по всему организму. Яна вторила: «Тепло. Мне тепло. Тепло ручейком бежит по ногам, по рукам. Я его чувствую внутри себя.» Теперь оставалось только абстрагироваться от всех посторонних чувств и мыслей, которые могли быть помехой предстоящему процессу: забыть про незванного гостя, про его нападение, про бытовые проблемы и прочие мелочи жизни. Это Милославской удалось сделать без особого труда, не только потому, что к психотренингу она стала прибегать уже давно, но и потому, что гадание на картах научило ее брать в себя в руки, владеть своим организмом всецело, управлять им так, как ей того в нужный момент хотелось. Конечно, порой определенный барьер не удавалось преодолеть, но все-таки в большинстве случаев исход таинственной процедуры был положительным.

Гадалка сконцентрировала внимание на кисти той руки, которая лежала на карте. Пальцы невольно подрагивали. Где-то в середине ладони пульсировало, как будто именно там находилось сердце. Яна «прислушивалась» к собственным ощущениям. В один момент ей показалось, что она, наконец, начала чувствовать долгожданное тепло, но потом Милославская поняла: тепло возникло от соприкосновения ее тела с пледом, который всегда согревал очень быстро.

Экстрасенс попыталась сформулировать конкретный вопрос, ответ на который она хотела бы получить, общаясь с картами. Однако мысли путались, и ничего стоящего не приходило ей в голову. Тогда Милославская начала просто твердить еле слышно, но вслух: «Будущее. Каково будущее истории исчезновения пистолета Андрея Щербакова? Как будут развиваться события? Или каков будет их финал?»

Как только Яна довольно ясно изложила суть своих чаяний, в ладони затеплело. Это ощущение было все явственней и явственней, пока, наконец, какая-то пелена не заволочла глаза. Пелена постепенно превратилась в большое красное пятно. От него исходило тепло. «Что это?» — твердила про себя экстрасенс. Пятно, застилающее все, стало удаляться. Оно уменьшалось до тех пор, пока Милославская не поняла, что это просто лужа крови, теплой, еще не остывшей.

Гадалка не могла понять, чья это кровь. Сначала ее охватило чувство ужаса, так как сама собой напрашивалась мысль о том, что, не сумев расправиться с ней, убийца отправился к Щербаковым и там осуществил свой чудовищный замысел. Потом Яна предположила, что видит саму себя, и это шокировало ее еще больше. Но вскоре стало возможным увидеть очертания тела, из которого ручейком вытекала кровь. Тело, скорее всего, принадлежало мужчине. Мужчине рослому, крупному, широкоплечему.

Милославская восстановила в сознании образ Щербакова — нет, он был среднего роста. А этот — настоящий здоровяк. Следовательно, видение представило ей ни ее саму и ни ее клиентов. С одной стороны, можно было вздохнуть с облегчением, с другой — возникла необходимость всерьез задуматься о том, чья смерть могла быть следствием исчезновения пистолета и его поисков.

Труп лежал вниз головой, поэтому лица рассмотреть не удалось. Но силуэт, который с каждой минутой становилось все лучше и лучше видно, не казался ей знакомым.

Картина, неподвижно стоявшая в воображении Милославской уже несколько минут, вдруг неожиданно сдвинулась с места. Казалось, это она сама идет вперед и осматривает окрестности. Однако, Яна чувствовала, что

ее присутствия там в тот момент быть не могло. Просто карта давала полный ответ на поставленный гадалкой вопрос.

Буквально в трех метрах от первого трупа лежал еще один. Он находился на полу. Ноги были как-то неестественно вытянуты вперед, руки раскинуты в разные стороны, голова запрокинута назад, глаза и рот открыты. Но голова опиралась на какой-то предмет, и Яна, для которой была важна каждая деталь, попыталась разглядеть его. Таинственным предметом оказалось кресло, очень старое, потертое, с ободранными подлокотниками и рваной обивкой. Все оно было какое-то засаленное, в пятнах, напоминающих мазутные. Скорее всего, мужчина сидел на нем и, испугавшись внезапно ворвавшегося убийцу, резко встал с места, но был уничтожен на месте.

Милославская, наконец, сконцентрировала внимание на окружающей обстановке. Скорее всего, местом действия являлся какой-то гараж или что-то вроде этого, поскольку пол был бетонным, стены тоже, кругом валялись всякие железки, но орудием убийства стали не они, а, вероятнее всего, огнестрельное оружие, поскольку на запрокинутой голове неизвестного зияла черная дыра, которая обыкновенно остается после выстрела в упор.

Это ранение было не единственным, и, кроме головы, убийца стрелял еще и в сердце. По всему было видно, что орудовал профессионал, киллер. Второго убитого Милославская тоже не знала и раньше никогда не видела, поэтому она находилась в полном недоумении и не понимала, как видимое ею связано с исчезновением щербаковского оружия.

Эти два эпизода продержались в воображении достаточно долгое время, и Милославская могла не только видеть, но и, наблюдая, размышлять, строить предположения, делать выводы. Зато в следующие минуты видение стало похожим на киноплёнку, прокручиваемую в ускоренном режиме. Перед взором гадалки мелькнули еще несколько трупов, убитых тем же методом: двумя выстрелами — в сердце и контрольным, в голову. Последний из убитых находился вне помещения, на улице. Он лежал вниз головой, с вытянутой вперед рукой, в которой был пистолет. По-видимому, мужчина собирался им воспользоваться, но не успел. Этот человек либо находился в момент произошедшего на улице, либо пытался бежать, когда по другим стреляли. Но убийцами все, вероятно, было продумано до мельчайших деталей, поэтому они никому не дали уйти. Во всяком случае, Милославская так считала. Она просто интуитивно предчувствовала это.

Вокруг здания, серого, заброшенного, густым непроходимым лесом стояла высокая лебеда. Она росла себе свободно с того самого дня, как

весной ее ростки пробились сквозь землю навстречу солнечным лучам. Только к гаражу была протоптана тропинка, поскольку здесь, наверное, довольно часто бывали посетители. Они приминали ногами сначала маленькие, а потом и подросшие с течением времени стебельки травы, но не вырывали ее, не выпалывали. Это было видно даже не сведущему в садово-огородных делах человеку.

Кому-то эти детали могли показаться ерундой. Кому-то, но не Милославской. Она запоминала каждую мелочь, поскольку в видениях ничего случайного не было. Так высокая лебеда, например, говорила о том, что данная местность заброшенная, но ее часто посещают с неизвестной целью какие-то люди.

Вся таинственная территория была обнесена высоким бетонным забором. Вряд ли она являлась частным владением. Скорее всего, наоборот, относилась к заброшенной государством базе, промышленной, туристической или еще какой-нибудь.

Вдруг видение стало угасать, тепло в ладони с каждой секундой ощущалось все меньше и меньше. И неожиданно в эти последние моменты где-то в непроглядной тьме сознания замерцали вновь те черные жирные цифры, которые из одного из предыдущих видений Яне уже были знакомы. Цифры, которые гадалкой при посредстве Веры Щербаковой были определены как номер пропавшего пистолета. Они появлялись одна за другой, задерживаясь буквально на несколько секунд, и уходя в никуда, покрытое мраком тайны.

Экстрасенс была просто обескуражена увиденным. Между тем тьма, застилавшая глаза, рассеивалась, озвояя женщине вернуться к реальности. Милославская поняла, что «Взгляд в будущее» на этом закончен. Впрочем, карта итак достаточно хорошо поработала. Хотя ответы на вопросы и не были найдены, прояснилось по крайней мере, с чем придется столкнуться в недалеком будущем. До этого Яна никакого кровопролития не предвидела и, честно говоря, неизбежно грядущие события ее огорчили. Трудно было представить себе, как судьба оружия несчастного рядового участкового инспектора может быть связана со столь громким преступлением. А она, безусловно, связана с ним была, поскольку в противном случае эти цифры не замелькали бы в финале видения. Да и вопросы гадалки, обращенные к карте, были сосредоточены вокруг именно исчезновения пистолета. Во всем этом обязательно нужно было разобраться, и как можно скорее.

Самое страшное, что приходило в голову — убийство было совершено из потерянного пистолета. В таком случае участь не только Андрея Щербакова, но и всей его семьи, мягко говоря, оставляла бы желать

лучшего. Милославская всегда старалась придерживаться оптимистических взглядов и веры в удачный исход начатых ею дел, но, тем не менее, она понимала, сколь губительным может оказаться бездействие.

Именно поэтому первое, что Яна планировала сделать, окончательно придя в себя, — позвонить Руденко и рассказать ему об «увиденном», ну и, конечно, о недавно с ней произошедшем. Милославская лежала на кровати с закрытыми глазами. Она не торопилась вставать, поскольку знала, как лучше восстановить утраченные силы. Сегодня после гадания на душе у гадалки было как нельзя хуже. Картины кровавой расправы оставили после себя отвратительный, черный след.

Экстрасенс вообще всегда тяжело переживала подобные видения, так как по силе воздействия на эмоции они были равноценны реальному присутствию на месте событий. Только здесь отвратительное чувство усиливалось еще и практически полным истощением запасов энергии в организме. Поэтому ощущалась двойная тяжесть — физическая и душевная.

Через некоторое время Милославская приоткрыла глаза. Она еще долго лежала так, не двигаясь, только размышляя об увиденном, произошедшем, и строя планы дальнейший действий. Джемма, заметив, что ее хозяйка ничем серьезным не занята, подошла поближе и стала вопрошающе смотреть на нее, как бы пытаясь угадать, чем может угодить пострадавшей за день Яне. По-видимому, собака была не голода, поскольку в таких случаях взгляд ее обычно бывал другим — умоляющим, а порой и настойчивым. С благодарностью приняв взор, исполненный сочувствия, Милославская погладила Джемму и одобрительно похлопала ее по спине.

— Умница, ты у меня сегодня, как и всегда, — умница! — с какой-то материнской интонацией протянула она.

Овчарка, обрадованная признанием ее очевидных заслуг, энергично завиляла хвостом и залезла передними лапами на кровать, мордой уткнувшись в грудь Яны.

— Ну-ну, это что за безобразие! — полушутя-полусерьезно воскликнула гадалка. — А ну-ка, не расслабляться! Не стоит излишне расслабляться и мне, — добавила она, подумав, и поднялась, чтобы сесть.

Голова немного кружилась, но в целом свое состояние Милославская оценивала, как вполне пригодное для жизни. Она помассировала указательными пальцами виски и протянула руку к телефону. Яна на минуту задумалась, с чего же начать разговор. Эмоции переполняли ее, и, казалось, начав разговор, она не сможет остановиться. Еще бы! Чего только

стоит описать все свои чувства, вызванные дерзким нападением! Потом надо поделиться своими соображениями на этот счет, поспорить с мнением Руденко (сразу прийти к согласию удавалось исключительно редко)! Ну и, естественно, поведать Семену Семенычу о предостерегающем видении. Убедить его в необходимости действовать, основываясь на этой, не слишком правдоподобной, истории, являлось самым трудным. К тому же нельзя было забывать, что разговор — телефонный, и растягивать беседу на длительное время.

Понадеявшись на собственный дар красноречия и умение убеждать, Милославская все же набрала номер домашнего телефона приятеля.

— Алло, — слышался как всегда радушный голос Маргариты Ивановны.

— Маргарита Ивановна, это Яна Борисовна вас опять беспокоит, — виновато протянула гадалка.

— Яночка? — удивилась женщина. — Что-то случилось?

— Нет-нет, — поспешила успокоить Милославская встрепенувшуюся супругу своего друга, потому что та всегда была излишне восприимчивой, чувствительной и эмоциональной. После какого-нибудь волнующего известия, даже того, которое ее абсолютно не касалось, она несколько дней лежала с повышенным давлением. — Пригласите Сему. Я ему кое-что сообщить забыла.

Гадалка кашлянула, потому что она лгала только в исключительных случаях, так сказать, во спасение, и замаскировывать это ей не удавалось. Так же произошло и сейчас.

— Что-то неладное я подозреваю... — хитро протянула Маргарита Ивановна. — Вы забелели Яна? Вы в опасности? Признавайтесь!

— Нет-нет, что вы! — Яна засмеялась, но это у нее вышло как-то неестественно.

— А голос у вас дрожи-ит! — стояла на своем женщина. — Ладно, даю вам вашего Сему! — наконец, уступила она.

Потом слышались протяжные возгласы Маргариты Ивановны, разносящиеся по квартире, и — вслед за ними — отборный мат, обильно льющийся из уст Руденко. Как оказалось, он успел задремать, и настойчивый зов жены заставил его оторваться от самой, наверное, приятной процедуры на свете.

— Яна! Яна! — бурчал он, подходя к телефону. — Сумасшедшая эта Яна, что я еще могу сказать! Поди-ка опять что-нибудь привиделось. Надоели мне эти ее фантазии, черт бы их побрал!

Затем слышался громкий, оглушительный зевок, от которого,

казалось, могла разорваться телефонная трубка, и Три Семерки сердито рявкнул:

— Слушаю!

— Сема, готовься, разговор будет долгим и трудным, — настойчиво проговорила Милославская.

— Я-ана Борисовна! Имей совесть! Ночь на дворе, а у нее какие-то разговоры! Все тебе нейдет! Сожгу я как-нибудь эти твои картонки дурацкие к той-то матери!

Семен Семеныч изобразил притворные безутешные рыдания человека, попавшего в безвыходное положение, но трубку все-таки не бросал, подсознательно, наверное, чувствуя, что подруга звонит по серьезному поводу. Понимая, что иным способом успокоить гнев Семена Семеныча просто невозможно, Милославская решила сразу выложить ему самое главное.

— На меня совершенно нападение, товарищ Руденко!

— Ка-акое еще нападе-ение?... — позевывая, протянул Три Семерки с интонацией, которая подсказывала, что он ни единому слову подруги не верит.

— Обыкновенное! Рослый мужчина, лица которого я не видела, накинулся на меня с железным ломом, и, наверное, ему удалось бы им воспользоваться, если бы не полотенце.

— Какой лом?! Какое полотенце?! — неистово заорал старлей. — Твои видения и раньше были похожи на фантазии сумасшедшего, а сейчас это и вовсе сущий бред!

— Сема-а! Успокойся! — Яна еле-еле перекричала Руденко. — Я говорю о реальных событиях! Стоило мне только войти во двор, как все и произошло!

— Боже мой! Ты меня когда-нибудь с ума сведешь! — Семен Семеныч на минуту задумался, а потом пробурчал: — Ни черта не понимаю!

По-видимому, рядом стояла Маргарита Ивановна, которая докучала и без того озлобленному и озадаченному старлею вопросами, потому что он вдруг возопил:

— Иди-и-и спа-ать!

Милославская уже пожалела о своем звонке приятелю, поскольку не знала, как теперь его успокоить и все-таки ввести в курс дела. Ей тоже пришлось перейти со спокойного тона на крик, и только тогда Руденко начал всерьез прислушиваться к ее словам, ведь Яна Борисовна исключительно редко повышала голос, тем более на столь закадычного друга.

— А теперь слушай меня! — четко выговорила она, когда Руденко, ошарашенный таким нетрадиционным поведением подруги, замолчал.

Милославская стала рассказывать все по порядку, с того момента, как она покинула машину приятеля, до того, как Джемма перепрыгнула забор, и преступник бежал. Семен Семеныч сначала слушал, боясь, что Яна рассердится еще более, потом он понял всю серьезность и подлинность произошедшего и сосредоточенно внимал словам Милославкой, стараясь не упустить ничего важного.

— Ничего себе мультик! — ахнул он, когда гадалка закончила. — Женщину спасает полотенце... Хоть кино снимай!

— Да не полотенце меня спасло, а Джемма! — обиженно возразила Яна.

— Джемма! Джемма! — передразнил Руденко. — Если б он не запутался в этой тряпке, ей пришлось бы выть над твоей проломленной головой!

— И все-та...

— Нет-нет, — перебил подругу Семен Семеныч, — я не собираюсь умалять ее роли в этом эпизоде, но все-таки в данном случае молиться тебе надо именно на полотенце.

Три Семерки задумался и, перебирая пальцами, стучал по столу.

— Так... — наконец, многозначительно произнес он. — Я сейчас приеду.

— Что ты! — искренне возразила гадалка. — Не надо!

— Как не надо?! Ты не понимаешь, в какой ты опасности?

— Не думаю, что он вернется, — Яна вздохнула, — ведь Джемма подняла такой переполох! Если планировалась и вторая попытка убийства, то вряд ли опять во дворе моего дома. К тому же, мой верный пес начеку, да и всевидящее око соседки тоже!

— Но я настаиваю! — сделав особое ударение на последнем слове, протянул Семен Семеныч.

— Но я тоже! — с той же интонацией произнесла Яна. — В этом вопросе точка поставлена.

— Ну давай хоть сотрудника дежурить приставим. Неофициально.

— Я же сказала: точка в этом вопросе поставлена.

— А, ну тебя, вас женщин не переубедишь! — сдался Три Семерки.

— Вот-вот, — обрадовалась гадалка, — тем более у нас есть повод для более целесообразных действий.

— О боже! — возопил Руденко. — Какой еще повод?! Какие еще действия?!

Милославская выпалила на одном дыхании все, что явило ей видение, не давая приятелю вставить ни слова. Тот, видимо, был обескуражен столь шокирующей информацией, поскольку, когда Яна закончила, не стал, как обычно, с ходу убеждать ее в необоснованности сказанного. Воспользовавшись временным замешательством Семена Семеныча, гадалка выпалила:

— Сема, учти: здесь пахнет жареным! Очень жареным, Сема, очень крупным! Быть может... быть может, это твой шанс, товарищ старший лейтенант. Подумай — если оружие, кража которого, как оказывается, связана с дерзкими убийствами, найдешь ты, госпожа Служебная Лестница позволит тебе подняться на новую ступень.

— М-да... — многозначительно протянул Руденко.

— Сема, у вас сын подрастает... — Милославская знала, что к этой реплике Руденко не останется равнодушным.

— Что ты хочешь, я не могу понять?!

— Действовать надо, Семен Семеныч, де-ействовать! — Яна размахивала руками, как будто Руденко, на самом деле находился рядом.

— Де-ействовать! — передразнил три Семерки. — Нашла время! Да я в семейных трусах стою! Ночь на дворе!

— В этом обмундировании я тебя никуда и не посылаю, — Яна подоброму засмеялась, — ночь тебе дается на размышления. Обдумай, что делать и с чего начать. Местность я тебе описала во всех подробностях. Может у вас в милиции какая-то информация имеется о притонах такого типа. Я ваших каналов, в общем не знаю, но они есть, это точно, и ты хорошо осведомлен, как ими надо пользоваться.

— А спать когда? — как-то по-детски глупо протянул Руденко.

— Вот как план действий обдумаешь, так ложись на бочок и спи спокойно, Сема, — тоном заботливой матери произнесла Милославская, — и чем быстрее ты сообразишь, тем больше времени останется на приятные сновидения! Вот так, — гадалка вздохнула.

— Какие уж тут приятные! — воскликнул Три Семерки. — После твоих-то рассказов!

— Значит такова твоя печальная доля, Сема.

— Ой, мама! Ой, не могу! — притворно зарыдал Семен Семеныч.

— Мужайся, товарищ старший лейтенант. Завтра созвонимся, — после этих слов Яна повесила трубку, боясь, что Руденко найдет повод для возражений.

Всю ночь Семен Семеныч проворочался с боку на бок. Сначала он вспомнил поговорку: «Утро вечера мудренее» и решил отложить все раздумья на утро. В его сознании даже всплыл образ Скарлетт, любимой героини Маргариты Ивановны. Он представил, как Скарлетт весело произносит: «Я подумаю об этом завтра!», — и с головой накрылся одеялом. Но мысли, как кусачие осенние мухи, назойливо лезли в голову. Несколько раз Руденко отмахивался от них, чертыхался, начинал в уме считать овец в визуальном стаде. Он следовал совету неизвестного мудреца, полагающего, что это может помочь заснуть. Кому как, а старшему лейтенанту это средство никак не помогало. Убедившись в тщетности своих попыток, Три Семерки начал проклинать Яну, выведшую его из равновесия. Несколько раз наградив нелитературными словами таинственный дар Милославской, он присел на кровати и задумался.

Маргарита Ивановна уже похрапывала, на выдохе как-то странно посвистывая. Разозленный Три Семерки неласково толкнул ее локтем в бок, подумав про себя: «Какие же все бабы вредные существа!», — и пошел на кухню, чтобы закурить, надеясь на облегчение своих душевных мук. Семен Семеныч включил чайник, сел за стол, поджав под себя обе ноги, и, глядя на полыхающее под чайником пламя, закурив.

Невольно он начал думать о том, от чего совсем недавно пытался откреститься. Мысль, возникшая первой, повлекла за собой другую, за которую сама собой зацепилась третья. Еще недавно старшему лейтенанту все казалось невероятно сложным и практически неразрешимым. Предстоящие трудности пугали его, как сказочные великаны беспомощного лиллипута. Но теперь, совершенно неожиданно для самого Руденко, предполагаемые действия выстраивались в некую логическую цепочку. Сам собой в сознании Семена Семеныча определился первый шаг, затем он обдумал, что будет делать, если шаг окажется неверным, и что — если правильным.

Сначала он стал вспоминать известные ему заброшенные турбазы, но точного их образа в памяти не было, поскольку Руденко не бывал там, да и необходимости такой не возникало. Затем он обратился к воспоминаниям о подобных местах, в которых когда-либо происходили известные ему преступления, однако их обустройство не соответствовало описанному Яной. Много чего еще передумал Три Семерки, пока наконец, не решил, что гораздо целесообразней посвятить в это дело коллег, посоветоваться с

ними, и, если понадобится, подключить к действиям оперов. Конечно, это было проблематичным, поскольку реальной причины не существовало, но, тем не менее, людей, готовых к сотрудничеству, найти все-таки не составляло особого труда.

Чайник давно закипел, и вода, разъяренно булькая, плескалась через край, заставляя пламя то тухнуть, то возгораться вновь. Семен Семеныч, сам того не замечая, выкуривал третью сигарету подряд, и только хриплый кашель Маргариты Ивановны, донесшийся из спальни, заставил его отвлечься от раздумий и подойти к плите.

Руденко сначала хотел залить кипятком ложечку быстрорастворимого кофе, но потом передумал, побоявшись, что после кофе вообще не уснет до утра. Он, обжигаясь, но не замечая того, выпил зеленого чаю и отправился в постель, надеясь, наконец, по меньшей мере, задремать. Удалось это, конечно, не сразу, поскольку нелегко избавиться моментально от серьезных размышлений, но, тем не менее, постепенно Семен Семеныч все дальше и дальше в мыслях уходил от своих проблем, пока, наконец, сладкий сон полностью не охватил его сознание.

* * *

Проснулся Семен Семеныч необыкновенно рано. Маргарита Ивановна все так же похрапывала, не подозревая о том, что происходит с ее мужем. Руденко, посмотрев на будильник, решил еще немного поваляться в постели, но чувство долга оказалось куда сильнее этого намерения, да и желания особого не было. Стараясь не разбудить жену, которая, наверняка стала бы задавать кучу ненужных, бесполезных вопросов и докучать наставлениями, Три Семерки на цыпочках прокрался в коридор, притворив за собой дверь в спальню. Он, с трудом сдерживая обычные фырканы, умылся холодной водой, выпил чашку крепкого кофе и покинул квартиру, хотя для выхода на работу было еще слишком рано.

Руденко спускался по лестнице, напевая незамысловатую веселую песенку, половины слов которой он даже не знал. На самом деле, радостно Семену Семенычу, конечно, не было, но приободрить себя перед столь серьезным и требующим немалых усилий делом, действительно стоило.

Минут десять пришлось без толку просидеть на месте, прогревая движок машины. «Шестерка» старшего лейтенанта уже многое перевидела на своем веку, поскольку возраст имела довольно солидный. Именно поэтому она требовала к себе особого внимания и заботливого ухода.

Семен Семеныч не раз проклинал ее, когда мотор вдруг неожиданно глох в самое неподходящее время, но гораздо чаще он все-таки радовался ее существованию, так как работа старшего лейтенанта требовала средства передвижения, находящегося под рукой.

Семен Семеныч протер тряпочкой запыленное лобовое стекло, навел порядок в бардачке, где за неделю накопилось много всякой ненужной ерунды, и отправился в путь. Во дворе было еще совсем пусто и поэтому тихо. Вороны, перепуганные внезапно раздавшимся тарахтением, стали возмущенно каркать, жалуясь друг другу и перемещаясь с насиженных мест на другие деревья.

Руденко прибыл в отдел, как и следовало ожидать, задолго до его открытия. Он намеревался сделать окончательные выводы по разработке плана предстоящего дела и сразу озадачить приказами и просьбами пришедших коллег.

Дверь была еще заперта, поэтому пришлось изрядно побарабанить по ней кулаком, так как дежурный охранник наверняка спал, хотя делать этого и не полагалось по инструкции. Предположения Семена Семеныча все-таки оправдались, и через пару минут ему удалось лицезреть заспанное лицо молодого сотрудника органов, который всеми силами старался выглядеть человеком, исправно выполняющим свои должностные обязанности. Три Семерки буркнул ему на ходу пару слов, объясняющих причину его столь раннего визита, хотя оба они понимали, что рабочий день у них ненормированный, и такое случается постоянно.

Оказавшись наедине с самим собой, Семен Семеныч первым делом достал старый, потрепанный телефонный справочник, которым пользовались исключительно редко, так как информация, содержащаяся в нем, давным-давно устарела. Руденко понимал, что главным достоинством этой книжечки сейчас является то, что он может восстановить в своей памяти все, имеющиеся в городе и его окрестностях туристические базы, какие-либо организации и прочие учреждения, которые в данное время могли быть заброшенными или, по крайней мере, по внешнему виду соответствовать Янинскому описанию. Надежда на положительные результаты общения со справочником была довольно обоснованной, поскольку городок не такой уж и большой, сопоставительно с Москвой — и вовсе провинция, глушь, и выстроить ряд возможно верных объектов, отбросив все лишнее, было вполне реально. В случае затруднений могли помочь указанные в книжке телефонные номера, после звонка по которым стало бы ясно — что из себя представляет данное учреждение в данный момент и, вообще, представляет ли оно теперь что-то.

Семен Семеныч долго старательно пыхтел над справочником. Он периодически вставал, закуривал, начинал бродить по кабинету, вслух бормотал одну и ту же фразу несколько раз подряд, пытаясь хорошенько вспомнить какую-нибудь деталь, затерявшуюся в сознании. В голове звучал рассказ Милославской, описавшей местность в мельчайших деталях, и Руденко сопоставлял рассказанное ею с тем, что существовало в реальности в том или ином месте. Он то вслух ругал самого себя не самыми ласковыми словами, то просто отрицательно качал головой, то, довольный, делал какие-то записи в рабочем блокноте.

В коридоре уже хлопали дверями пришедшие сослуживцы. И это говорило о том, что у Семена Семеныча вскоре появятся помощники, которых он намеревался привлечь в добровольно принудительном порядке. На самом деле, через несколько минут так и произошло. В поисках кого-то или чего-то в кабинет через некоторое время заглянул один из недавно поступивших на работу молодых сотрудников. Не успел он задать вопроса, как Руденко накинулся на него со своими. Ничего поначалу не понимая, тот глупо хлопал глазами и молчал. К счастью, Три Семерки не перешел на крик, поняв, что прежде он должен ввести коллегу в курс дела и обстоятельно объяснить причину и цель задания.

— Ну извини, извини, — опомнившись, Семен Семеныч похлопал товарища по плечу, — просто я весь в мыле, голова кругом идет, помощь, понимаешь ли требуется.

— Да я что? Я ничего. Рад помочь, только вот...

Однако, Руденко не дал начинающему милиционеру договорить, вновь осыпав его кучей вопросов. Сослуживцы стали сообща думать-гадать, как лучше действовать дальше: что брать во внимание, а от чего в виду бессмысленности отказаться. Через некоторое время вокруг них собралось еще несколько человек, случайно или по делу заглянувших в кабинет и привлеченных озадаченным старшим лейтенантом к деятельности.

Мужчины спорили, размахивали руками, громко ругались, используя порой нелитературную лексику, периодически вставали с места, закуривали. В кабинете стоял какой-то гул, производимый от этого энергичного, плодотворного общения. И только когда дверь кабинета приоткрылась, все разом, как заколдованные замолчали.

— Я сюда попала? — раздался нежный женский голос.

Ответом было упорное молчание. Просто-напросто загруженные информацией мужчины не сразу сообразили, что вообще следует отвечать, да и незваную гостью они не знали.

— Сюда-а... — послышался из глубины кабинета разочарованный

голос Руденко.

Его самого не было видно, так как облака дыма непрозрачной пленкой затянули и без того прокуренное помещение. Еще бы — кабинет маленький, а народу в нем скопилось предостаточно (кто Семену Семенычу помогал, а кто свои дела решал), и все они позволяли себе курить прямо в помещении.

«Какого черта!» — озлобленно думал Три Семерки, продираясь к выходу. Больно ударившись об угол одного из столов, расставленных здесь неимоверно тесно, он и вовсе завопил нечеловеческим голосом.

Нежданым визитером была Милославская. Она так же, как и Семен Семеныч, провела почти бессонную ночь. Несколько раз поднималась, закуривала, даже выходила во двор, надеясь, что свежий воздух поможет впоследствии поскорее уснуть. Джемма, не в силах бороться со сном, задремала сразу же, как только Яна опустилась в постель. Но когда ее хозяйка делала малейшее движение, она сначала приоткрывала глаза, а потом и совсем вскакивала, готовая оказать помощь.

Гадалка почему-то совершенно не испытывала чувства страха, выходя во двор. Она спокойно присаживалась на ступеньку крыльца и, собираясь расслабиться, все-таки начинала сосредоточенно думать о проблемах, неусыпно тревожащих разум и сердце тоже. Да, расследование таинственного исчезновения пистолета Андрея Щербакова задело экстрасенса за живое.

Постепенно в сознании Яны выстроился план действий из нескольких пунктов. Она предполагала, что Семен Семеныч сразу же завалится спать, и поэтому намеревалась в случае чего поторопить его с осуществлением неотложных действий. Конечно, в плане Милославской не все было гладко. Неизвестных в этом уравнении оставалось больше чем достаточно. Но гадалка надеялась прояснить все темные моменты при непосредственном участии Семена Семеныча.

С этой мыслью, промучавшись до половины третьего ночи, Яна все-таки уснула. Она завела будильник на шесть утра, предполагая встретить Три Семерки в самом начале рабочего дня и предвосхитить все другие его намерения по работе. Однако, когда в назначенный час будильник призывно запиликал, Милославская не нашла сил сразу подняться на ноги. Сначала она дала себе пять минут на возвращение к нормальному состоянию. Но эти минуты вызвали еще большее желание сна, и гадалка провела в постели еще не меньше получаса. Поэтому она и ворвалась в кабинет приятеля в то время, когда там работа уже шла полным ходом.

Картина, представшая перед ней, Яну немало удивила. В этом

учреждении всегда была какая-то суета, толкучка, но то, что там царило сегодня, являлось поистине необычным. Поэтому, приоткрыв дверь, Милославская и спросила, туда ли она вообще попала.

Семен Семеныч выразил свое недовольствие появлением Милославской довольно бурно. Он хотел начать это дело без ее участия. Во-первых, никто в этом случае не наставлял бы его на путь истинный, оновываясь на видениях. Во-вторых, вообще, не женское это дело — участвовать в подобных мероприятиях. Как-никак, всякое могло случиться. А если верить предсказаниям гадалки, то их ожидали события не самые безопасные. Поэтому, искренне любя подругу, Семен Семеныч, старался ликвидировать ее как ненужную обузу и в то же время оградить угрожающих жизни инцидентов.

— Семен Семеныч? — удивленно произнесла гадалка, когда Руденко ответил на ее недоуменный вопрос.

— А кто же еще?! — зло ответил Три Семерки. — И чего тебе только дома не сидится! Спала бы и спала себе! Да, кстати, как ты ночь провела? Все в норме? — тон Руденко при этих словах резко переменялся.

— Да. Все хорошо. Где мы можем поговорить? — Яна окинула взглядом любопытно разглядывающих ее коллег Руденко.

— Если по тому вопросу, который я подозреваю, — Три Семерки многозначительно кашлянул, — то прямо здесь. Товарищи милиционеры в курсе дела и готовы сотрудничать.

— Не-ет, я пас, — лениво протянул один из присутствующих, — у меня своих дел невпроворот.

Семен Семеныч будто не заметил этого возражения, и жестом пригласив Яну войти, притворил за ней дверь.

— Всю ночь не спал, размышлял, как и было приказано, — тараторил Три Семерки, глядя в упор на Милославскую, — и вот, как видишь, привожу в порядок свои соображения при помощи коллег.

— Да, дружеская помощь нам весьма кстати. Я тоже наметила кое-какой план действий, только его подкорректировать надо.

Большинство присутствующих по-прежнему смотрели на Милославскую непонимающе, поскольку они не знали, кто она и зачем пожаловала. Руденко всей правды с самого начала никому не сказал, что было вполне понятно. Вряд ли с ним согласились сотрудничать, зная об источнике информации, которым было видение, посетившее Милославскую во время гадания. Семен Семеныч прикрыл свой интерес к данному вопросу расследованием одного из известных сослуживцам дел, и это подействовало. Впрочем, сотрудники отдела в таких ситуациях по

возможности не отказывали друг другу.

— Яна Борисовна Милославская, — представилась гадалка присутствующим, протягивая Семену Семенычу листочек, на котором она начеркала пункты предполагаемого ею плана поисков таинственного места.

Глядя на записи, Руденко то довольно, а то негодуяще восклицал:

— Чушь полнейшая!.. Хм, а мы и не догадались... Можно было бы попытаться... Нет, это лишнее!

Коллеги молча смотрели на него. Многие из тех, кто поначалу находился в кабинете, покинули его, так как другие дела обязывали к этому, и теперь здесь осталось только четыре человека.

— Ну что, едем, товарищ старший лейтенант? — оживленно спросил тот молоденький парень, который первым присоединился к размышлениям Семена Семеныча.

— Вот молодец! — отозвался Три Семерки. — Вот это молодежь, я понимаю! Наверное, на самом деле, можно приступать к работе. Поедем на моей машине. Будем тщательно прочесывать местности, выделенные нами из всего множества предполагаемых объектов.

— Да, пожалуй мы так и поступим, — поддержала приятеля Милославская.

— Кто это мы?! Ты тоже что ли рвешься в бой, Яна Борисовна?! — Руденко истерически захохотал.

— Да, — как ни в чем не бывало ответила Яна.

— Ха-ха-ха! Да вы посмотрите на нее! Даже и не думай! — Семен Семеныч надел фуражку, лежавшую на краю стола.

— И спрашивать не стану, Сема, — так же спокойно ответила гадалка, — подумай сам — кто лучше всего знает, что из себя представляет та местность? Кто тебя может предостеречь в случае опасности? А? Вспомни, такое не раз бывало. Кто направит работу в верное русло? И, в конце концов, вспомни, с чего все это началось! Щербаков — мой клиент! Так что, предлагаю сдать без сопротивления.

Три Семерки, сраженный убедительной речью гадалки наповал, молча направился к выходу, про себя ругая весь женский род, начиная с прародительницы Евы. Милославская последовала за ним. Переглянувшись, с места встали еще двое милиционеров, Бондаренков и Щуров.

— А может нам разделиться, Семен Семеныч? — предложил Щуров.

— А? — не понял задумавшийся Три Семерки.

— Я говорю, давайте разделимся. Моя машина свободна. Мы с Бондаренковым поедем на ней, а вы с Яной... извиняюсь...

— Борисовной, — пришла на помощь замешкавшемуся мужчине гадалка.

— С Яной Борисовной на вашей «шестерке». Так дело быстрее пойдет. В случае чего: подозрений там каких-либо и или опасности, мы вас известим по рации.

— Хм, — задумчиво произнес Три Семерки, пожалуй, — так на самом деле будет целесообразнее.

Единомышленники сошлись на этом решении и разделились на две группы, договорившись предварительно, кто какие местности будет осматривать. Щуров и Бондаренков по разговору Милославской и Руденко уже начали догадываться, что речь идет о нашумевшем деле Щербакова, потерявшего свое оружие. Это только еще больше их вдохновило, поскольку каждый из них легко мог представить себя на месте несчастного участкового.

Когда Три Семерки и Яна оказались наедине, Семен Семеныч протянул:

— Да... Задала ты мне задачу, Яна Борисовна. Как бы только не опрофаниться, следуя твоим советам — вот что меня гложет изнутри. Разрываюсь, понимаешь ли, на две части. Одна говорит: «Действуй, Сема!», а другая нагло смеется надо мной и орет во все горло: «Семен Семеныч, ты — осел!» И какой из них прикажешь верить, а, товарищ экстрасенс?

Яна подумала, что в некоторых ситуациях вполне можно было согласиться и со вторым высказыванием, но вслух сказала:

— Первая половина наставляет тебя на путь истинный, Семен Семеныч, первая. Так что поехали!

«Шестерка» тронулась с места и заколесила по разбитым дорогам города. Яна сидела молча. Безмолвствовал и Три Семерки. Думали они между тем об одном и том же. Мимо пролетали машины, мелькали дома, торопились куда-то люди. На светофоре Милославская невольно разглядывала притормозившие рядом автомобили и их пассажиров, которые так же смотрели в окна.

Неожиданно, чудом проскользнув между «шестеркой» Руденко и рядом стоящей «Волгой», вперед вырвалась шикарная, сверкающая иномарка.

— Вот козел! — не стерпел Семен Семеныч. — Больше всех торопится что ли? А если бы я сейчас тронулся? Потом такие вот требуют бабки за порчу их авто!

— Вот это да! Эврика! — вдруг воскликнула Милославская и

наклонилась к стеклу.

— Что? — вытаращился на нее Руденко.

— Читай, что написано! — Яна пальцем указывала приятелю на сияющее наименование автомобиля.

— Что? — все так же непонимающе хлопал глазами Три Семерки.

— Читай: «Опель-Фронтера»!

— Ну?

— Что ну? — разозлилась гадалка. — Баранки гну! Цвет какой?

— Ч-черный.

— Номера?

— Е мое! — Руденко звучно хлопнул себя по лбу. — Те, да?

— Да! Да! Да! — выразительно повторила экстрасенс несколько раз.

Семен Семеныч вначале сделал чрезвычайно обрадованную физиономию, но потом вдруг разочарованно поджал губы.

— И что дальше? Какой толк от того, что мы ее встретили?

Милославская испытывала подсознательную необходимость преследования «Опеля». Это чувство родилось в тот самый момент, когда она его увидела, хотя Яна еще не успела сориентироваться в ситуации. Какой-то внутренний голос твердил: «Следуй за ним!». Неизвестно откуда гадалка знала: преследование не будет бессмысленным. Странно, но автомобиль выглядел именно так, каким он явился ей в видении. Казалось живая картина из прошлого неожиданно предстала ее взору. На мгновение женщине показалось даже, что она по-прежнему наблюдает за виртуальными событиями, но, к счастью, Милославская довольно быстро оценила ситуацию и даже успела растормошить приятеля, до которого не всякая информация доходила в нужный момент.

— Сема, гони! — Яна увидела загоревшийся оранжевый свет и накинулась на Руденко, призывая его к неотложной активной деятельности.

Как только на светофоре потух красный, «Опель» стремительно вырвался вперед, опередив все другие машины. Поэтому гадалка так настойчиво и обратилась к Семену Семенычу. Однако тот, окончательно обескураженный происходящим в течение буквально нескольких секунд, сидел неподвижно, как статуя.

— Гони-и! — более, чем на повышенных тонах повторила Милославская.

— Зачем? Еще зеленый не горит! Не положено! — Семен Семеныч вцепился в руль так, как будто у него его пытались отобрать.

— Двигай же, черт бы тебя побрал! — гадалка выругалась, и поскольку делала она это исключительно редко, шокированный Руденко

очнулся и выполнил ее приказание.

— За ним! — тревожно произнесла женщина.

— Но зачем? Какой в этом смысл?

— За ним, говорю!

— Ничего не понимаю! — Семен Семеныч сделал звучный выдох.

Произнеся эти слова, Руденко нажал на газ, и его «шестерка» тронулась с места. Три Семерки на самом деле не осознавал, чего же от него хочет Милославская, и какой смысл в том, чтобы догонять встретившуюся случайно пресловутую иномарку. Все действия он выполнял машинально, следуя указаниям приятельницы, которая периодически вскрикивала: «Направо!», «Притормози!», «Налево!» и так далее.

Через десять минут езды «Опель» остановился у одного из коммерческих ларьков, и к машине сразу подбежал молоденький паренек, держащий в руках предмет, похожий на пачку сигарет. Из окна автомобиля высунулась рука, протягивающая бумажную купюру. Парень, взяв деньги, передал сигареты неизвестному лицу и, благодарственно расшаркиваясь, удалился.

Руденко в течение этого недолгого времени успел прийти в себя и трезво оценить возникшую ситуацию.

— Ерундой какой-то занимаемся, ей богу! — недовольно бубнил он. — Что за ним ездить-то?

— Сема, послушай, — как можно мягче старалась отвечать Яна, — я интуитивно чувствую, что эта погоня приблизит нас к разгадке.

— Интуи-ивно! — передразнил Три Семерки. — Мало ли что нам подсказывает интуиция?! Ведь она очень часто подводит!

— Моя? — усмехнулась Милославская.

Руденко замялся, поскольку опровергнуть слова гадалки ему было нечем. Еще раз буркнув что-то неразборчивое себе под нос, он стал пристально смотреть на «Опель», который в следующую же минуту тронулся с места. Милославская напряженно следила за стремительно отрывающейся от них иномаркой. Ее водитель либо заметил погоню и, заподозрив неладное, решил уйти от преследователей, либо ему просто было наплевать на все правила дорожного движения, и он вел себя на дороге так, как ему заблагорассудилось.

Руденко неистово матерился, проклиная всех ГИБДДшников, которые как сквозь землю провалились. Ведь, окажись они поблизости, «Опель» давно бы вынужден был отреагировать на взмах полосатого жезла.

— Когда не надо, на каждом углу пасутся! — возмущенно восклицал

Семен Семеныч.

В конце концов самому Руденко пришлось забыть обо всех надлежащих ПДД, и он стал без конца подрезать другие авто, делать другие маневры, в общем все, что только могло помочь ему приблизиться хоть сколько-нибудь к желанной цели, тем более Яна давно уже указывала ему на необходимость этого. Так, миновав несколько пыльных улиц, обе машины оказались на дороге, называемой в народе «Дружбой». Проезжая часть здесь была немного шире, поэтому, как догонять, так и уходить от погони, было значительно легче.

Несчастливая «шестерка» Руденко, которую заставляли работать сверх ее возможностей, выла, почти как космическая ракета на взлете. Колеса ее на неожиданно резких поворотах взвизгивали, и от этого пронзительного звука оглядывались немногочисленные перепуганные прохожие. В какой-то момент что-то внутри машины начало дребезжать, и Семен Семеныч отчаянно, громогласно обратился к всевышнему, не представляя себе жизни без этой, хотя и старенькой, но столь необходимой машинешки.

Хозяин «Опеля», наверное, из желания поиздеваться, включил музыку на всю громкость, и на фоне всего этого сверкающего роскошью и комфортом зрелища надрывающиеся «Жигули» выглядели настоящим убожеством.

Иномарка все так же неизменно следовала по «Дружбе», хотя обе машины преодолели уже черту Заводского района. Здесь Семен Семеныч немного воспрял духом, поскольку, если «Фронтера» не намеревался менять путь следования, он неизбежно должен был ехать мимо поста КП ГАИ. Три Семерки так же четко себе представлял, что, даже сбавив скорость, иномарка не сможет уйти безнаказанной, так как в этом случае он сам намеревался спровоцировать какой-нибудь противоправный инцидент, способный привлечь внимание ГИБДДшников. У Руденко появился какой-то собственный интерес в этой погоне. Он даже забыл, как некоторое время назад упорно перечил настояниям Милославской. Теперь, если и не интуиция, то какое-то не менее сильное и необъяснимое человеческое чувство толкало его на подобные действия.

В определенные моменты машина Семена Семеныча сильно отставала от иномарки, и приятели отчаивались. Но то внезапно загоревшийся красный на светофоре, то неумелые водители других автомобилей и прочие мелкие дорожные инциденты невольно сокращали расстояние между «Опелем» и машиной Руденко. В эти моменты Семен Семеныч хохотал, как сумасшедший, совершенно искренне, от души, радуясь «неудаче» другого. Через несколько мгновений ему вновь приходилось унывать. Так

продолжалось до тех пор, пока на горизонте не показался КПП ГАИ, заметный своим полосатым шлакбаумом, при необходимости преграждающим дорогу автомобилистам, следующим в направлении Алтынной горы и далее.

Вдоль шлакбаума шныряли туда-сюда серые, не особенно различимые издалека, силуэты постовых. Периодически они взмахивали своими бессменными жезлами, прикасались губами к свистку и подходили к притормозившим автомобилям, чтобы предъявить свои претензии или просто проверить документы. На правой стороне дороги стояло в ряд три или четыре машины, а возле них сотрудники ГИБДД и водители злосчастных авто. Поэтому на проезжей части было не так уж и много места для крутых маневров. Это Три Семерки увидел уже издалека и решил приложить все усилия с целью привлечь внимание блюстителей дорожного порядка.

Однако, и водитель иномарки, по-видимому, не оставил факт наличия поблизости КПП без внимания. Он резко сбавил скорость, так, что «шестерка» Руденко через несколько мгновений оказалась всего в нескольких метрах от «Опеля». Семен Семеныч посмотрел на будку, в которой обычно находился дежурный, уполномоченный в случае чего сообщить всем постам о необходимости перехвата злостных нарушителей. Руденко показалось, что этот дежурный находится в полной боеготовности. Будка представляла собой небольшое оборудованное помещение, наполовину состоящее из стекла, поэтому даже издалека нетрудно было различить скупающего внутри человека.

Сначала старший лейтенант расплылся в широкой улыбке, но потом он вдруг на мгновение представил, что может произойти, если «Опель» не удастся задержать или даже просто остановить в этом месте. Дорога за контрольно-пропускным пунктом раздваивалась. Левая, более узкая ее часть уходила вниз и вела в Пионерский поселок. Вторая же половина дороги, достаточно широкая, настоящая трасса, круто поднималась вверх. Ехать по ней порой было жутковато, поскольку даже в случае незначительного дорожного происшествия можно было полететь вниз втартарары и никогда уже не увидеть белого света. Особенно существенным фактором риска здесь являлось необычайно оживленное движение на проезжей части.

Руденко подумал, что «Опель» может вздумать показать фигуры высшего пилотажа, и иномарка способна их перенести достаточно безболезненно. А вот «шестерка» Семена Семеныча к такому серьезному испытанию явно не готова. Здесь даже свернуть с трассы и помчаться вдоль

по чистому полю было невозможно, поскольку, как уже было сказано, с одной стороны находился обрыв, а с другой — сама гора, довольно крутая и поросшая лесом.

Между тем расстояние до заветного КПП стремительно сокращалось, и надо было что-то предпринимать. Милославская тоже буквально в несколько секунд оценила ситуацию, но сразу сориентироваться никак не могла. Шок на этот раз затормозил ее реакцию. Руденко же, наоборот, проявил чудеса сообразительности. На шее Милославской был повязан легкий беленький прозрачный платочек из органзы, изящно оттеняющий собой темную блузу. Семен Семеныч, одной рукой удерживая руль, сорвал этот платочек с подруги и, высунув его в окно, стал размахивать им, что есть мочи. Но его жеста никто не замечал.

Тут на помощь пришла Яна. Дерзкий, внезапный жест друга заставил ее сознание выйти из туманного состояния. Гадалка мгновенно сообразила: нужны громкие, резкие звуки, только они способны невольно обратить на себя внимание любого человека, даже самого апатичного и равнодушного.

В то время, когда Семен Семеныч усердно размахивал отрезом развевающейся на ветру ткани, Милославская с силой нажала ладонью на автомобильный сигнал и держала руку так, не отпуская. Гудок, стремительно разрывающий собой воздух, современным назвать было никак нельзя. Впрочем и название гудка для этого звука тоже является достаточно преувеличенным. Это было нечто среднее между натужным оглушительным кряхтением, сопением и ревом. Поэтому, волей-неволей, изумленным постовым пришлось одновременно обернуться в сторону «Жигулей» и «Опеля», ехавшим им навстречу.

Три Семерки сам вздрогнул от внезапно раздавшегося резкого звука и, продолжая энергично взмахивать платком, посмотрел в чрезвычайно оживленное, покрасневшее лицо Яны. Увидев этот, в принципе ничем не обоснованный яростный запал, он вдруг с ужасом подумал о том, чем будет мотивировать свои действия в случае, если после остановки «Опеля» окажется, что, по сути дела, и придраться-то не к чему.

— Вот чертова баба! — очумело прошептал он и, тем не менее, прибавил скорость.

К этому времени, к счастью, все временно задержанные автомобили благополучно тронулись в путь. Руденко резко вырулил в сторону и в два счета оказался впереди иномарки, так как повернуть дело вспять все равно было невозможно. ГАИшники, ошеломленные такой несказанно нахальной выходкой, в три голоса засвистели в свистки и замахали жезлами, указывая на обочину. Семен Семеныч на самом деле затормозил, но только после

того, как поставил машину поперек дороги, так, что проехать «Опелю» было невозможно. После этого Три Семерки, не совладав с эмоциями, положил голову на руль и накрыл ее сверху руками, понимая: оправдание его будет долгим и трудным.

Однако, в следующий момент произошло непредвиденное. Водитель «Опеля», у которого, очевидно, была причина бояться основательного осмотра автомобиля сотрудниками ГИБДД, резко вырулил вправо, чуть было не совершив наезд на одного из постовых. Тот в ужасе шарахнулся назад и, споткнувшись о небольшой камень, размахивая руками, повалился на землю. Хозяин иномарки, скорее всего был вполне готов раздавить этого, ни в чем не повинного человека, на плечах которого, возможно находилась семья. Но во время резкого поворота, при котором «Опель-Фронтера» наскочил на приличный ухаб у обочины, вылетел шаровой рулевой тяги.

«Опель» перекосялся на одну сторону и, процарапав метра два асфальта, остановился, едва не врезавшись в дерево. ГАИшники, увидев это и еще более возмущившись, будто забыли о проделках Руденко и всем скопом кинулись к иномарке. Они были вооружены автоматами и защищены бронежилетами, и, слава богу, за их жизнь не приходилось опасаться.

Семен Семеныч продолжал лежать на руле вниз головой, поэтому ничего этого не слышал. Милославская же, оказавшись свидетельницей последнего происшествия, стала теревить приятеля за плечо.

— Сема! Семен Семеныч! — чрезвычайно взволнованно твердила она.

— Что я наделал?! — отчаянно завопил Три Семерки, полагая, очевидно, что его машина уже окружена сотрудниками ГИБДД.

Естественно, ему, как работнику милиции, легко можно было отделаться от предъявляемых претензий и даже от штрафа. Однако, избежать издевок этих ГАИшников и впоследствии насмешек коллег являлось практически нереальным. На самом деле, со стороны его выхода выглядела довольно глупо.

— А, ну тебя! — наконец звонко произнесла Яна и, хлопнув дверью покинула машину.

Тут только Семен Семеныч сообразил, что без его участия произошло какое-то событие, в корне меняющее дело. Несмело, как-то втянув голову в плечи, он поднял глаза. Милославская уже стояла возле «Опеля» как полноправный блюститель дорожного порядка.

— Во дает! — искренне удивился Три Семерки смелости, находчивости, быстроте реакции подруги.

Сказав это, он тоже вышел из машины и направился к иномарке. Из нее вальяжно выбирался натворивший дел водитель. Он был одет в дорогой спортивный костюм. Что-то в этом костюме показалось знакомым Милославской, как и остальные, выжидающе глядящей на виновника «торжества». Через мгновение в ее сознании всплыли фрагменты того самого видения, в котором она увидела нескольких бритоголовых молодцев, увенчанных золотыми цепями. Яна, как сейчас, помнила лицо одного из них, красное, почти свекольного цвета. Он еще потягивал пиво «Белый медведь!».

Милославская помнила и фамилию владельца автомобиля, вычисленную коллегами Руденко, и всю ту темную историю о Храмове Владимире Николаевиче, руководителе одной из преступных местных группировок. Пристально посмотрев на представшего, наконец, в полный рост перед сотрудниками ГИБДД водителя иномарки, она заключила про себя, что Храмов, кличка которого Китаец, именно такой, каким она его себе и представляла.

При всей своей надменности и фамильярности Китаец выглядел очень взволнованным. Однако после его двух-трех слов гадалке стало понятно: взволнован он далеко не инцидентом, произошедшим с ним сейчас на дороге. Что-то другое, очевидно, более серьезное очень его тревожило. «Неплохо было бы сейчас почитать его мысли», — подумала экстрасенс, вспомнив одну из своих карт. Однако, место для такой процедуры являлось неподходящим, даже слишком.

Один из ГИБДДшников, старший среди других по званию и, как оказалось, наиболее сдержанный, представился и с дрожью гнева в голосе обратился к Храмову:

— Позвольте узнать, чем вызвано такое поведение на дороге?

В этот момент к собравшимся приблизился Семен Семеныч.

— Я и вам адресую этот вопрос, — ГАИшник негодуяще посмотрел и на старшего лейтенанта, но увидев милицейскую форму, вынужден был значительно смягчить тон.

Три Семерки, заранее предвкушая все дальнейшие события, уже держал наготове свою красную корочку.

— Он скорость превысил. Причем весьма существенно. На одной из самых оживленных дорог города. Считаю своим долгом воспрепятствовать такому поведению и предотвратить этим возможную гибель ни в чем неповинных людей, — эти слова Руденко говорил очень торопливо; после каждой фразы он покашливал, как обычно это делают люди в чем-либо провинившиеся.

На лицах молодых ГИБДДшников появилась ухмылка. Это было вполне понятно: объяснение по нашим временам идиотское.

— Позвольте, разве это ваша работа? — продолжал задавать вопросы старший среди сотрудников, в мгновение ока изучивший предоставленный ему Семеном Семенычем документ. — Вместо того, чтобы заниматься своими делами, в которых, смею надеяться, вы обладаете большей профессиональностью, вы создаете смертельноопасные ситуации!

Руденко открыл было рот, пытаясь продолжить оправдательную речь, но его уже не слушали, предположив, что это российский мент старой закалки с большим-большим приветом.

— Позже разберемся! — единственная реплика, которой наградили старшего лейтенанта.

После этого постовые по команде старшего принялись осматривать «Опель». Храмов, который всем своим видом изображал недовольство происходящим, по требованию все же протянул постовому права и прочие документы, небрежно вытасканные из фирменной барсетки. Мирославская, воспользовавшись временным замешательством всех присутствующих, встала на цыпочки и через плечо самого высокого постового, стоящего перед ней, стала заглядывать в предоставляемые Храмовым бумаги. В тот момент, когда она убедилась в справедливости своих недавних предположений, послышался голос старшего ГИБДДшника:

— Позвольте, милая дама! Вы собственно кто такая?

Старший был мужчиной в возрасте, его виски уже покрывала серым инеем седина, а по поведению, манере разговаривать он больше напоминал заумного профессора, поэтому Яна невольно улыбнулась в ответ на его слова.

— Э-это со мной, — испуганно затараторил Руденко — эксперт-криминалист, Яна Мирославская. Едем по делу.

Честно говоря, Семену Семенычу просто-напросто было стыдно признаться, что он, старший лейтенант уголовного розыска, пошел на поводу у гадалки, руководствующейся даже не гаданием, а зовом интуиции.

Постовые искоса посмотрели на Яну и, очевидно, не найдя в ее облике ничего подозрительного, вновь обратили взоры на иномарку. Права и прочие документы у Храмова были в полном порядке, поэтому старший сотрудник ГАИ наклонился к машине, чтобы заглянуть внутрь. Стекла «Опеля» были чрезмерно затонированы вопреки всем существующим правилам, поэтому, не прилагая усилий, разглядеть людей или предметы, находящиеся за их пределами не являлось возможным.

— Та-ак, — неодобрительно покачал головой старший, не

пристегиваемся значит? А для чего тогда, по-вашему, ремни безопасности существуют?

Он обращался кому-то, кого пока никто, кроме него не видел. Яна же, держа в голове образы всех, явившихся ей тогда в видении, не сумела сдержать любопытства и тоже наклонилась к стеклу.

— Боже мой! Какая встреча! — ахнула она. — Сергей, вы?

В машине сидел Листопадов. Этого Милославская никак не могла ожидать. В голове все как-то сразу закипело, перемешалось, но в считанные секунды информация все-таки была разложена по полочкам. Казалось, все сведения, одно за другим, превращались в некую цепочку. Листопадов — друг Щербакова, милиционер, а водит компрометирующие его знакомства с известным преступным авторитетом. Видения, от которых Яна ждала подсказки местонахождения исчезнувшего оружия, неслучайно связывали Листопадова и бандитов. Тем не менее, главное — пистолет, его исчезновение, по-прежнему оставались покрытыми мраком.

У ГАИшников, по-видимому, к хозяину «Опеля» претензий было немало, и отпускать они его пока не собирались. Яне же эта ситуация играла на руку. Однако, мгновение спустя все присутствующие вынуждены были прислушаться к сообщению по радиии, содержание которого было поистине шокирующим. В одном из мест, по стечению обстоятельств указанных в плане действий Руденко и Милославской, неизвестные расстреляли несколько человек.

Далее весьма живописно описывалась картина произошедшего. Но гадалке она и так была достаточно хорошо известна. В ее сознании всплыли рубиновые пятна крови, простреленные головы и все остальное, поведенное ей недавно видением.

Всем постовым ГИБДД был дан приказ задерживать подозрительные машины для тщательного осмотра. Поэтому задержавшим «Опель» пришлось оштрафовать его хозяина и отпустить его с богом, чтобы заняться осуществлением данного, особо важного задания.

— Вот что вас действительно касается! — строго нахмутив брови обратился к Руденко старший ГАИшник.

Он сам и не подозревал насколько был прав, так как нашлось то, что Семен Семеныч с Яной сегодня искали, но, к сожалению, не смогли предотвратить. Тем не менее, поездку в то место бесполезной назвать было нельзя, поскольку пистолет по-прежнему оставался в неизвестном месте. К тому же расследование случившегося входило в непосредственные служебные обязанности старшего лейтенанта.

Поэтому Руденко, махнув рукой на задержанную по его вине иномарку,

поспешил к своей машине чтобы отправиться в указанное место. Вслед за ним торопливо засеменяла и Милославская.

— Ну и делишки! — Семен Семеныч, сделав звучный выдох, стал вытирать пот со лба носовым платочком, всегда заботливо приготавливаемым ему женой.

— Некогда вздыхать, товарищ Руденко, жми теперь что есть мочи!

— Торопиться к трупам нет смысла. Если бы спасти надо было, а то... — Три Семерки пренебрежительно махнул рукой. — Да и думать о последствиях этого события противно. Завтра начальство шею мылить будет! Во всех преступлениях мы же виноваты, больше некому! И не дай бог эти, — Руденко кивнул в сторону КПП, — расскажут, как я правонарушения на дороге предотвращал, вместо того, чтобы своими делами заниматься! Тогда мне точно не сносить головы.

— Брось ты отчаиваться! — Милославская дружески улыбнулась. — Представь себе, что сейчас мы пистолет найдем!

— Э-э-э... — меланхолично протянул старлей. — Откуда ему там быть?

Между тем «шестерка», ведомая Семеном Семенычем, тронулась с места и заспешила в нужном направлении. По дороге ее обогнали пара милицейских машин с включенными мигалками. Очевидно, они спешили туда же.

Милославская редко при ведении расследования расставалась со своими картами, поскольку ситуации, когда ими необходимо было воспользоваться, возникали порой совершенно неожиданно. Аналогично гадалка поступила и в этот раз. Она расстегнула молнию на своей сумочке и достала оттуда колоду. С минуту поразмышляв над тем, какой же картой воспользоваться, она остановила свой выбор на «Взгляде сквозь оболочку». Яна понимала, что все ее предыдущие видения так или иначе подводили ее к месту нахождения искомого пистолета. И сейчас, когда стали разворачиваться столь кульминационные события, он просто обязан был заявить о себе.

Гадалка еще раз с ужасом подумала о том, что именно из этого оружия могли стрелять в тех людей, о которых было сообщено по рации и образы которых явились во время гадания. Оттолкнув от себя эти черные мысли, Милославская положила руку на карту и стала вторить: «Где сейчас находится пистолет? Хочу видеть его точное местонахождение.»

Желание гадалки добраться до истины было сейчас сильно, как никогда. Возможно поэтому тепло в ладони стало ощущаться практически сразу. Милославская замерла всем телом и сосредоточенно ждала

поступления таинственной информации. Вдруг она почувствовала запах чего-то необыкновенно свежего. Это было что-то до боли знакомое, приятное, родное. Потом послышался странный звук, похожий на шуршание. «Что это?» — крутился в голове гадалки терзающий душу вопрос.

Буквально через несколько мгновений ясно-ясно Яна увидела стебли лебеды, увенчанные множеством перламутровых листиков. «Вот откуда исходил этот аромат свежести!» — пронеслась где-то в глубинах сознания радостная мысль. Яна всегда любила этот запах и порой, проснувшись очень рано и выйдя во двор, надышаться не могла этим воздухом, напоенным ароматами разнотравья.

Между тем, кусты травы, представшие перед ней, сами собой вдруг раздвинулись. Все заклокотало в груди гадалки. «Неужели это то, что я искала?» — несмело предположила она. Вслед за этой мыслью, будто испугавшись ее, видение расплылось и мгновенно исчезло. Однако, по своему состоянию Милославская понимала, что магический сеанс все еще продолжается.

Как оказалось мгновенье спустя, она не ошибалась. Черной ловкой змеей вдруг пролетели знакомые уже гадалке цифры — номер искомого оружия. Они, как и в прошлый раз, появлялись одна за другой, черные, жирные, несущие в себе какую-то опасность. Не менее быстро проносились в голове гадалки размышления. Казалось, ясно уже все: цифры — это пистолет, а трава — его местонахождение. Однако, мало ли где в городе растет лебеда, да и даже если бы удалось найти нужный объект, искать в зарослях травы пистолет на территории больше нескольких сотен метров — задача нереальная.

После того, как исчезла последняя черная цифра, вновь почувствовался запах свежести. Редко бывало такое, когда за один сеанс дважды повторялось одно и то же видение, поэтому Милославская происходящим была немало удивлена. Вновь послышалось шуршание, вслед за ним появилось зеленое пятно, как по волшебству, превратившееся вскоре в кусты названной травы. Яна не понимала, с чем связан такой ход дела.

Потом вдруг масштабы видения расширились. Сначала гадалка получила возможность рассмотреть местность в окружности около двух-трех метров, затем пяти, десяти и так далее. Через некоторое время Яна уже могла с точностью описать ту местность, которую она увидела. Теперь ее возможности значительно увеличились, так как в сознании был образ не только травы-лебеды, но и всего того загадочного пункта в целом: забора,

наземных построек и почего. Поэтому Милославская знала, сколько шагов и в какую сторону ей надо сделать от тропинки, чтобы добраться до таинственного места.

А оно было поистине таинственным: в той самой лебеде скрывался тайник, вернее его крышка, железная, грубо сваренная. Заметить ее было непросто, поскольку лебеда вокруг была достаточно густой и высокой, а сама железяка — будто находилась под землей, развеявшейся внезапно в видении в никуда. Яна предположила: крышку тайника просто присыпали почвой. Под ней находилось что-то вроде небольшого подвала. Крышка в этот подвал распахнулась перед экстрасенсом легко, как будто была картонная. И оку женщины предстало то, что она так настойчиво искала. Оружие было замотано в засаленную, грязную тряпку, которая тоже распахнулась сама собой, слабая и беззащитная перед силой фантастической энергии Милославской.

— Как оно там оказалось? — твердила экстрасенс.

Вдруг видение приостановилось, и его кадры будто стали прокручиваться назад в ускоренном темпе. Яна видела то же место, тот же тайник, но еще более отчетливо она видела Листопадова, который, наклонившись, ложил пистолет в яму.

Долгожданный, долгоискомый пистолет, потерянный Щербаковым, вернее, украденный у него, был достойным продолжением видения. Яна рассмотрела его во всех деталях, даже номер. Он на самом деле совпадал с тем, который уже неоднократно подсказывало ей гадание.

— Яна Борисовна! Яна! — тряс подругу за плечо Семен Семеныч. — Не время спать!

Струдом открыв глаза, Милославская еле слышно произнесла:

— Я не сплю.

— Приехали уже. Впрочем, если хочешь, сиди в машине. Зрелище это, на самом деле, не для женщин.

— Нет-нет, что ты! Я с тобой, — Яна попыталась приподнять голову со спинки сиденья.

Она чувствовала невероятную усталость и слабость. Впрочем, это были ощущения давно знакомые и типичные для данной ситуации. Руденко же, заметив странное состояние недавно такой бодрой приятельницы, не двигался с места. Бормоча себе что-то под нос и всецело отдавшись раздумьям о случившемся, он и незаметил, чем занимается гадалка.

— Ты что, опять за свое! — недовольно воскликнул он. — Издеваешься? Нет... С меня хватит! Мало ты меня тогда напугала своим полуэпилепсическим-полумертвым видом?!

— Успокойся, Семен Семеныч, я в норме, — с трудом придавая голосу нотку бодрости, сказала Милославская и открыла дверь автомобиля, чтобы выйти.

Почувствовав легкое головокружение, она пошатнулась, но все-таки удержалась на ногах. К счастью, Три Семерки, закрывающий в этот момент машину, ничего не заметил, иначе бы он ни за что не позволил подруге идти с собой и, не дай бог, вызвал бы «Скорую». Оказавшись, наконец, на улице, гадалка огляделась — в этот же момент ее сердце судорожно застучало, запрыгало, как теннисный мячик, только очень-очень тяжелый.

— Это место мне знакомо, — невольно вслух произнесла Яна.

— Что-что?! — удивленно воскликнул Семен Семеныч.

— А? — очнулась от раздумий Милославская. — Нет, ничего. Пойдем скорее.

Ржавые железные ворота, распахнутые сейчас настежь, вели во двор, обнесенный высоким бетонным забором. Этот забор, как и все остальное здесь, был Яне уже знаком из того страшного видения.

— Да... — задумчиво протянул Три Семерки, — местечко не из приятных. Какая запущенность! Боже мой! Окраина города, конечно, но все-таки города, а не какой-нибудь деревни Закунаевки! И это все, — Руденко обвел местность жестом руки, — оказалось сейчас никому не нужным! А ведь были времена... Э, да что говорить! Ну хотя бы порядок что ли навели! Впрочем, у нас чистят только там, где губернатор может проездом быть или глава администрации. Сюда, видимо, они отродясь не заглядывали. Ладно, бог с ним, идем, Яна.

Приятели быстрым шагом направились вглубь двора. Как Милославская и ожидала, протоптанная ногой человеческой тропинка вела к заброшенному зданию, очень похожему на гараж. Вокруг здания уже стояли те самые милицейские машины, обогнавшие по пути «Жигули» Руденко. Милиционеры и какие-то люди в штатском суетились возле, что-то записывая, отмеряя, разглядывая. Руденко прямым ходом направился к ним, чтобы оказать помощь и поддержку. Убийство, к его несчастью, произошло в районе, за порядок в котором отвечало отделение Семена Семеныча.

Яна же притормозила и стала оглядываться по сторонам.

— Ты что? — оглянувшись, удивленно спросил Руденко.

— Ничего. Иди, я догоню, — как-то отрешенно произнесла гадалка.

Она намеревалась начать поиски пистолета, поскольку последнее видение подсказывало ей, что он находится именно здесь. Площадь для поисков, надо сказать, была немаленькой, поэтому так, с налету,

таинственное место вряд ли бы отыскалось. Однако, в помощь Яне пришли те многочисленные детали, которые преподнесло ей гадание. Разложив всю имеющуюся информацию по полочкам, Милославская определила несколько направлений для поисков. Она даже на какое-то время забыла о тех, кто здесь еще, кроме нее, находился. Милиционеры же кружились в одном месте и, по всей видимости, даже не собирались соваться туда, где вела работу гадалка.

А она постепенно добралась до задней части двора. Вся одежда Милославской была покрыта желто-зеленым налетом — это пыльца со спелой травы осыпалась при соприкосновениях. Яна шла и удивлялась, почему трава здесь такая сочная, мощная, сильная. Но потом она вспомнила полноценные дожди и следующие по их следам теплые солнечные дни. Большого для благополучного развития растений и пожелать трудно. Здесь кое-где торчала и другая травка, но настырная лебеда почти заглушала ее.

Яна двигалась по направлению к бетонному забору. Наконец, она достигла искомого места. Но трава здесь не была примятой, какой надеялась ее увидеть Милославская, и это показалось ей очень странным. Ведь со дня потери пистолета прошло всего несколько дней, а с того дня, как его спрятали, наверное, и того меньше.

— Неужели все это ошибка?! — в ужасе воскликнула гадалка.

По ее расчетам, оружие должно было находиться именно здесь, но никаких признаков недавнего присутствия здесь людей не наблюдалось. Уставшая, Яна опустилась на траву. Вдруг она заметила в одной из плит, ограждавших территорию, почти в самом ее низу, дыру, небольшую, но вполне достаточную для того, чтобы в нее просунулась рука человека. Милославская встала и направилась к плите. Вдруг она споткнулась о что-то и, едва не ударившись лбом о плиту, упала. Потирая ушибленные места, женщина попыталась увидеть помеху на пути, заставившую ее споткнуться. Поначалу ничего странного ею замечено не было, но несколькими минутами позже она обнаружила небольшой пласт земли, снятый зачем-то с поверхности и положенный на что-то. Он был незаметен, поскольку трава на нем росла так же как и везде рядом: почвы для питания корней было достаточно. В видении этот участок представлялся ей примерно метровым по площади, а оказался не более двадцати сантиметров в длину и ширину.

Поразмышляв немного, гадалка пришла к выводу, что хозяева тайника пользовались им, проникая рукой через отверстие в плите. Задумано, конечно, было хитро. Редкий любопытный, проходящий мимо этой

местности с той стороны забора, если бы и заглянул в отверстие, то вряд ли бы что-то увидел. Тем более не увидел бы ничего и тот, кто совершал бы какие-либо поиски изнутри двора. Если бы не карты-помощники, то и гадалка никогда бы внимания не обратила на этот крохотный участок земли.

Яна с трудом оттащила в сторону земляной пласт, похожий на передвижную грядку. При этом посыпались комья земли, но в целом «грядка» осталась жизнеспособной.

Под слоем земли находилась та самая железная крышка. Милославская была чрезвычайно напряжена. Сердце, и без того обеспокоенное в этот день, стучало чаще обычного в ожидании долгожданной развязки.

Крышка оказалась необыкновенно тяжелой, и Яне удалось сдвинуть ее с места далеко не с первой попытки. Заглянув внутрь, Милославская ничего не увидела, поэтому стала искать пистолет наощупь. Опустив руку в яму больше, чем по локоть, она ощутила прикосновение к чему-то мягкому, предположительно, к какой-то материи.

— Вот оно! — радостно вслух воскликнула женщина, вспомнив, что в видении пистолет предстал ей именно замотанным в тряпку.

Она ухватила находку рукой и вытащила ее наружу. В этот момент где-то позади послышались крики:

— Я-ана Борисовна! Яна-а!

Гадалка сразу узнала голос Руденко, который уже давно спохватился ее. Сначала он предположил, что она, не желая созерцать ужасное зрелище, просто возвратилась в машину, но, вернувшись туда через некоторое время, никого не обнаружил и стал ходить вокруг постройки, громко выкрикивая имя подруги.

Чтобы не привлекать к себе излишнее внимание, Милославская встала и помахала тем самым белым шарфиком, которым недавно пользовался на дороге Семен Семеныч. Три Семерки не сразу заметил эти жесты, а, заметив, бросился навстречу гадалке с взволнованными возгласами:

— Что с тобой Яна? Я уж думал, ты после гадания своего сознание потеряла, лежишь где-нибудь и тихо умираешь! Ты что там делаешь? Зачем так далеко забралась? Сама не своя что ли?

Вопросы сыпались один за другим, поэтому гадалке ничего не оставалось, как только показать Руденко пистолет. Она дождалась, когда он немного приблизился и протянула ему находку. Тот на минуту застыл в изумлении, а потом, снимая с головы фуражку, еле слышно прошептал:

— Неужели он самый?

— Он самый, Сема, — улыбаясь ответила Милославская, с трудом

веря происходящему, — он, Сема, номерной.

Гадалка протянула пистолет Семену Семенычу.

— Ну что, зови коллег, объявляй о находке! — весело проговорила она.

— Подожди, подожди... — Семен Семеныч как-то призадумался. — Ты на шины «Опеля» внимание обратила?

— Крутые, как и все в нем остальное... Рисунок необычный...

— Во-во! Не то что необычный, а редкий! — воскликнул Три Семерки. — Здесь следы именно от таких колес. Сейчас этим занимаются наши эксперты. Подозреваю, что «Опель» спешил именно отсюда. Его хозяин — либо убийца, либо беглец от убийц. — Руденко прищурился и пристально осмотрел со всех сторон найденный пистолет. — Из него сегодня явно не стреляли...

— «Опель» надо задерживать! — с особенной строгостью в голосе проговорила гадалка. — Кажется, все проясняется. Листопадов, лучший друг Щербакова, как-то связан с бандитами. Видимо, он перед ними проштрафился. Предполагаю, в чем — наркоману нужны средства на очередную дозу, возможно, Сергей задолжал... Узнав, что братанам нужны стволы, он воспользовался беспомощностью пьяного друга и выкрал у него оружие. Бандиты пока держали пистолет в тайнике, вполне справедливо предполагая активные поиски оружия ментами. Теперь мне понятно, насколько я была близка к разгадке тогда, когда на меня покушались, и почему они это делали.

— Ловко мыслишь! — Три Семерки присвистнул.

— Остальное — твое дело, — продолжала Яна, — я заказ клиентов выполнила, оружие нашла. Вора, кажется тоже. Мотив похищения раскрыла. Осталось решить юридические вопросы.

— Но разве доказано, что вор пистолета — Листопадов? — разочарованно протянул Руденко. — Мы же не можем строить обвинения на твоих видениях!

— Нет, но возможно здесь помогут банальные отпечатки пальцев? Ведь я «видела», что оружие прятал Листопадов. Ты утверждаешь — им не успели воспользоваться. В видении Сергей не избавлялся от своих отпечатков. Надо действовать.

— Ты права. Мне тоже многое теперь понятно. Помнишь убийство того Ивушкина? О нем по телевидению еще сообщали?

Естественно, Милославская не могла об этом забыть, поскольку еще тогда почувствовала, что оно имеет какое-то отношение к расследуемому ею делу.

— Конечно, помню, — эмоционально подтвердила она.

— По-моему, сегодняшняя мясорубка — месть за случившееся. Криминальные разборки.

— Да... — задумчиво протянула гадалка. — Жизнь полна сюрпризов. Кто мог подумать, что история исчезновения пистолета простого участкового милиционера окажется связанной с историей выяснения отношений между преступными группировками...

* * *

Милославскую разбудил телефонный звонок. Джемма недовольно заскулила, услышав его, так как знала: хозяйка еще не успела как следует отдохнуть.

— А-э-лло! — позевывая, протянула Яна.

— Поздравь, все подтвердилось! — на одном дыхании выпалил Руденко.

— Что?

— Рисунок на шинах, отпечатки пальцев...

— Отлично! — гадалка окончательно очнулась ото сна.

— Ну а ты как? Клиентка довольна? — живо поинтересовался Семен Семеныч.

— Да.

После того, как Милославская рассталась тогда с приятелем, она поспешила не домой, а к Щербаковой, чтобы сообщить ей долгожданную радостную новость. Разговор женщин был бурным. Яна услышала много слов благодарности и признательности от Веры, а когда вернулся Андрей, то и от него. Конечно, поначалу он молчал, ошеломленный, и до последнего не хотел верить в причастность Сергея. Но потом позвонил в отдел и узнал, что тот уже арестован. Менты сработали быстро, под чутким руководством Руденко, естественно. А ему, с легкой руки Яны, многое заранее было известно.

Сейчас Милославская не стала вдаваться в подробности той встречи, а ответила коротко.

— А у меня еще одна новость! — хитро заявил Три Семерки.

— Какая? — не понимая, в чем дело, спросила гадалка.

— Меня, кажется, повысят в звании!

— Вот это сюрприз! — искренне обрадовалась Милославская и даже привстала с постели. — Это же здорово! Наконец-то! Столько лет! Поздравляю, поздравляю!

— Прошу прийти тебя на праздничный вечер в семейном кругу, чтобы отметить это знаменательное событие.

— Вот от этого не откажусь! — с удовольствием согласилась Яна.

— Только прошу тебя, прими благодарность от меня сейчас, по телефону, — чувствуя неловкость, процедил Три Семерки, — не хочется концентрировать внимание близких на том, как мне досталось это звание... Имею в виду твое активное посредничество...

— Ладно тебе, Семен Семеныч. все это пустяки, ты, на самом деле, заслужил его.

— Правда? — по-детски взвизгнув, мгновенно отозвался Руденко.

— Ну конечно! Ты самый замечательный и выдающийся мент города! — гадалка весело расхохоталась, и эхом вслед ей отозвался басовитый смех бывшего старшего лейтенанта.